АНДРЕЙ
ПОСНЯКОВ
омнибус
Драконы моря
Призрак Карфагена
Чёрные плащи
Принц воров

Андрей Анатольевич Посняков
Вандал (сборник)
Серия «Фэнтези»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17870778
Андрей Посняков. Вандал: Драконы моря. Призрак Карфагена. Черные плащи. Принц воров: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-094966-3

Аннотация

Каскадер Саша Петров, принимая участие в съемках «пиратского» фильма, внезапно для себя оказывается в ситуации, которая могла привидеться ему лишь в страшном сне! Буря, разбившийся о скалы «киношный» корабль, и… вместо уютного гостиничного номера в предместье Туниса – грязный сарай, оборванцы, побои и самое жуткое рабство! Далеко не сразу Александр начинает понимать то, что этот вот, внезапно окруживший его, мир вовсе не тот, к которому он привык. Это мир древности, раннего средневековья, с правом сильного, подлостью, маскирующейся под дружбу, и дружбой, скрепленной вражеской кровью на острие меча!

Чтоб выжить здесь, нужно быть сильным… и умным. Вырваться на свободу, защитить себя и других, обретя славу непобедимого морского вождя – хевдинга, верных соратников и друзей и даже, может быть – любовь….

Содержание

Драконы моря 5
Глава 1. «L'Etoile» 5
Глава 2. «L'Etoile» и компания 14
Глава 3. Умеют ли дельфины улыбаться? 31
Глава 4. Зеленая луна 58
Глава 5. Придурки 86
Глава 6. Вилла 113
Глава 7. Матрона 140
Глава 8. Ночные тени 174
Глава 9. В море! 219
Глава 10. Это правда! 237
Глава 11. Дождь. Ночь. Волны 288
Глава 12. Арника 297
Глава 13. La Isla Bonita 324
Глава 14. Таверна и ЧОП 353
Глава 15. Кока-кола 407
Глава 16. Пилигримы 414
Глава 17. Весь флот Карфагена! 431
Глава 18. Нежданная встреча 456
Глава 19. Штурм 463
Конец ознакомительного фрагмента. 475

Андрей Посняков
Вандал: Драконы моря. Призрак Карфагена. Черные плащи. Принц воров

© Посняков А., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Драконы моря

Глава 1. «L'Etoile»

Я в жизни не видывал ладьи, оснащенной лучше, чем эта…
«Беовульф»

Южное косматое солнце палило так, что, кажется, сдирало кожу. А время, между прочим, было еще раннее, впрочем, еще с вечера снова задул проклятый сирокко – ветер пустыни, приносящий сухую жару и мелкую желтовато-красную пыль.

Море подернулось мелкой зыбью, кое-где перебиваемой всплесками крупных волн, с шумом вздыбивших голубовато-зеленые спины. Одна из таких волн ударила суденышко в борт, едва не развернув поперек ветра – а это было опасно, и шкипер – мускулистый, голый по пояс бородач в штанах из козлиной шкуры, сдвинув кустистые брови, погрозил гребцам кулаком.

А волны опять – а-а-п! И бородач едва успел ухватиться за шкот, иначе б точно свалился.

– Выравнивай, выравнивай, – обернувшись с носовой палубы, громко закричал Гейзерих – могучий красавец в бле-

стящей на солнце кольчуге и сверкающем шлеме, настоящий вождь, этакая белокурая бестия. В правой руке он держал длинный римский меч – спату, – левой ухватился за носовую статую, изображавшую какую-то грудастую деву. Статуя была позолоченной и тоже сияла – больно было смотреть.

– Да поворачивайте же, Водан вас разрази!

И снова волна, на этот раз полуголые гребцы сдюжили, наконец, повернули, поставили судно, как нужно – по ветру. Затрепетал взметнувшийся на единственной мачте парус – огромный, белый с широкими красными полосами.

– Суши весла! – сплюнув, распорядился кормщик.

Сам же тотчас же налег на рулевое весло, большое и тяжелое, удерживая галею на единственно верном пути. «Сверкающая Валькирия» – так гордо именовалось судно, узкое, длинное, низкосидящее, с крепкой обшивкой из дуба и снабженным длинной рукоятью рулевым веслом. Верткое и быстроходное, оно легко вмещало полсотни воинов, это не считая сидевших в один ряд гребцов и команды, вместе называвшиеся галеотами.

И снова волна… И ветер… И соленые брызги, с шумом разбившиеся об бушприт.

Стоявший на носу, у абордажного мостика, вождь улыбался – он и не должен был ничего говорить, лишь только вот так вот стоять, картинно опираясь на сверкающую в солнечных лучах деву, время от времени размахивая мечом и оглядываясь на разместившихся на узкой палубе воинов – вот

уж кто были молодец к молодцу: все, как один, здоровущие, косматые, с угрюмыми рожами висельников и убийц! Одетые, кто во что горазд – у кого-то имелись кожаные, с блестящими металлическими бляшками, панцири, кто-то щеголял и римской лорика-сегментата, и чешуйчатой лорика-скуамата, и даже галльской кольчужкой – лорика-хамата, большинство же были по пояс голыми, всю одежду их составляли узкие штаны да обмотки, тщательно оплетенные крепкими ремешками из выдубленной лошадиной кожи. Вооружение всего этого сбро… тьфу, тьфу – великих воинов Водана! – также было весьма разнообразным – короткие и длинные мечи, широкие абордажные сабли, дротики, дубинки, секиры, имелись и короткие, с хищными стрелами, луки. На корме трепетал длинный – синий с зеленым – вымпел с вышитым золотом изображением Водана – жестокого германского бога.

«Где же купцы?» – думал про себя Гейзерих, стоя на носу и расставив ноги, он знал – они обязательно должны быть, эти гнусные торговцы, которых так легко и приятно будет сейчас щипать… вот уже пора бы им появиться, давно пора, может, вот как раз сейчас, из-за того мыса…

– Уа-а-ауууу!!! – громогласный рев вдруг потряс судно.

Вождь улыбнулся – ну, наконец-то, ну вот они…

Кургузые купеческие суда показались из-за мыса, три неповоротливых и, видимо, груженных чем-то весьма ценным, «круглых» кораблика… Что ж, трепещите, трусливые

купчишки! Сегодня – день Водана и силингов!

Повинуясь жесту вождя, кормчий махнул рукой помощнику, задававшему ритм гребле. Тот ударил в медные диски… Раз-два… еще раз, еще… мерно, быстро, еще быстрее… Моряки проворно спустили парус – он теперь не нужен, они – лишь помеха…

Раз-два… раз-два…

Весла поднялись и мерно опустились, и снова поднялись… Оглянувшись, Гейзерих невольно улыбнулся, залюбовавшись умелой работой гребцов – раз-два, раз-два…

Ага! Купчишки заметили грозное судно силингов!

Замедлили ход – слышна была ругань кормщиков… пытаются уйти, вновь скрыться за мысом… напрасные надежды!

– Во-дан! Во-дан! Во-дан! – в такт гребцам орали воины, выли, улюлюкали, потрясая мечами и копьями, кто-то уже в нетерпении грыз свой щит…

– Во-дан! Во-дан!

Едва не выпрыгивая из воды, «Сияющая Валькирия» неслась, словно летучая рыба. Вообще-то можно было бы сейчас и не спускать парус… опустить лишь тогда, когда судно подойдет к купцам на расстояние полета стрелы. Гейзерих знал, как это сделать, он прекрасно умел обращаться с парусами… Но на этот раз – ладно, сойдет и так, с веслами – ах, как красиво, как завораживающе-мощно! Как перекатываются мускулы у гребцов…

Раз-два… раз-два…

– Во-дан! Во-дан!

Раз-два, раз-два, раз…

Что такое? Откуда здесь, за мысом, взялись эти приземистые, вытянутые, словно хищные рыбы, суда?

– Дромоны!!! – гулко закричал шкипер. – Дромоны! Это ромейский флот! Что будем делать, вождь?

Гейзерих ничего не сказал, лишь сдвинул на лоб шлем, радужным нимбом сверкающий в водяных брызгах. Лишь взмахнул мечом – вперед! Пристало ли славным силингам бояться как-то изнеженных ромеев? Да мы расколошматим их всех, клянусь Воданом!

Вперед!

Гребцы ускорили темп, и вот уже ходкое судно пиратов ударило тараном в борт вражеского корабля. Ромеи, как видно, не ожидали подобной наглости! Дромон вздрогнул и сразу осел, набирая носом воду…

– Во-дан!!!! – ахнул на все море вопль.

Вождь предостерегающе поднял руку – ветер трепетал его алый плащ, небрежно заколотый золотой фибулой в виде головы какой-то фантастической птицы. Нет… этот дромон сейчас – не добыча. Пусть тонет, а вот тот, что спешит к нему на помощь… судя по развевающимся красно-желтым стягам – флагманский… Вот его и… вот его…

На носу вражеского корабля застыл ромейский витязь – голоногий, в короткой кольчуге, в позолоченных поножах и наручах. Глухой серебристый шлем закрывал почти все его

лицо, глубоко в прорезанных щелях яростью сверкали глаза, и длинный, жаждущий крови варваров, меч нетерпеливо дрожал в руке воина, и синий плащ трепетал за его могучими плечами.

Это был Елизарий, великий дука ромеев – командующий всем флотом древней и вечно юной Византии.

Не терять скорость… главное – не потерять скорость, вернее – вновь ее набрать. А ну, шкипер… а ну, помощник… Раз-два, раз-два, раз…

Суда сближались. Убыстряя ход, они неслись прямо друг на друга – «Сияющая Валькирия» и флагманский дромон ромеев. Вот сейчас они столкнутся, вот сейчас…

Бабах!!! Вот прямо – таран на таран… Треск ломающихся весел, и грохот такой, что даже заложило уши…

Едва удержавшийся на ногах Гейзерих усмехнулся – вот теперь настало время для пира мечей и копий, время волнующей пляски секир, время распоротых животов и дымящихся, вываливающихся на палубу кишок, время отрубленных голов, время битвы!

Вперед, славные силинги, не посрамим чести предков! И да поможет нам Водан, Донар и все прочие боги…

– Уа-у-у-у!!!

Оттолкнувшись ногами от палубы, Гейзерих перепрыгнул на борт вражеского корабля… о, он хорошо знал, как именно следует прыгать… и как именно вести себя там, на дромоне… Ухватиться за высокий вздыбленный нос… и ладно,

что нога едва не соскользнула с тарана, теперь уж все равно, теперь уж вождь силингов здесь, а позади – вот точно так же прыгают, вгрызаются в ряды врагов славные воины, ибо смерть вождя-хевдинга – что может быть позорнее?

А молодой хевдинг, красивый, как бог войны и смерти, уже сбросил с плеч мешающий битве плащ – алый, затканный золотом, он упал в воду, намок… Ничего! Сегодня будет много таких плащей, и еще лучших! Много богатства, много добычи… и много славы – один корабль силингов против трех ромейских дромонов! И это еще не считая робко прижавшихся к побережью купцов. Впрочем – чего из считать-то?

Звените, мечи! Пенитесь, волны! Дуй ветер, дуй! Пой песнь славных хевдингов моря!

Оп!

Оказавшись напротив ромейского дуки, Гейзерих взмахнул мечом… сражаться он умел не хуже, чем обращаться с парусом и веслом.

Дзин-н-н-нь!!!

Однако и Елизарий оказался рубакой не из худших. Вот славно! Это и в самом деле, славно! Победить в честном бою храброго воина – что может быть лучше? Что может быть упоительней? Разве что… гм-гм… прелести юных критских рабынь, что покорно ждут сейчас в трюмах купцов? Хотя – что рабыни, и что – битва? Музыка битвы, песнь стрел – вот она, настоящая жизнь, а смерть – лишь ее продолжение!

Еще удар!

На этот раз выпад произвел ромей, едва не воткнув холодное жало клинка хевдингу в шею. Ага, воткнул… не тут-то было! Уклонившись назад, Гейзерих резко дернул меч вверх, переводя удар в иную плоскость, враг ударил еще, и еще… хевдинг лишь усмехался, выбирая благоприятный момент для атаки… ага, вот…

Краем глаза молодой вождь силингов видел, как и слева, и справа, и впереди – везде – бьются с ромеями его люди, верная дружина, так что подлого удара сзади можно было не опасаться… разве что – шальной стрелы…

Оп!

Влево! Резко – влево, как будто именно с той стороны и задуман удар… Пусть враг в это поверит, пусть дернется… ага!

А вот теперь – получай…

Удар!!!

И растерянный взгляд в прорезях шлема… И выбитый из руки вражий клинок, медленно – нет, это так казалось, что медленно – падающий в море…

А теперь – кулаком в грудь! Не стоит убивать мечом безоружного. Да, дука в кольчуге… но Гейзерих – парень хоть куда! Силен, очень силен – и как бить, знал…

Удар… один только удар могучего кулака… могучей длани… И ромей, потеряв шлем, полетел в воду, следом за своим мечом…

Вот это славно, славно!

Слава Водану! Слава Донару! Слава Тюру!

Ага, этот дромон уже наш! Еще остался один…

– Черт? А это еще что такое? Откуда здесь взялся этот гнусный кораблик?

Хевдинг сплюнул и выругался. Кораблик, действительно оказался гнусный – тарахтящяя старым, давно не перебранным движком, шхуна с французской надписью – «l'Etoile».

Глава 2. «L'Etoile» и компания

…они поручили
челн теченьям;
сердца их печальны…
«Беовульф»

О, этот хитрый дьявол Алим Кишанди вроде бы оказался человеком дела! Нет, конечно, пришлось поторговаться, и алчный контрабандист выудил из всех последние деньги… а, впрочем, не такие уж они и были большие, эти деньги, вряд ли больше десятка тунисских динаров у каждого, а у этих нищих, из Кот-д'Ивуара – и того меньше, все, что смогли скопить.

Сидя на палубе ««l'Etoile», у ржавого, с ошметками светло-зеленой краски, борта, Луи косился краем глаза на своих попутчиков… нет, лучше сказать – невольных спутников – обездоленных африканских парней, таких же, как и он сам, искателей лучшей жизни. А куда было податься искать лучшую жизнь этим беднякам – беднякам, знающим более-менее сносно французский – как не во Францию? Благо земляков там уже было – до дури, а спрос на черную работу не падал. Беглецы – нет, беженцы – черной работы не боялись, боялись таможенников, пограничников, жандармов и всех прочих – Евросоюз давно уже ужесточил квоты на иммиграцию, точнее сказать, урезал их совсем. Оставалось одно – проби-

ваться вот как сейчас – нелегально, на шхуне старого тунисского контрабандиста Алима Кишанди, чтоб он подавился своими динарами! Хотя… нет, нет, дай ему здоровья Иисус Христос и Пресвятая Дева, если бы не он… Да и черт с ними, с деньгами, там заработаем, лишь бы доплыть, лишь бы добраться… пробраться – лучше уж так сказать. Лишь бы пробраться, а там… А там – молочные реки, кисельные берега… там…

Луи закрыл глаза, силясь представить себя… гм-гм… ну, скажем, на Елисейских полях, почему бы и нет? В ярко-зеленой, расшитой золотом ливрее ресторана «Лидо»… А носят ли служащие ресторана ливреи? Швейцары – наверное… да если и не носят, какая разница? Еще говорят, в Париже не хватает водителей городских автобусов – вот бы выучиться! – правда, это уж мечта так мечта! Все равно, что катать туристов по Сене на «Батомуш» – маленьких речных трамвайчиках.

– Мадам-месье, прошу вас… посмотрите направо – всемирно знаменитый музей д'Орсе с полотнами импрессионистов, налево… черт его знает, что там налево? Площадь де ля Конкорд, кажется… ну да – с обелиском. Так! Налево – площадь Конкорд, направо – музей д'Орсэ, с импрессионистами… Кто такие импрессионисты, Луи не знал, хотя и был любознательным юношей, но вот слово почему-то запомнилось – уж больно было красивым, из той, лучшей жизни, что грезилась, что приходила порой в сладких голодных снах в

убогой хижине на околице Нгуеро – племенной деревеньки ибо на самой окраине Нигерии, на границе с Нигером. Да – Нигер и Нигерия – два разных государства, Луи устал уже объяснять это толстяку Аннолезу из Кот-д'Ивуар и его компании – таким же сирым, убогим и неразвитым, как и сам Аннолез… и как они еще французский-то выучили? Хотя – французский в Кот-д'Ивуар все ж таки язык государственный… как и в Нигерии – второй, наряду с английским – как и в соседнем Нигере, откуда этот гнусный краснорожий Нгоно – фульбе, скотовод, кочевник… Сволочи они все, это фульбе, хуже туарегов, ишь, ухмыляется, харя красная… у фульбе вообще не только морда, вся кожа красноватого оттенка, словно бы пропиталась кровью, ну да – они же убийцы, эти проклятые фульбе! Недаром у всех них тонкие – как у гончих собак! – носы и такие же тонкие – змеиные, ну, точно – змеиные! – губы. Убийцы, убийцы… Луи невольно поежился и тут же отвел взгляд, случайно столкнувшись с карими глазами Нгоно. Такие, как этот Нгоно, фульбе, явились в деревню в ночь, точнее сказать – из ночи. Убийцы в длинных накидках. У всех были копья, а у одного – главного – автомат! Китайский – «калашников». Они убивали всех, не оставив в живых никого – вырезали поголовно, лишь Луи удалось спастись, спрятавшись на дне выгребной ямы. И стоны – страшные стоны соплеменников – все время преследовали его по ночам, хотя прошло уже… А сколько, интересно, прошло? Так… Луи задумчиво поскреб затылок. Сейчас ему

пятнадцать… шестнадцать почти, а тогда было – восемь? Десять? Да, что-то около этого. И так-то жили, прямо сказать, в голоде, а уж после налета фульбе… Он-то, Луи Боттака, был ибо. Их и убивали за то, что они – ибо. Давняя племенная вражда… Сейчас фульбе были сильнее. Даже не сильнее – неуловимее! Ибо – земледельцы, фульбе – скотоводы-кочевники, попробуй, поймай их! Откочую в Нигер, а там… Проклятые, проклятые фульбе, убийцы, нехристи… вот уж действительно, нехристи – натуральные идолопоклонники, язычники, чего уж там, таким только убивать.

Сам Луи, кончено, тоже не был крещен с рождения – это уж потом, когда выбрался, скитался, пришел к дальней родственнице в Кано – хороший, большой, город – четыреста двадцать тысяч!!! – настоящий мегаполис – для Африки, конечно – с почти-что-небоскребами и модерновыми памятниками. В Кано много кто жил: хауса, йоруба, ибо, ибибио, канури, те же проклятые фульбе… Там и тетка жила… троюродная, кажется… набожная такая старушка, звали ее тетушка Адель, она и в начальную – бесплатную – школу новоявленного племянничка пристроила и отвела к кюре, в церковь. Кюре тоже был ибо – добродушный, толстощекий падре Ансельм.

Эх… хорошая была жизнь, жаль, тетушка померла от какой-то болезни. В тот год многие померли…

В школе Луи учился неплохо – учителя были строгие – чуть что, линейкой по рукам били, в угол на толченый кир-

пич ставили – не забалуешь! Их стараниями Луи и французский выучил, и о Париже узнал… вообще-то английскому тоже учили, в Нигерии ведь оба этих языка – государственные, – но, школа находилась при католической миссии, а там англичан не очень жаловали, больше – католиков-французов. Нет, конечно, английский Луи тоже знал, но так, плохо, куда хуже французского… Однако тот язык, на котором общались эти парни из Кот-д'Ивуар или те же фульбе – ух, краснорожие! Это был не совсем французский… какое-то его подобие. Впрочем, даже на этом «пиджине» беженцы друг друга понимали… вот и сейчас Луи, навострив уши, услышал, как сидевший на палубе у самой мачты Нгоно, покосившись в его сторону, бросил своим сквозь зубы: ишь, мол, этот гнусный ибо так глазищами и зыркает, наверное, зарезать хочет, сволочь…

И – гад! – специально по-французски все это произнес, не на фульбе, чтобы, значит, «гнусной сволочи ибо» все понятно было.

Ла-адно, подождите еще! Еще, бог даст, поквитаемся.

Луи специально отвернулся, а потом и вообще встал да пошел себе, насвистывая какую-то прилипчивую мелодию… старую, еще деревенскую, песню, племенную ибо, какую когда-то пела убитая налетчиками фульбе мать. Походил – качало, и оттого закружилась голова, да и вообще, потянуло блевать… наверное, было бы что в желудке, может, и выблевал бы, а так…

Уселся в тени кормовой надстройки, прижался спиною к фальшборту и, сняв с шеи медное распятие-крестик, принялся начищать его об джинсы, старенькие, много раз штопанные, выданные как гуманитарная помощь. Начищал, полировал, думал… Потом достал из специально пришитого к рубахе кармана паспорт… полистал. Хоть и без всяких виз, но документ есть документ, всегда сгодится. Полистал, убрал… и снова задумался…

Нет, вообще, Кано – хороший город, из всех африканских городов – а Луи, когда пробирался в Тунис, видел и нигерские, и алжирские города и даже оазисы в Сахаре – самый лучший, самый красивый, но… но вот места в нем Луи после смерти тетушки, увы, не было. Ведь все жили кланами, а он, получается, пришлый… никто! А раз ты никто, то и звать тебя никак, и никому ты не нужен – лишний человек, лишний рот… а лишние рты бедной Африке не нужны – обуза! И некуда податься – ну вот совсем некуда: даже разгружать чего – попробуй сунься, там уж все меж своими поделено, лучше и не мечтать… Чего только Луи после смерти тетки ни делал! Милостыню просил – тоже, много-то не подадут, а еще и смотри, как бы не попасться на глаза профессиональным нищим – уж точно зарежут, или уведут в джунгли, к колдунам, – а уж те разберут по косточкам, по органам, в буквальном смысле слова разберут – печенка, селезенка, легкие, роговицы – все в черном колдовском деле сгодится! Бывали случаи, Луи сам несколько подобных историй знал… Ужас!

Вот и решил сваливать… Насобирал денежек, так, мелочь, потом как-то повезло – от автовокзала одной богатой женщине (нет, скорее, просто – зажиточной) вещи поднес… потом так и стал около автостанции ошиваться, стараясь не попадаться на глаза местным. Но те, конечно, все равно узнали, подстерегли, избили… хорошо не убили и колдунам не отдали, проявили, можно сказать, гуманизм. А еще хорошо, что все заработанные денежки – что не проел – Луи с собой не носил, припрятал на церковном дворе, у отца Ансельма. Он же, отец Ансельм тоже помог, и очень неплохо помог – посадил в попутный грузовик до Агадеса. Агадес – это уже Нигер, это уже – до Франции – почти полпути… ну, не полпути… пусть треть… четверть… не важно, главное было – первый шаг сделать. Луи и сделал, спасибо отцу Ансельму.

Кюре перекрестил на прощанье, крестик вот подарил, ничего особо желать не стал, лишь улыбнулся: мол, французский ты знаешь, не пропадешь, доберешься. Так и случилось, не пропал…

В Агадесе вот встретился с такими же беженцами из Кот-д'Ивуара, с Мали. Те парни с Берега Слоновой Кости – Аннолез и его братия – почти всю Французскую Африку пересекли, да что там – почти – всю! Кот-д'Ивуар (который Берег Слоновой Кости), Буркина Фасо (которая Верхняя Вольта), Мали (эта как только ни называлась), Алжир… Из Нигера в Алжир беженцы с караваном пошли, с берберами. Верблюды, колючки, скрипящий на зубах песок… а ночи холодные

– зуб на зуб не попадал, брр!!! К тому же берберы их не просто так с собой взяли – использовали, можно сказать, вместо рабов – в самом прямом смысле! Парни и тюки какие-то на себе тащили, и прислуживали, и все, что угодно… вплоть до самого, не к столу будь сказанного. Луи – тоже, а куда денешься? Бросят в пустыне – кто там найдет чьи-то кости? А и найдут, так… Человек в Африке – невелика ценность.

Луи держался… трудно было, иногда даже вообще – невозможно, но держался. Слезы глотал пополам с песком и едкой – от костра из верблюжьего помета – сажей, все вспоминал… нет, не мать… отец давно, еще в самом раннем детстве на охоте погиб, а убитую фульбе мать, сестер, братьев и прочих родственников вспоминать было горько. А тут и так несладко, к чему еще и воспоминанья эти? Лучше вот… что там дальше-то, если по Сене, на «Батомуш»? Мост Александра Третьего? Нет – мост Искусств.

– Все сидим? – на палубе показался Алим Кишанди, хозяин судна.

Кто он там был, араб, бербер или вообще еврей, Луи не особенно интересовался. Знал одно – месье Кишанди тот еще выжига! Мало того что он забрал в оплату за «провоз» все, что у несчастных беженцев имелось, так они еще и горбатились на него три месяца подряд, совершенно бесплатно… то есть в счет будущего, конечно же. Жили на портовом складе – развалюхе, снятой для них ушлым контрабан-

дистом в Карфагене, близ рю Виржиль. Древние развалины, не особенно-то и людный порт, невдалеке – за авеню Хабиба Бургиба – одноколейная железнодорожная ветка. Карфаген… Говорят, в древние времена это был жутко знаменитый город, Луи сам об этом читал в школьном учебнике. Да уж, были времена, но они давно прошли, и ныне Карфаген – всего лишь пригород Туниса, правда – с древними развалинами, римскими термами и национальным музеем, что располагался в бывшем соборе Людовика Святого. Луи бы, конечно, хотел туда сходить, но увы, увы… Хозяин требовал работу!

От заката и до рассвета (как в нашумевшем фильме) беженцы ловили и разделывали рыбу – чем больше, тем лучше, Алим Кишанди не упускал случай показать свое недовольство, мол, только по доброте душевной и согласился, рискуя жизнью, переправить «этих бездельников». Ага, по доброте душевной… как же! Вкалывали, как рабы! Не только рыбой занимались, еще и ограду вокруг хозяйского особнячка поправили, а особнячок-то располагался в нехилом таком предместье – Сиди-Бу-Саид – с белыми и голубыми домами. Богатое, можно даже сказать, райское местечко, без всякого автомобильного шума – запрещено! Как и строить дома другого – не белого и не голубого – цвета – тоже. В общем, тот еще хмырь был «почтеннейший негоциант» Алим Кишанди, что уж тут говорить – эксплуатировал дармовый труд на всю катушку.

Правда, похоже, не обманул – вот сейчас вот плыли. На Корсику – было там одно место, и были верные люди… помогали…

– Если вдруг пограничный катер, мы – мирные рыбаки из Бизерты, просто немного сбились с пути, судно-то – старое, – обмахиваясь газетой, инструктировал почтительно столпившихся вокруг беженцев месье Кишанди… Кишанди-реис – так он любил себя называть. – Как подойдем к деревне – я скажу – переправитесь на лодке… а уж там, если попадетесь – ваша вина, вам и отбрехиваться, ясно?

– Ясно, господин реис.

Ну, а что тут еще-то скажешь?

Луи только добавил еще:

– Месье! Газетку оставьте почитать… пожалуйста.

Кишанди-реис прищурился, но газету дал:

– Можешь потом выкинуть или это… по-другому как-нибудь употребить, – захохотав, контрабандист поднялся в рубку.

Вот в этот-то момент судно едва не врезалось в древние суда, схватившиеся в суровой морской битве. Немного одуревшие от вынужденного безделья беженцы смотрели во все глаза.

– Глянь, глянь, чего там!

– Смотри, он ему сейчас башку отрубит!

– А этот вон упал…

– А тот-то! Тот!

– А этот…

– Чего тут такое делается-то, а?

Ну, Аннелез, ну, башка тупая! Сразу видно – Берег Слоновой Кости. Диагноз, можно сказать…

Луи усмехнулся:

– Это – морские разбойники, пираты. Сейчас, дружище Аннелез, они и на нас кинутся, так что спасайся!

– Что, и в самом деле – пираты? – озабоченно переспросил парень.

– Маленький ибо тебя разыгрывает, братец! – обернувшись, с ухмылкой пояснил Нгоно. – Проще говоря – дурит.

– Да я шучу просто!

Дурит… ну, это ж надо так сказать! Сразу видно – фульбе. Сволочь краснокожая.

– Это они, Аннелез, кино снимают.

– Кино? Ах, да… А где же камера?

– Да во-он, на том катере, – Луи показал рукою, и д'ивуарец понятливо закивал:

– Вижу. А чего они нам кулаками машут? Чего мы им сделали-то?

– Чего-чего… Непонятно? В кадр влезли! Можно понять – снимали себе, снимали древность и вдруг – на тебе, «Л'Этуаль» во всей красе, с чадящим двигателем, некрашеная…

Фульбе – сволочуги! – неожиданно расхохотались.

– Так наша шхуна на древний корабль похожа!

– Ага… такую в кино увидят, так зрителей точно стошнит!

Хозяин, Кишанди-реис, тоже любовался на киносъемки – высунувшись в иллюминатор, разглядывал суда и артистов в бинокль, иногда цокая языком, непонятно – то ли осуждал, то ли восхищался.

Впрочем, все это длилось недолго – шхуна быстро миновала «пиратов» и, повернув от мыса на север, резко прибавила ходу.

Когда киношники скрылись за кормою, Луи вновь уселся на свое место, раскрыл газету…

– О, грамотный? Какие мы умные! Ну, что там пишут?

Фульбе! Проклятые фульбе! Вот уж уроды… и носит же таких земля?

– Эй, ибо! Чего пишут, спрашиваю?

– Да так… – Луи вовсе не собирался ни с кем заводиться и, уж тем более, с этими долговязым фульбе.

Ну, пересеклись их пути на какое-то время – так ведь не навсегда же, день-другой-третий – и все! Расстанутся они и никогда больше – Бог даст – друг друга не увидят… Хотя могут и встретиться… торгуя сувенирами у Эйфелевой башни или в Версале.

Луи быстро просмотрел газету – «Дю Монд», кажется, или что-то вроде… нет, «Тунизи суар»…

– Пишут, туннель вот-вот откроют… На торжество приедет премьер-министр Италии…

– Ага, откроют, – один из случившихся рядом матросов

презрительно скривился. – Сколько уже лет его строят, этот туннель, а все никак не могут построить. Чего там до Сицилии-то – всего-то сто пятьдесят километров – и тех вовремя не могут прорыть!

– Еще пишут, суда в Средиземном море пропадают… – косясь на столпившихся вокруг фульбе, Луи продолжил дальше: – Как раз вот в этом районе, где мы… И вот, профессор какой-то пропал. Француз, доктор Фредерик Арно, физик и философ, член Академии… Портрет его тут…

Юноша помахал газетой под носом у главного фульбе – Нгоно.

– Ну и профессор! – ухмыльнулся тот. – Чудище какое-то, а не профессор.

Ну, что тут сказать? Фульбе – он и есть фульбе, и этим все сказано! Отсутствие даже начального образования на лбу во-от такенными буквами выписано! Можно подумать, этот парень в жизни своей видел хоть одного профессора… Луи скрыл презрение и усмехнулся:

– Нет, я вот думаю, как раз наоборот – вид у этого месье Арно как раз самый что ни на есть профессорский! Он на Эйнштейна чем-то похож – такой же белоголовый, растрепанный… усы – точно, профессорские – бородка клинышком… Написано – исчез вместе со своей яхтой…

– Ого! У него еще и яхта?

– Так он же профессор!

– Ну, почему в мире так? У одних – всё, у других – ни-

чего, а, парни? Ладно, хватит с профессором, что там про пропавшие суда пишут?

– А пишут – уже пять кораблей исчезло, – охотно пояснил Луи. – Небольших таких, рыбацких… ну вот как наша шхуна.

При этих словах его Нгоно испуганно замахал руками:

– Но но, ты это… не каркай!

И что-то зашептал, видать, какие-то свои, языческие, молитвы. Фульбе, они суеверные.

– Треугольник между Сицилией, Сардинией и Тунисом в наше время прозвали – «Малым Бермудским», – Луи нарочно повысил голос, уж больно нравилось ему пугать фульбе. Ишь, как слушают – аж глаза выпучили, смотрите, от страха не лопните.

– Конечно, суда могли и утонуть, – искоса поглядывая на Нгоно, продолжал читать Луи. – Но, к примеру, яхта профессора Арно загадочно исчезла во время полного штиля. И где? В самом, можно сказать, густонаселенном районе, где никогда не было никаких природных катаклизмов. Вот журналисты и пишут… матросы с находившихся в этот момент неподалеку судов заметили лишь какое-то странное зеленоватое свечение и…

– Врут все твои журналисты, – тихо оборвал Нгоно. – Они уже дописались, что скоро Луна на Африку упадет!

Луи пожал плечами:

– Ну, почему только на Африку? Просто мир сжимается,

про это многие газеты пишут. И Луна, естественно, тоже становится ближе… но упадет она на землю примерно через десять тысяч лет, так что нам пока беспокоиться нечего!

– Луна? Через десять тысяч? – вдруг оборвал малиец, скромный, вечно молчаливый парень, звали его Бенжамен, Бенжамен Кашанси. – А вы Сириус в небе видели?

– Сириус? – фульбе – и не только они – озадаченно переглянулись.

– Да, Сириус, – малиец повысил голос. – Я-то на него каждый… ну, почти каждый день… ночь то есть… смотрю – мы так зрение проверяем. Так вот! Точно вам говорю – он все ярче и ярче! Так… так не бывает просто! Не должно быть!

– Ну вот, – подмигнув своим, усмехнулся Нгоно. – Теперь еще и Сириус на нас свалится.

Парни засмеялись… и вдруг вздрогнули, услышав многократно усиленный выносным репродуктором голос реиса.

– Внимание всем! – жестко произнес Алим Кишанди. – С левого борта приближается неизвестное судно. Судя по всему – это военный корабль. Пограничники – итальянцы или французы. Прошу не паниковать – мы все еще в нейтральных водах.

– Не паниковать, – с прищуром глядя на быстро приближающее судно, невесело усмехнулся Бенжамен. – Чего ж он сам-то паникует? Ишь… через репродуктор стал кричать. Не мог просто спуститься на палубу, так сказать…

– Может, не захотел просто. Поленился.

А Луи ничего не говорил, снова вытащил паспорт, повертел в руках… завернул в обрывок газеты, которую только что читал, и теперь просто смотрел на чужой корабль… и вовсе не походивший на военный. Те обычно серые, этот же – бело-голубой, как дома в предместье Туниса Сиди-Бу-Саиде… И пушек никаких нет… одна только огромная полусфера…

– Это спутниковая антенна, – тихо пояснил Бенжамен. – Я читал про такие.

Читал? Луи оглянулся – а этот малиец ничего, развитый… не то что тупые недоумки фульбе!

А бело-голубой красавец корабль, нагнав «Л'Этуаль», между тем замедлял ход… и это почему-то никому на шхуне не нравилось – ни реису-хозяину, ни его матросам, ни – уж тем более – беженцам.

Веяло – явственно веяло – от этого бело-голубого кораблика какой-то не вполне осознанной угрозой.

– Смотрите!!! – вдруг воскликнул Луи, увидев, как ровно посередине ослепительной белой полусферы вдруг пролегла зияюще-черная трещина. Трещина ширилась… и вот уже полусфера раскололась надвое, явив наружу странной формы антенну… или нечто, напоминающее антенну… или какую-нибудь лазерную пушку, которую, впрочем, никто из находившихся на борту шхуны не видел, а потому не мог о ней и судить.

– Смотрите, смотрите! – испуганным голосом закричал вдруг какой-то матрос. – Эта штука… она ведь… она – на

нас…

Он не договорил – внезапно вырвавшийся из антенны – или что там это было – луч, тонкий и ярко-зеленый, вдруг превратился в параболу, а потом и вовсе в какой-то непонятный шар, словно цепкими лапами обхвативший шхуну… Море вокруг вздыбилось, огромные, с десятиэтажный дом, волнищи, возникли неизвестно откуда…

– Господи Иисусе… – округлив глаза, крестился Луи. – Святая Дева…

Окружающий мир вспучился, а море словно бы открыло огромную пасть, поглощая несчастное судно…

– Куда нас несет, куда? – уцепившись за леер, в отчаяньи завопил Луи.

И снова сверкнуло зеленое пламя… и мир вокруг померк. И наступила тьма.

«Л'Этуаль» исчезла, как и не было. А море снова стало спокойным и гладким. И ласковые волны бились в борт быстро уходящего прочь бело-голубого кораблика, с каким-то цифрами вместо названия и синим, украшенным желтыми звездами, флагом Евросоюза на корме.

Глава 3. Умеют ли дельфины улыбаться?

…и юна, и разумна, и ласкова,
хоть и мало зим провела она в этом доме.
«Беовульф»

– Ну, что ты еще заказала? – молодой человек, жеманный блондинчик лет двадцати – двадцати пяти, в кремовых шортах и разноцветной рубашке апаш, хмуро посмотрел на сидевшую с ним за столиком девушку – симпатичную, нет, даже – красивую, брюнетку с яркими голубыми глазами.

Ох, как на нее посматривали арабы, неторопливо потягивавшие местное слабенькое пивко «Сельтия» за соседним столом. Даже языками прищелкивали, один аж подмигнул, когда девушка невзначай обернулась.

Нет, она все-таки была не брюнетка – просто темно-русая. Падающие на плечи волосы, белая блузка, легкая голубая – в цвет глаз – юбочка.

– Вот, скажи, бэби…

– Сколько раз тебе говорить, не называй меня бэби!

– Да ладно, уймись, – блондинчик махнул рукою. – Короче, ты что, типа вот эту фигню жрать собралась?

– Как бы да!

Оба говорили по-русски, да они и были русскими, тури-

стами, недавно прибывшими в соседний аэропорт тунисского города Монастира, родины Хабиба Бургиба – первого президента Туниса. В городе имелся и соответствующий мавзолей, куда, правда, молодые люди так еще и не сходили… да и вообще не собирались, а больше валялись на пляже да еще хотели заняться дайвингом.

– Вот что, тебе мало, да? – кипятясь, юноша обвел рукой ломившийся от только что принесенных закусок стол. Тунец, морковка, свекла, креветки эти огромные, стейк, бараньи ребрышки…

– Ну, хватит уже, утомил, – девчонка лениво потянулась, короткая блузка ее приподнялась, обнажив стройный животик… что вызвало дружное уханье арабов.

– Эти еще козлы, – блондинчик неприязненно покосился на соседей. – Сидят… Нет, чтоб шли бы, работали!

– Ты в жизни своей много работал! – издевательски усмехнулась девушка. – Что же касается еды, то это вот, что сейчас принесли, я давно хотела попробовать…

– Вот это гнусное месиво? Похоже на дорожную грязь.

– Называется «бкайла» – мясо и сосиски, тушенные в черном горошке…

Молодой человек в ужасе округлил глаза:

– Катя! Ты и в самом деле собираешься это есть?

– Да, собираюсь, – девчонка взяла в руки вилку, поднесла месиво ко рту… и блаженно зажмурилась. – Умм! Действительно, очень вкусно. Попробуй!

– Нет уж, уволь! И вообще, пора кончать эту обжираловку, мы же с тобой сегодня собирались в Тунис. Туда вся наша компания как раз заявилась – Леха, Колян, Максик, девчонки… Все из нашего клуба – эх, зажжем! Поехали, хватит тут сидеть! Сейчас поднимемся, заберем вещи…

– Девчонки, это те самые, с которыми ты… – Катя попыталась кое-что уточнить, однако нетерпеливый спутник ее уже поднимался, бросив официанту три двадцатидинаровые купюры… Вполне достаточно. Даже с лихвой.

– Мерси боку, месье, – официант вежливо наклонил голову, добавив еще что-то по-французски. С таким же успехом он мог говорить и на любом другом языке – молодой человек не знал никакого, хотя английский учил, вернее – родители заставляли.

А вот Катя… Катя – другое дело. Она-то все понимала, и французский, и английский, а захотела бы – так и арабский выучила.

По узкой лестнице они поднялись наверх, в номер. Широкая кровать, кондиционер, узкое, прикрытое традиционными синими ставнями окно.

– Ну и скучища же здесь, в этом чертовом Сусе! – блондинчик распахнул большой, на колесиках, чемодан. – Ничего, сейчас вызовем такси и скоро будем в Тунисе…

– А по-моему, речь шла о каком-пригороде… Ла-Марса, кажется.

– Ну, не цепляйся ты к словам, надоела уже!

Девушка усмехнулась:

– Ах, вот как ты заговорил, Герочка. Надоела?

– Вечными своими подначками надоела! – молодой человек рассерженно сплюнул на пол. – Может, хватит строить из себя умную?

– А я и не строю, – Катерина уперла руки в бока, губы ее задрожали, вот-вот сорвется, отнюдь не в плач – в бой. – Я и есть умная. В отличие от тебя, Герман!

– Ну и уматывай, если такая умная! – Герман перешел на крик, черты холеного смазливого лица его исказились, став какими-то по-детски обидчивыми. – Обойдусь и без тебя!

– Да что ты говоришь – обойдешься? Языков ты не знаешь, по карте ориентироваться не знаешь – пропадешь без меня-то… у-тю-тю… только не заплачь!

– Сука! – молодой человек схватил Катю за руку, размахнулся, намереваясь ударить…

Не вышло!

Казавшаяся такой беззащитной и хрупкой девчонка ловко перехватила его за запястье, вывернула руку на излом…

– У-у-у, – Герман в бессильной злобе завыл. – Пусти-и-и, сука…

– Это тебе за суку! – Катя тут же ударила его коленом в живот, и, бросив скорчившегося парня на кровать, усмехнулась. – Ну? Еще подраться хочешь?

Вне себя от гнева, Герман вытащил из чемодана складной нож-бабочку, выхватил внезапно, подло – Катерина как

раз отвернулась к зеркалу… Заметив какое-то шевеление, в последний момент отскочила в сторону – блестящее лезвие лишь порвало юбку.

– Ах ты гад! – она ударила Германа с ноги, на этот раз – в полную силу, пусть даже и сил этих имелось не так уж и много. Ударила хорошо – в челюсть, молодой человек отлетел в угол, заныл:

– Су-ука-а-а…

Словно больше других слов не знал.

– Еще раз обзовешься – убью! – подняв упавший на пол ножик, Катерина задумчиво потрогала лезвие пальцем. – На полном серьезе – убью. Никто и искать не будет. Что сверкаешь глазками, дурачок? Что ты обо мне вообще знаешь? Только имя?

Девушка заводилась, это было видно, и так слишком уж долго сдерживалась, и глупому обормоту Герману сейчас лучше помолчать бы, так нет – вякал. Правда, уже больше не ругался – усвоил урок – только лишь ненавидяще сопел:

– Мссс… Я ж тебя ссс… с собой взял, вытащил…

– Ага, вытащил. Ну и дурак! – девушка скривилась. – Это ты, наверное, думал – взял девочку потрахать… Ан нет! Это я тебя взяла! А сейчас – на черта ты мне нужен…

Катя подошла к чемодану, склонилась:

– Много мне не надо, я не жадная… Пятьсот евриков вполне даже хватит…

– Это мои пятьсот евриков!

– Заткнись, тварь! – девчонка по-настоящему рассердилась. – Не твои – а твоих родителей, без которых ты и рваного рубля бы не заработал. Маменькин сынок! Ненавижу таких, как ты!

– О, как заговорила…

– Да, а ты думал? Сам по себе ты – никто, ноль без палочки. Ой, надо же – на восемнадцать лет папочка с мамочкой сыночку фирму туристическую подарили… И что, много ты в туризме понимаешь? Даже английский не удосужился выучить, козлик безрогий. А туда же – крутого из себя строишь…

Вытащив пачку «Житана», Катерина нервно щелкнула зажигалкой и закурила.

– Может, я все-таки поднимусь? – криво улыбнулся Герман. – Во-он в то кресло сяду.

Девушка махнула рукой:

– Садись. Так… вот мои пятьсот евриков… Мои, мои – не сверкай глазками-то, не надо, никто здесь тебя не боится… ни тебя ни твоего ворюги папочки…

– Не смей касаться моего отца, ты!

– Ляму завали! Не то сейчас еще получишь… – Голубые глаза Катерины сверкнули такой яростью, что на этот раз даже Герман, при всей свой глупой инфантильности, счел за лучшее прикусить язык.

– Козлик ты, как и все твои дружки, такие же дебилы…

– Может, хватит обзываться-то?

– Нет уж – раз ты первый начал… Ты, и такие как ты – сынки богатеньких буратин родителей – самые настоящие паразиты, глисты. Никакого от вас толку!

– От тебя много…

– Много! – Катя поднялась на ноги. – Я, между прочим, после того, как отца… три пилорамы держала… ну, две с половиной, третья – на паях… и с мужиками справлялась, не с такими, как ты и твои молокососы-дружки.

– Во! Во! – видя, что непосредственной угрозы для него нет, Герман вновь подал голос. – Лес воровать – дело нехитрое.

– Ага… что бы ты знал, дитятко!

– И не стыдно?

О, он все же во многом оставался таким же капризным и избалованным ребенком, каким был лет восемь-десять назад, никак не хотел взрослеть. А зачем? При таких-то родителях?

– Мне стыдно? – Катерина неожиданно расхохоталась. – А тебе, и таким, как ты, не стыдно? Я в жизни всего сама добилась, в отличие от некоторых, которым все – на блюдечке с голубой каемочкой… нате, деточки, жируйте! Вот тебе, Герочка, «Порше» – катайся, зайчик… что губки надул, ласковый? У всех ребят – «Бентли»? Мамочка понимает, мамочка купит «Бентли»…

– Ну, хватит тебя издеваться-то! Самой, можно подумать, пилорамы не по наследству достались…

– Ага, как же! Ты попробуй еще их получи! В лесу прокуроров нету… и закон один – закон силы.

– А ты, значит, у нас сильная!

– Сильная! И умная. Иначе б давно в лесу закопали. Или голову бы отпилили «Штилем».

– Чем-чем?

– Ой, чучело! Это пила такая.

– Вот кто нашу экологию портит! – издевательски ухмыльнулся Герман. – Не стыдно лес воровать-то?

– А папочке твоему бюджет пилить – не стыдно? Что замолк? Ну, вот и меня не спрашивай. Ишь, завякали черти городские – лес, лес, экология… Хорошо вам, на всем готовеньком. Попробовали бы в глуши пожить, а еще лучше – там родиться. Сдохли бы! Вон твоя сеструха двоюродная, коровища гладкая, катается себя на «бэхе», у самой ни кожи, ни рожи, ни умишка особого. А я чем хуже? Дядя Петя мой, тракторист, почему на старом «Запорожце» ездить должен? Меньше работает? Да, вы у себя в городе перетрудились, бедные, мозоли на задницах натерли…Ты вот в какой школе учился, точнее – штаны протирал? В лицее с английским уклоном. А у нас в поселке была одна восьмилетка – и ту закрыли. А у дядюшки Пети, между прочим, трое детей – и чем они хуже тебя? Правда, сейчас двое уже в университетах учатся… учатся, а не дурака валяют. А не воровал бы дядюшка лес – учились бы? На какие, интересно, шиши? И только не надо говорить, что такие, как я и мой дядюшка,

крадем у детей и внуков будущее. Почему ради твоего будущего наши дети должны сейчас жить в нищете? Потому что деревенские, быдло? Вот уж дудки! На-кось, выкуси!

Катерина резко выбросила вперед сложенную из пальцев «фигу» и засмеялась:

– Я, между, прочим, тоже сейчас не на «Жигулях» езжу. Потому что не считаю себя хуже городских дур! Ладно, проехали…

Докурив, девушка выбросила окурок в пепельницу и, сменив разодранную юбку на шорты, повесила на плечо рюкзачок.

– Адье, мон шер ами! Не поминай лихом.

И ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Спустилась по лестнице вниз, на рецепшен, мило улыбнулась портье и вышла на улицу, любуясь морем и зарослями финиковых пальм.

Вообще-то Герман ей давно надоел. Двадцать четыре года, а по уму – полный подросток, лет пятнадцати и даже того меньше. Истинный маменькин сынок! Ничем, кроме купаний, пьянок и девок, не интересуется… в музей Хабиба Бургиба – и то едва затащить удалось, а Катерина с детства была любознательной, ей все посмотреть хотелось, не только на пляже задницу греть да по кабакам шляться. В общем, поссорились – и славно! Давно надо было уйти. Эх, хорошо!

Катя вдруг улыбнулась, весело и задорно, так, что попав-

шиеся по пути арабы разом вывернули шеи, а проезжавший мимо таксист резко сбавил скорость и забибикал. И вот уже поехал рядом:

– Куда прикажете везти, мадемуазель? В Тунис? О, там так много развлечений! Куда больше, чем в Сусе. А Сиди-бу-Саид? Вы бывали в Сиди-бу-Саиде? Это сказка! Садитесь, вмиг довезу…

Девушка расхохоталась:

– Спасибо, месье, мне пока нравится и здесь, в Сусе.

– Ну, как знаете, мадемуазель, – разочарованный таксист прибавил скорость, и его красный «Пежо-406» быстро скрылся за поворотом.

Свернув в тенистый сквер, Катерина уселась на лавочку у мягко журчащего фонтана и задумалась. Хотела было закурить, да постеснялась – девушка все-таки… и так-то – в шортах, да еще и курит… Тунис – мусульманская все же страна, что бы там ни говорили.

Так… Куда теперь? Здесь рядом, в Порт Эль-Кантауи, есть клуб подводного плавания. Может, пойти? А вдруг туда заявится Герман? Оно, конечно, черт-то и с ним бы, но… но, все равно, как-то неприятно. Наверное, она зря с ним так жестко. Родителей не выбирают – вот и вырос безвольный инфантильный сопляк, весь интеллект которого не поднимается выше осуждения достоинств дорогих авто и доступных девок. Ладно, проехали… И что-то в этот Порт Эль-Кантауи расхотелось. Ну его к черту, в море нырять… Лучше в

музей какой-нибудь… в Тунис! Вообще, погулять, наконец, по столице, по улице Шарля де Голля, у Французских ворот, полюбоваться собором Сен-Венсан де Поль… Да, да – в Тунис! Эх, зря она отвергла услуги таксиста. Ничего… Тут и автобусы ходят – еще и дешевле… Правда – в основном ночью. А еще можно на маршрутке – поискать авто с красной полосою…

Докурив – вообще-то она давно уже бросала, вернее – пыталась бросить это гнусное дело, – Катерина вышла из сквера и направилась вдоль тенистой улицы, мимо отелей – вот где-то здесь и должна была бы быть стоянка маршруток… Ага – вот!

Мимо, фырча двигателем, как раз и пронесся микроавтобусик «Форд» с красною полосою… Не остановился – водитель лишь с видимым сожалением пожал плечами: мол, совсем нету мест, что поделать.

Девушка махнула рукой следующей машине – показалось, что такси… Нет, не такси – просто прокатная. Синий, не столь уж и новый «Ситроен»…

Автомобиль неожиданно остановился, водитель – симпатичный седенький старичок в соломенной шляпе, высунулся в открытую дверцу. – Вас подвезти, мадемуазель? Куда скажете?

Вообще-то, он ничуть не напоминал сексуального маньяка, скорей уж чем-то походил на какого-нибудь профессора, ну да – на Эйнштейна, портрет которого висел в кабинете

физики, в поселковой школе, где когда-то – не так уж и давно – училась Катя. Кстати, очень даже неплохо училась.

– Мне вообще-то надо далеко, в Тунис.

– О-ля-ля! В Тунис! Так я туда и еду… ну, почти туда, возвращаюсь в Карфаген, там у меня яхта. Садитесь, садитесь, мадемуазель, буду очень рад столь милой попутчице… Кстати, меня зовут… – в этом месте старичок несколько замялся, правда, Катя не обратила на это никакого внимания. – Меня зовут Альфред, Альфред Бади, я занимаюсь… ммм… антиквариатом.

Этот антиквар казался таким милым, несколько старомодным в своей смешной шляпе-канотье… и так искренне улыбался.

– Что ж, если вы не против… Я могу заплатить за бензин.

– Ну, что вы, что вы, мадемуазель, я же все равно еду.

Девушка таки села в машину, поехали, и мягкий морской ветер задул в окна – хорошо! Катерина поправила съехавшие на кончик носа противосолнечные очки и представилась:

– Катя.

– Катя? Какое странное имя… – прибавляя газу, антиквар покрутил ручку настройки приемника, поймав какую-то французскую станцию…

– Почему странное? – милая пассажирка пожала плечами. – Обычное имя. Русское.

– Так вы русская?! – удивился водитель. – В самом деле из России?

– Из самой настоящей.

– Вы очень хорошо говорите по-французски, почти без акцента.

– Спасибо, месье… месье Бади.

– Называйте меня просто – Альфред.

– Нет уж, лучше соблюдать расстояние.

– Ну, как хотите, милая мадемуазель.

Старик не настаивал… впрочем, не такой уж он и был старик – да, пожилой, наверное, лет под пятьдесят или чуть больше, но не такой уж старый…

– «Уже в который раз таинственно исчезла очередная рыбацкая фелюка», – прорвался сквозь музыку голос диктора. – «Говорят, что к этим странным событие имеют прямое отношения странные опыты известного французского физика, профессора Фредерика Арно, который…»

Антиквар поспешно… пожалуй, даже слишком поспешно… перешел на другую волну – известная французская певица Ализе перепевала старую песню Мадонны «Ла исла бонита»…

– Ой, оставьте, оставьте! – тут же попросила Катерина. – Мне эта песня нравится… Конечно, если вы…

– О, да, да, мадемуазель – слушайте.

Серое асфальтовое шоссе стелилось под колесами автомобиля, справа глубокою синевою вставало море.

– Очень красиво! – восхищенно промолвила девушка. – Как на картине Моне – «Терраса в Сент-Андрессе»!

– Вам нравится Моне?

– О, конечно! И вообще, все импрессионисты нравятся.

– А я, увы, плохо разбираюсь в живописи… Непростительно для антиквара, верно?

– Ну что вы. Я вижу, у вас книжка на заднем сиденье… Фредерик Бегбедер… Можно взглянуть?

– О да, да, конечно…

– «Девяносто девять франков». Хороший роман, мне понравился.

– А, так вы ее читали?

– Да. Правда – по-русски, – Катерина выставила локоть в окно и улыбнулась. – Вообще, мне нравится Бегбедер, и еще – Леклезьо – «Золотая рыбка».

– Увы, не читал – некогда.

– Там про африканскую девушку, которая сделала себя сама… сама строила свою жизнь… трудную, очень… Здорово написано. Как будто про меня.

– Вы впервые в Тунисе?

– Да.

– А в Париже вы не были?

– Увы… только один раз. Но обязательно поеду еще раз! Может быть, даже этой осенью.

От Суса до Туниса – всего-то около сотни километров, добрались за полтора часа. Месье Бади сбавил скорость под указательным знаком на Карфаген:

– Сейчас я вас завезу… Вам конкретно в какое место?

Катерина махнула рукою:

– А все равно! Знаете что? А поехали в Карфаген. Там ведь, наверняка есть музеи, какой-нибудь недорогой отель, думаю, тоже найдется.

– О, музеи там есть! Весь город, как музей – древнее жертвенное место – тофет, пунический квартал, археологический парк, термы Антонина, музей Карфагена на холме Бирса. Что же касается отеля – позвольте порекомендовать вам семейную гостиницу «Ганнибал» на авеню Тита Ливия – там очень уютно и спокойно, и как раз рядом со всеми достопримечательностями. Одноместный номер с душем обойдется вам где-то около тридцати динаров, но, при желании, можно сторговаться и дешевле.

– Спасибо! Тридцать динаров меня вполне устроят.

Славным человеком оказался этот месье Бади! Довез до самого отеля, даже проводил на рецепшен, и только после того, как Катерина договорилась обо всем с портье, попрощался:

– Желаю вам хорошо провести время, милая мадемуазель Катья!

– Вам тоже удачи – бон шанс!

В сопровождении услужливого портье девушка поднялась в номер, действительно, оказавшийся очень уютным, пусть даже и небольшим – с широкой и мягкой постелью, душем, телевизором, холодильником и мерно жужжащим кондици-

онером.

– У нас здесь есть небольшой ресторан, – получив чаевые, с улыбкой подсказал портье. – Если мадемуазель желает поужинать – милости просим. Традиционная тунисская кузня во всей ее красе. А сколько сладостей!

– Вот сладости – это вряд ли. Берегу фигуру.

– О, вам есть, что беречь, мадемуазель!

Приняв душ, Катя сменила блузку на такой же белый топик, подумав, накинула сверху полупрозрачную рубашку, тоже ослепительно-белую, и, водрузив на нос очки, спустилась на улицу.

Было уже часа четыре дня, жара уже спадала, но все же тащиться в музей сейчас как-то не очень хотелось, лучше было бы искупаться в море, куда девушка сейчас и направилась, держа путь к пуническому порту. Шла пешком, неспешно, глазея по сторонам, на остатки крепостных стен, белеющий на холме собор Людовика Святого – он же – музей Карфагена. Все же зайти? Нет… жарко. Однако внутри наверняка царит приятная прохлада…

И тут вдруг, по пути, на одной из улочек Катерина увидела месье Бади. Антиквар вел себя довольно странно – оглядывался по сторонам, словно бы не желал, чтоб его узнали…

Катя хотела было подойти, поздороваться… но почему-то раздумала – мало ли какие у человека проблемы? Быстро осмотрелась по сторонам и юркнула в расположенный рядом салон тату с изображением синего играющего дельфина на

вывеске. Салон так и назывался «Голубой дельфин», немного подумав, девушка вошла… даже из чистого любопытства – татуировки в мусульманской стране? Интересно.

Обернулась – увидев сквозь стеклянную дверь, как антиквар садится в машину… тоже – прокатную, но уже не в ту, что была раньше. В черный «Пежо»… Меняет машины… зачем? Впрочем, кому какое дело до чужих странностей?

Ладно, уж коли зашла…

А внутри ничего особо интересного не было!

Обычный салон, каких полными полно в Питере или Москве, да в любом более-менее крупном городе. Вообще-то Катя давно уже хотела сделать себе татушку, этакий маленький партачок, где-нибудь… ммм… нет, не в самом интимном месте, но и не так, чтобы на виду.

– Что желаете, мадемуазель? – высокий темнокожий парень, вполне симпатичный с виду, улыбаясь, протянул журналы. – Прошу вас взглянуть. Пожалуйста, садитесь вот сюда, в кресло… включить вам свет?

– Нет, нет, спасибо, я вижу.

Обычные татушки – вензелями, загогулинами – Катерине никогда такие не нравились. Что-нибудь бы… Вот! Веселый такой, синий… нет, скорее, все-таки – темно-голубой дельфин с желтым брюхом. Небольшой, всего-то сантиметра два.

– Улыбающийся дельфин? – хозяин салона не переставал улыбаться. – Его многие выбирают. Симпатичный.

– Вы сказали – улыбающийся? А разве дельфины умеют

улыбаться?

– О, конечно, умеют! – этого темнокожего парня вовсе не нужно было тянуть за язык. – Дельфины – они же, как люди!

– Ну, раз как люди – делайте! – решилась Катя.

– Прекрасно, мадемуазель! Где вам будет угодно?

– Ммм… На спине. У самого копчика.

– Как скажете… Вот, попрошу пройти, ложитесь… Не беспокойтесь, мадемуазель – все абсолютно безболезненно и стерильно. Вот только купаться я бы вам сегодня не рекомендовал…

В двойном зеркале салона Катерина внимательно рассмотрела татушку – очень понравилось! Подтянула шорты, расплатилась – не так уж вышло и дорого – и, довольная, вышла на улицу… к морю, наверное, теперь и не нужно было идти. Тогда – в музей? Или нет – все ж таки к морю. Побродить по песку, полюбоваться прибоем…

Прокат водных мотоциклов. Вот это – именно то, что нужно! Следуя указанному на рекламном указателе пути, Катерина спустилась по крутой лесенке вниз, к пунической гавани, и, пройдя немного по пляжу, свернула влево… потом еще немного походила – так и не могла отыскать этот чертов прокатный пункт.

У одного из причалов чернокожие парни, весело переговариваясь, загружали увесистыми мешками старую шхуну. Потные, голые по пояс, тела их, казалось, имели какой-то го-

лубоватый оттенок, может быть, потому, что в них отражались волны, такие же голубые, как глаза Кати? И – высокое бирюзовое небо… Прав был Жан Кокто, когда писал о «голуботелых неграх»…

– Что-то ищете, мадемуазель? – один из грузчиков – худенький большеглазый парнишка лет шестнадцати – поставив на сходень тяжелый мешок, вытер со лба капли пота и улыбнулся.

А он неплохо говорит по-французски – отметила для себя Катерина и тоже улыбнулась:

– Ищу прокат водных мотоциклов. Судя по указателю, он где-то здесь должен быть.

– Да, здесь, – сверкнув белыми зубами, охотно подтвердил парнишка. – Только вы напрасно надеетесь, мадемуазель.

– Это почему же? – девушка недоуменно повела плечом.

– Да потому что киношники все уже арендовали. Все, что может хоть как-то держаться на воде.

– Киношники?! Какие еще киношники?

– А вон, видите – старинное судно? Ну, типа старинное… – парень показал рукою, и тут же его окликнул какой-то человек с шхуны: работай, мол, а не болтай.

– Все, мне пора, мадемуазель, – со вздохом подняв мешок, попрощался юноша. – Бон шанс.

– И тебе удачи, – Катя помахала симпатичному негру рукой и, вскинув глаза, прочла написанное на корме название судна – «л'Этуаль». «Звезда» – честно говоря, не самое под-

ходящее имечко для столь старой и неказистой посудины.

– Меня зовут Луи, мадемуазель! – обернувшись со сходней, прокричал парень.

Катерина его уже не слышала – сойдя с пирса на пляж, искала глазами киношников… Ага!!! Ну, вот он, старинный корабль – весь обвешанный круглыми красными щитами драккар… или как он там назывался? Впрочем, драккары – это все же в Скандинавии, а здесь… а здесь галеры должны быть… или эти, как их – биремы, триеры и прочие.

Интересно, про что здесь фильм снимают? Про Карфаген, наверное, про что же еще-то? Ганнибал, римляне и все такое прочее из древней истории, которую, к слову сказать, Катя знала плохо… ее вообще в России все нормальные люди знали плохо – проходили когда-то классе в пятом-шестом… так, больше картинки рассматривали.

Разувшись, девушка зашла в воду, любуясь, как древний корабль, точнее – его копия, медленно и величаво швартовался к узенькому причалу… туда же подошел и катер с кинокамерами, прожекторами и прочим киношным скарбом. И с киношниками – разумеется – всякими там режиссерами, помощниками, операторами… Подойти, что ли, ближе?

Подумав, Катя так и сделала, да и не одна она была такая любопытная: у причала уже толпились туристы – крикливые женщины, мужчины, дети – всем было интересно посмотреть на артистов, Катерине – тоже. А вдруг там сам Джонни Депп?

– Так, господа, отдыхаем до утра! Лешенька, дорогой,

смотри, ведь договорились насчет спиртного…

Девушка вздрогнула: какой-то грузный человек произнес эти слова в мегафон, произнес по-русски… явно по-русски… а потом врубили песню, Катину любимую – «Ла исла бонита».

Мадонна ее сейчас пела или Ализе – было все равно, Катерина лишь подпевала… вообще-то она знала пару куплетов, даже подбирала на гитаре аккорды, правда, давно, классе в десятом… Хм… Давно? А так ли это давно было-то?

Насвистывая в такт музыке, Катерина проскользнула в толпе к синему микроавтобусу – именно туда и шли одетые в старинные одежды артисты, среди которых… Среди которых девушка вдруг заметила… Нет! Она даже глазам своим не поверила! Елена Малинина! А рядом с ней… Господи! Сам Алексей Стрепов! Ну надо же! Он же у нее когда-то на стенке висел, в виде цветного портрета!

– Алексей, Алексей! – отодвинув плечом какую-то дебелую тетку в полосатом купальнике, Катя быстро преградила артистам путь и, извиняюще улыбнувшись, попросила автограф.

– Ого, да тут все наши люди! – обернувшись, довольно ухмыльнулся Стрепов… О, красавец! Суперзвезда! – Девушка, это вы просили автограф?

– Да-да, я, – Катерина не верила своему счастью – кумир ее не столь уж и давней юности, явившийся из детских снов, говорил сейчас с ней, улыбался, стоял рядом!

– Как вас зовут, девушка?

– Катерина… Катя…

– А где расписаться-то? И чем? Слышь, Валентин, а нука дай ручку… Фломастер? Тоже пойдет. Ну, так где?

– А вот здесь! – девушка быстро повернулась спиной. – Прямо на майке!

– Отлично! – восхитился актер. – Что ж, удачи вам, Катя.

Стрепова уже чуть ли не силой тянули в автобус.

– И вам…

Катя помахала отъехавшим киношникам и, улыбаясь, пошла в город, все так же насвистывая «Ла исла бонита».

Ласковое вечернее – да, уже вечернее – солнышко гладило девушку своими нежными золотисто-оранжевыми лучами, отражаясь в синей глади моря сверкающей широкой дорожкой. Дул легкий ветерок – бриз – с моря тянуло свежестью, запахом морской капусты и солью.

Обогнув океанографический музей, Катя остановилась, обернулась, еще раз полюбовавшись на море, на древний корабль, величественно покачивающийся у причала. Интересно, эти киношники… они и завтра снимать будут? Скорее всего – да. А что, если взять напрокат бинокль? Спросить в отеле – где их дают? Или лучше купить? И так, и сяк можно. А потом наблюдать за всем процессом съемки, забраться хотя бы во-он на ту скалу, на тот камень, или даже – с лестницы… а лучше – с водного скутера, если будут они в прокате.

Ну надо же – Алексей Стрепов! И его автограф – вот тут,

на топике!

Назавтра девушка встала рано, приняла душ, надела красивый купальник и нарядную белую блузку, после чего, наскоро перекусив, отправилась к морю, не забыв прихватить с собой добротный цейсовский бинокль, любезно предложенный ей портье.

– О, нет, не надо денег, мадемуазель! Пользуйтесь. Только, пожалуйста, не потеряйте – память о прадедушке. Он, видите ли, сражался в рядах армии Роммеля. Лис пустыни – слышали про такого?

Еще бы не слышать. Фашистяга – фашистяга и есть, не очень-то их Катя жаловала – в войну много кого из дедов-прадедов поубивало.

Ладно. Черт с ним, с Роммелем, главное – бинокль – вот он. И – фотоаппарат, жаль вчера не сообразила воспользоваться.

Пройдя пунический квартал со старинными домиками и остатками древних развалин, Катя вприпрыжку спустилась по каменной лестнице вниз, к морю…

– Ла исла бо-ни-та…

Черт! Вот ведь привязалась песня! Теперь уж дня три не отвяжется… Так! Где же расположиться? Скала, черт побери, уже занята – там какие-то мальчишки сидят, рыбу удят… можно их, конечно, и шугануть… ну да ладно. Вот тот квадратный камень у самых волн – он-то как раз подойдет, хоро-

шо, догадалась прихватить покрывало – полосатое, толстое – и не лень же было нести! Ну, тут как раз такой случай, когда охота пуще неволи.

Забравшись на камень, девушка расстелила покрывало, разделась и достала из сумки бинокль. Ну, вот – все, как на ладони! Вот – причал, вот – древний корабль, вот – киношники, а вот – Алексей Стрепов! Кумир детства.

Так… они как раз отправляются… Может, когда будут проходить – через бинокль фотоаппаратом взять? Получится ли? Получится, не получится – а попробовать-то кто мешает?

Катерина приготовила фотоаппарат, дождавшись, когда древний корабль и катер с киношниками направились в море, заглянула в бинокль… Вот, как раз удобный момент… Черт!

Яхта, белая, стремительно быстрая, с чуть наклоненной мачтой, пронеслась под парусом мимо… Девушка проводила красивое судно биноклем и невольно вскрикнула, узнав в стоявшем за штурвалом матросе… того самого пожилого антиквара, месье Альфреда Бади! Антиквар выглядел не очень-то радостным – мощная цейсовская оптика позволила во всех подробностях рассмотреть выражение его лица. Странное выражение, словно бы месье Бади опасался кого-то. И все время затравленно оборачивался назад… А что у нас сзади? А ничего такого страшного, если не считать веселый корабль киношников и… и белый теплоход с боль-

шой полукруглой антенной. Явно не пассажирский теплоход, скорее – научный. Какие-нибудь гидрографы-геофизики…

Яхта, теплоход, киношное судно и катер – а за ними скутеры и прогулочные катамараны – именно в таком порядке все и проследовали мимо Катерины. Девушка еще немного посмотрела в бинокль, а потом плюнула и пошла купаться. А что еще делать-то? Жарко.

Она приходила сюда и завтра, и послезавтра, и вообще – целую неделю. Киношники все никак не могли доснять свой фильм, а Катя просто по вечерам приходила купаться. Однажды, заплыв довольно далеко, даже услышала ругань, а потом и увидела ее причину. Старая рыбацкая шхуна с гордым именем «л'Этуаль», поднимая бушпритом брызги, неторопливо плюхала параллельно с киношниками. Те, конечно, ругались. Еще бы – вдруг да этакая кикимора возьмет да попадет в кадр?!

– Ну, проплывай! – весело кричала вслед удаляющейся шхуне Катя. – Проплывай же! Не мешай людям работать.

А под конец недели ей как-то повезло – в прокате оказался свободный скутер. Ух, как обрадовалась девчонка! Заплатив, запрыгнула в седло, рванула, заложила вираж, так, что вспыхнувшие радужно-разноцветные звезды показались на миг выше солнца!

Еще вираж! Еще прибавить скорость!

Ух, и здорово! Куда бы сплавать? Киношников еще нет…

да вряд ли они и будут сегодня снимать – небо над морем явно хмурилось, исходя мелкими синевато-дымчатыми облаками. К дождю? К грозе? К шторму?

Но сейчас все было хорошо, классно было! Нестись вот так, чтоб соленый ветер в лицо, чтоб пенные брызги… Ради этого стоило потерпеть и зануду Германа!

Оп! Снова тот теплоход с антенной. Догнать? Да запросто!

Дав полный газ, Катерина бросила скутер к белому научному кораблю… вот и корма. Названия нет – просто какой-то номер. И двое в белых фуражках. Как странно они смотрят на скутер! Вот один куда-то побежал… доложить капитану?

Ну и ладно. Обогнуть вас кружочком? А, пожалуй!

Снова взревел мотор, и Катя быстро оказалась с другого борта судна. Помахала рукой – кому, сама сейчас не знала. И вдруг увидела, как полукруглый чехол антенны треснул почти пополам… как поднялась какая-штука… И вырвался из нее зеленоватый луч! И вскипела волна… нет, волны! Господи, неужели – шторм? Вообще-то к тому все и шло, но чтоб вот так, внезапно…

К берегу! Немедленно к берегу! И – как можно быстрее!

Увы, девушка не успела даже развернуть скутер – злобная крутоспинная волна настигла ее, опрокинула, швырнула, накрыла полностью, с головой…

– Помогите! Помогите! – изо всех сил закричала Катя.

Тщетно… Волны становились все страшнее, все выше, а

спасительная – или просто казавшаяся таковой – корма белого научного судна исчезла. И – снова волна… И черная злая влага вдруг сдавила грудь… и уже невозможно стало дышать…

Последнее, что увидела девушка – это скользкий бок ухмыляющегося дельфина. Разве дельфины умеют улыбаться? Разве… Или это вовсе не дельфины… вовсе не… вовсе…

Глава 4. Зеленая луна

Ликовала дружина —
в жизни я не видал
большей радости
в бражном застолье.
«Беовульф»

– Ой, какая луна зеленая! Нет, правда, правда… сам посмотри! Ну, Саша, ну, не спи же!

– А кто спит-то? – Саша – Александр Иваныч Петров – молодой человек двадцати восьми лет, шатен, с карими глазами и небольшой пижонской бородкою, потянулся, поиграл мускулами, уж, слава богу, было чем играть, ни ростом, ни статью Господь не обидел, да и умом тоже… вот только удачливостью и счастьем – ну, да это как посмотреть…

– Нет, милая Леночка, это не луна зеленая, это глаза у тебя зеленые! Ишь, как сверкают…

Так и хотелось добавить – «словно у некормленой кошки», в другое время Александр бы и не постеснялся, добавил бы, а сейчас не хотелось обижать девушку… ведущая актриса все-таки, бабок в день зарабатывает, сколько сам Александр Иваныч – в год… ну, ладно, не в год – в месяц. Господь Бог не дурак – одним ум дает, другим красоту, третьим – деньги. Редко так бывает, чтоб и то, и другое, и третье – вместе, в одном флаконе, – а вот Леночке повезло, и краси-

вая, и богатая, только вот с умом… Ой, на что женщине ум, когда деньги запросто так с неба валятся? Сиречь – от киностудии, от продюсеров, как же – гламурную суперзвезду пригласили!

Поднявшись с постели, молодой человек подошел к окну, распахнутому в звездную ночь, жаркую, терпкую, южную, притянул к себе девушку, погладил по спине… нет, все-таки она очень красивая, особенно сейчас – обнаженная, трепетно-манящая в призрачном лунном свете… Ах, какой стан, какие, бедра, какая шейка! Вот только актриса, увы – никакая. Впрочем, в постельных сценах – вполне даже ничего, а вот, что касается всего остального…

– Ой, Сашка, какой ты сильный! – Лена провела пальцем по груди Александра, тот крепко обнял девушку, с жаром целуя в губы…

– Нет, нет, – томно опустив ресницы, та притворно попыталась вырваться. – Ну, ведь только же… И глаза у меня, кстати, не зеленые, а серые… с таким вот зеленоватым отливом. А луна – зеленая. Зеленая! Зеленая! Зеленая! – девушка капризно поджала пухлые губки.

– Ладно, ладно, зеленая, – не выпуская актрису из объятий, Саша скосил глаза… действительно – зеленая! Впрочем… это не луна… это какой-то луч… словно сверкнуло что-то далеко в море. – На северное сияние чем-то похоже.

– Что похоже?

– Ну вот этот вот блеск.

– А…

Девушка погладила Александра по плечу и вдруг, словно кошка, фыркнула:

– Однако у тебя и тату!

– Какое тату? – Саша хлопнул глазами и ухмыльнулся. – Ах, это…

На левом предплечье его синел штурвал и якорь, обвитый лентою с надписью «Товарищ» – повезло, служил в юности на этом прославленном бриге, с тех пор и паруса знал как свои пять пальцев.

– Что, не нравится?

– Конечно, не нравится! – Леночка смешно сморщила носик. – Не айс! Вовсе не айс. Слушай… а давай-ка мы тебе эту татушку сведем, а сверху какой-нибудь такой крутой партачок сделаем. Цветной, разумеется. Можно рыбку или, там, паука…

– А кошечку? – молодой человек закусил губу, чтоб не рассмеяться.

– Какую еще кошечку?

– Ну, татушку… Кошечку хочу, никой паук мне не нужен!

– Кошечку… – девчонка закашлялась, и Александр ласково похлопал ее по спине.

Потом погладил, поцеловал и, легко подхватив в объятия, утащил обратно в постель…

– Ах… – актриса томно рассмеялась. – Экий ты неутомимый, Сашка! Ну, настоящий каскадер, не зря тебя сюда взя-

ли!

Саша лишь усмехнулся, лаская девчонке грудь – ну конечно не зря! А как же?

Ну, во-первых, он вообще на киностудии штатным каскадером работал, особенно в том, что касалось морских сцен – всяких там утоплений, прыжков, ныряний с отвесных скал и прочих абордажей. Во-вторых, с продюсерами был неплохо знаком, и раньше еще встречались, в-третьих… гм… в-третьих… в-третьих, может, повезло все-таки? А что, почему это кому-то другому может повезти, а ему, Александру Иванычу – фиг? Да что же это за несправедливость такая?

Продюсерам (Сашкиным хорошим знакомым) все лавры «Пиратов Карибского моря» спать не давали, вот и решили замутить что-то подобное, на такую же подростково-беспроигрышную тему… идиоты, нет, чтоб на Достоевского замахнуться или там, на Герцена – «Былое и думы». Какие драмы можно было бы снять, какой разгул страстей, какие психологические типы… куда там! Все по легкому пути норовят идти – бабла нарубить по-быстрому… с другой стороны, на хороший-то фильм и актеры нужны такие же… вот именно, что актеры, а не такие… прости, господи… как Леночка (хотя, против нее как человека Саша ничего не имел, еще бы…) или вот главный герой – Гейзерих, предводитель вандальских пиратов… то есть не Гейзерих, конечно, а тот, кто его играл… ну, отыскали! Тоже еще, нашли актера – Лешеньку Стрепова – по сравнению с ним и Леночка – Сара Бернар.

А Лешенька, мало того, что «голубой», так еще и играть ни хрена не может, ему б только по «ящику» крутиться во всяких там «звезды на льду, подо льдом, на скотном дворе и в прочих, тому подобных гнусностях». Ну, разве настоящий актер до подобных дурацких шоу опустится? Разве только от лютого безденежья.

Впрочем, была в Лешеньке и одна хорошая черта… даже две – выпить был не дурак и на Александра Иваныча походил, как родной братец… ну, пусть – как двоюродный. Похожи, что и говорить, только что Лешенька малость послабже да и жеманнее, что уж тут скажешь?

Вот, наверное, за эту похожесть Сашу и взяли… сюда вот, в Тунис – тут все снимали, уж больно продюсерам хотелось, чтоб – «на развалинах Карфагена». Так вот он, Карфаген, сбылись мечты идиотов! Вот прямо в распахнутое окно пансиона – россыпь огней… не таких уж и ярких. Рю Виржиль, Рю де Суффет, авеню Хабиба Бургибы – типично карфагенские улицы. Финикийские, м-да… Рядом, внизу, магазинчики – универсамы «Монопри» и – чуть дальше – «Кастарама» – тоже типично карфагенские… как и вывески на французском языке – он тут, как в Украине и Белоруссии – русский. Все понимают, все говорят – в меру своего разумения.

А вообще, этот Карфаген – пригород Туниса – очень даже уютное местечко. Недорогой частный пансион, спокойствие, развалины – термы Антонина Пия, совсем рядом, вот, буквально две минуты пройти – жертвенник-тофет, от пунов

еще остался, камешки эти уж точно, Ганнибала помнят, по крайней мере – должны. Позади, за железнодорожной веткой – но тоже не особенно далеко – холлом Бирса с остатками крепостных стен и собором Сен-Луи – там сейчас музей Карфагена. Сходить бы, да некогда – все работа, работа… Продюсеры спешили, не любили зря тратить денежки… тогда, спрашивается, какого черта сюда потащились? И на Черном море могли бы ничуть не хуже снять, так нет, подавай им Средиземное! Хотя, по деньгам, наверное, здесь еще и дешевле выйдет. Да и дней солнечных – без счета, снимай – не хочу! Планету Татуин из «Звездных войн» как раз тут и снимали… ну, не на самом побережье, конечно.

– Бабуин? – Леночка удивленно моргнула. – Какой еще бабуин?

– Татуин, говорю…

– А, ты про татушку!

– Тьфу ты… Да нет! Про «Звездные войны».

– Ах, про войны…

На прикроватной тумбочке лежал небрежно открытый Коэльо, Лена его «типа читала», как и Мураками, Уэльбека… так было принято в ее гламурном кружке, похвастать иногда – «а вот у Коэльо», «читала вчера Уэльбека – мне не понравилось». Саша иногда думал – вот бы кто-нибудь издал книжку – «Сто модных авторов», типа – «Все русские классики в кратком пересказе для тех, кто не умеет читать»,

такая книжка мгновенно бы стала бестселлером, раскупили б влет.

– А здорово ты сегодня Лешеньку подменил! Классно так стоял, а волны вокруг – брызгали. Нет, правда-правда – классно!

– Ну, Лешеньку я не подменял, – Александр хмыкнул. – Это чисто моя была работа, каскадерская. Лешеньке завтра, хм… с тобой в постели играть.

Девушка неожиданно улыбнулась:

– Он сможет, даром, что… Ой!

Зябко поведя плечом, Леночка схватила любовника за руку:

– Что это там, за окном? Слышишь? Там, внизу, кто-то ходит! Ой, Сашка, мне страшно!

– Не боись! – обняв девчонку за плечи, молодой человек поискал в тумбочке сигареты, не нашел, и вспомнил, что вот уже второй год бросал курить… месяц уже не курил! И ни капельки не тянуло. Если куда и тянуло, то вот, к Ленке в постель, да еще – выпить, а с этим тут были проблемы, как бы что ни говорили, а Тунис – страна в большинстве своем мусульманская.

– Нет… там явно кто-то ходит? Может, пойти хозяина разбудить?

– Ага, его добудишься, как же!

Хозяин сего уютного трехэтажного особнячка с обшир-

ным двором и садом, месье Арон Ашкензи, был тунисским евреем, человеком весьма не бедным и не глупым, но в общем-то – в быту весьма аскетичным и чуждым всяких фривольностей, если что себе и позволял – так это всласть поспать, а что – не такой уж и большой недостаток. Вот только, если уж засыпал, так хоть из пушки пали – не разбудишь!

– Посиди пока… – поцеловав девушку, Александр накрыл ее покрывалом, а сам на цыпочках подошел к окну… выглянул…

– Ну? – нетерпеливо прошептала Леночка. – Чего там?

– Тсс! – сделав зверское лицо, Петров обернулся. – Там уже не только ходят… лезут!

– Лезут?! Куда?

– Как это куда? К нам, конечно. Ну, в смысле – к тебе!

– Саша! Мне страшно! Надо позвать кого-нибудь!

– Не надо… А вот одеться мне, пожалуй, следует!

Быстро натянув футболку и джинсы, молодой человек притаился у окна с видом заправского заговорщика и, приложив в палец к губам, прошептал:

– Будем брать сами!

– Сами?! Ты что, с ума сошел, что ли? Я рисковать не…

– Бонжур, месье! – высунувшись в окно, громко поздоровался Александр. – Точнее сказать – бон суар! Помочь забраться?

Нагнувшись, он протянул руку, помогая залезть в комнату запыхавшемуся толстяку Валентину – ответственному за

свет, реквизит и воду.

– Привет, привет, Сашок, – отдышавшись, дружелюбно улыбнулся толстяк. – Ху-у… едва ведь забрался… Эй, Леша… – он свесился с подоконника вниз. – Ты где там?

– Лезу…

В окне показался исполнитель главной роли Лешенька Стрепов – красивый, как молодой бог – в гламурных узеньких джинсиках со стразами и блестящей рубашке.

– Привет! Что, тоже не спится?

– Не спится…

– А мы за вином ходили!

– Вот как! – Александр хлопнул в ладоши. – И что, нашли?

Лешенька хвастливо ухмыльнулся, кивая на кофр за спиной Валентина:

– Нашли! А как же? Зря, что ли, ходили… Только вы это… тссс… Как бы Саныча не разбудить!

Саныч – это был режиссер – Максим Александрович Сидровцев – тоже весьма знаменитый, правда, не такой знаменитый, как Лешенька.

– Сейчас выпьем! – азартно суетился осветитель. – Лена, у вас стаканы есть?

– Пара найдется – вон, на тумбочке.

– Еще я могу принести, – Саша направился к двери. – Вино в «Монопри» брали?

– Ага… нет там вина! В «Касторамe» взяли, в Тунисе. Ка-

кие-то моряки с утра еще все раскупили… а нового в магазин не завезли, не успели, знаете ведь как тут с вином.

– Моряки? – Александр удивился – на рейде в торговой гавани сегодня стоял только один иностранный корабль – турецкое научно-исследовательское судно с большой полусферической антенной. Турки раскупили вино? Вот уж вряд ли… Значит, никакие это не турки… по крайней мере команда.

А может, это «аспиранты» все выпили?

«Аспирантами» режиссер Саныч – а за ним и все – именовал сценаристов, причем произносил это слово с неким оттенком презрения. Саша как-то спросил – почему так? Не Саныча спросил – Валентина, тот оказался в курсе, пояснил, мол, сценарий – полное фуфло, больше для какого-нибудь индийского фильма подходящий – с потерей главным героем памяти, с разлученными в детстве сестрами-близнецами, короче, «Зита и Гита», другого сценаристы («аспиранты», ха!) придумать ничего не могли… но оказались то ли родственниками, то хорошими знакомыми одного из продюсеров – вот он и порадел родным человечкам, к работе пристроил, даже вот сюда, в Тунис взял, хотя толку тут от них было – как от козла молока.

– Так почему «аспиранты-то»? – допытывался Александр.

– Да потому, – Валентин с шумом откупорил бутылку. – Один из них в какой-то районной газетке работал, а там у них, в районе, съезд эсперантистов проходил, на междуна-

родном уровне, наш типчик, конечно, слышал звон, да не знал, где он, однако статейку махнул – правда, эсперантистов с аспирантами перепутал, так вот заголовок и выдал «Молодые ученые съезжаются в наши края!».

– Да зачем журналистам в чем-то разбираться-то? Это и невозможно, они ведь обо всем пишут, – неожиданно усмехнулся Лешенька. – Я вот как-то раньше следаком работал, после школы милиции…

– Чего?! – Сашка чуть стакан не выронил от такой новости. – Ты – и в ментовке?

– А что? Думаешь, сразу Робертом де Ниро родился? Три года отпахал, как миленький… ну, чтоб в армию не идти. Так с тех пор вообще прессу читать не могу… Ты наливай, Валентин, чего смотришь?

– А? Сейчас-сейчас…

Похоже, и для осветителя прошлое гламурной звезды – это была новость. Из разряда тех, про которые пишут в таблоидах.

Выхлебав винище одним глотком, Лешенька снова подставил стакан:

– Наливай, не спи!

Снова выхлебал… так никакого вина не напасешься! Закурил:

– Читаешь криминальные статьи – просто уши вянут. Про голимую кражу пишут – «ограбление», про грабеж – «обокрали». Ну, я понимаю, конечно, что все не охватишь, что не

Достоевские, но в том, о чем пишешь, разбираться-то надо, ну хотя бы чуть-чуть. А то вот еще напишут – «завели дело на Пупкина»! Заводят дешевую шлюху в номер! Или патефон. Уголовные дела не «заводят», их «возбуждают». Что, трудно написать – «возбуждено уголовное дело в отношении Пупкина»… или там – «по факту кражи»? Или вот еще – «дело закрыто»! Прекращено надо говорить, а «закрыто» – это винный магазин, а не дело. Вот уж точно – «аспиранты»… и, главное, учиться-то ничему не хотят! Хотя… с другой стороны – может, оно и правильно? Может, у них установка такая? Зачем законопослушному обывателю знать, как функционируют милиция и прокуратура?

– Ай, Лешка, что ты заводишься-то? – накинув халатик, усмехнулась Леночка. – Ты на наших сценаристов посмотри… Ладно. Пойду вниз спущусь, за стаканами.

– Так есть же два!

– Ну да, вот еще, по очереди, что ли, пить будем?

Она вышла, мягко прикрыв дверь.

– Красивая баба, – бросив недокуренную сигарету в горшок с каким-то цветком, Лешенька с некоторым цинизмом в глазах взглянул на Сашу: – Ты ее, что ли, трахаешь? Извини за вопрос.

За такие вопросы вообще-то нормальным мужикам морды бьют… но вот этому… да он, похоже, и вовсе не ждал ответа – уже третью бутылку пил, можно сказать, в одну харю. Снова закурил, подошел к окну, сплюнул:

– А мне так не дала, жопа с ушами! Говорит – ты вечно пьяный и вообще, не в моем вкусе. Надо же, слова какие знают… начитаются всяких Коэлий, потом строят из себя «битте-дритте фрау-мадам».

Валентин с Сашей удивленно переглянулись:

– Не дала?! Тебе?! Так ты же… гм…

– Хотите сказать – «голубой»? – суперстар неожиданно расхохотался. – А вот вам фиг! Прикидываюсь просто… Вы даже представить себе не можете, какие в гей-сообществе бабки крутятся, какие там связи! Без их помощи мне бы ни за что в актеры не выбиться. Сидел бы сейчас в райотделе, расследовал бы с утра до позднего вечера всякую гнусь за зарплату в двенадцать восемьсот. Потом, в конце концов, спился бы и помер… Что смотрите? Сейчас-то я почти и не пью… ну пять-шесть бутылок винища в день – это я не считаю, вино не водка. Давай, Валентин, наливай…

– Может, Леночку подождем?

– Да ну ее… Есть тут и кроме нее девки – вон хоть Светка с Катькой… ассистентки… Честно сказать – обе хороши! Ну, будем!

– Да ты это… – выпив, Александр вытер ладонью губы, – конспиратор.

Лешенька приосанился:

– А то! Я, может быть, никудышний актер, но следователем когда-то был неплохим – логика поставлена, уж это без хвастовства. Скажу вам, опять же, не хвастаясь, я совершен-

но точно знаю, что надо делать, чтобы считаться звездой, – тут артист снова выпил и начал загибать пальцы. – А – дружить с таблоидами, в особенности – с «желтой» прессой, время от времени подбрасывать им всякие дутые скандальчики, бэ – мелькать на разных закрытых тусовках, вэ – и не на закрытых тоже – типа всяких «танцев на льду» или там «необитаемых островов», песни опять же можно петь, что я и делаю – правда, без слуха и голоса, но это вовсе не важно, важно – по ящику чаще мелькать! Не будешь мелькать – забудут, сдуется суперзвезда, и очень быстро.

– Не, не говори так, – подольстил Валентин. – У тебя же – талант!

– Талант у меня к уголовным делам… был. Да весь вышел… а, что говорить… наливай! Ты, кстати, Сашок, тоже свой истинный талант в землю зарываешь. Ты ж классный повар, я знаю! Так чего в каскадеры подался? Бабла больше? Сомневаюсь… хороший повар, да в приличном кабаке бабок загребает не меньше, а, пожалуй, и куда больше… Валентин, наливай! Эх, однова живем! Ноу фьючер!

Нет будущего… Вот так и сказал. И был абсолютно прав, ибо никакого будущего у Земли – в качестве планеты – не было. Мир сжимался, медленно, но верно приходя к коллапсу. Кто-то из ученых говорил, что этим процессам подвержена вся Вселенная, кто-то им оппонировал – нет, мол, не Вселенная, а только Земля, в одном все были едины – процесс идет и катастрофа неминуема… правда, лет через тысячу…

или десять тысяч – в этом разброс был большой.

Пришла Леночка со стаканами, налили и ей. Лешенька уже хорошо накачался, и нес какой-то пьяный бред:

– О, в этом пансионе не все чисто… я имею в виду постояльцев… хотя и хозяин – та еще бестия, палец в рот не клади. А уж жильцы…

– Да какие тут жильцы, – раздраженно фыркнула девушка. – Нет ведь никого, кроме нас.

– Нет, так были, – загадочно усмехнулся актер. – Вот, в день нашего заезда старичок один по двору шлялся… Он ведь явно кого-то боялся… или скрывался… Одежку все время менял, шляпу надевал с полями, очки – в общем, вел себя, как примитивные, насмотревшиеся шпионских саг дурни – ну, разве в шляпе дело? А уж темные очки – они только внимание привлекут. Он еще и волосинки к дверям клеил – я как-то увидел, – чтобы, значит, увидеть, ежели кто чужой без него войдет.

– Ой, Леша, – Леночка томно потянулась. – Вечно тебе невесть что мерещится. Ну, старик и старик – обычный. Я так его и не запомнила вовсе, а ты, Саша?

– И я не запомнил, – каскадер пожал плечами. – Какое мне дело до всяких там стариков?

И действительно… какое дело?

Они пили почти до самого утра – поспали потом часика три-четыре – и, проснувшись, Александр, как обычно, от-

правился на утреннюю пробежку – постановщик и исполнитель трюков (а Саша совмещал здесь обе эти должности в одном лице), несмотря ни на что, должен был держать форму.

Бегал он всегда одинаково, по одному и тому же маршруту – проходя через развалины тофета, начинал с улицы Суффетов, добегал до терм Антонина, сворачивал на широкую авеню Хабиб Бургиба и уже по ней возвращался к пансиону. Не такой уж и хилый получался кружок, и Саша всегда засекал по секундомеру время, с гордостью замечая, что с каждым днем бегал все лучше – на секунду-две.

Хотя, конечно, скорее всего дело, было не в нем. А все в том же – во времени, точнее – в пространстве. Мир вокруг вот уже несколько лет, как сжимался – это было доказано, об этом писали во всех газетах, и многие люди первое время жили в ожидании неминуемого конца света. До того, как в масс-медиа не появились сообщения о том, что коллапс, конечно, будет… но не сейчас, а лет как минимум через тысячу. Ну, все так, о чем и говорили ночью.

Через тысячу лет ничего не будет! Ни Земли, ни – быть может – Вселенной… Осознавать такое было как-то неприятно!

А вдруг ученые мужи ошибаются? Вдруг, нет никакой тысячи лет, вдруг обещанный коллапс наступит вот уже через год-другой, через месяц, завтра? Такие настроения тоже имелись и время от времени набирали силу.

Три секунды! Вот уже – на три секунды быстрее! Черт…

Саша сплюнул под ноги. Нехорошо все это. Может, ну его на хрен, этот секундомер? Выкинуть его, что ли? А и выкинуть!

Недолго думая, молодой человек замахнулся и забросил сверкнувший на солнце прибор в розовые кусты.

– Бонжур, месье!

Черт!

Полицейские! Эти-то откуда взялись? Хотя… вон их автомобиль… бесшумно подъехали… ха, это ж электромобиль – чего ему шуметь-то? Теперь точно заставят уплатить штраф, скажут – а чего это вы тут мусорите? Вещицами какими-то кидаетесь…

– Бонжур…

– Говорите по-французски, английски?

– Лучше по-английски.

– Хорошо, – полицейский инспектор в белом, с блестящими пуговицами, мундире, представившись, перешел на английскую речь: – Проживаете у господина Ашкензи, не так ли?

– Да, именно так…

Неужели уже и до полиции дошла весть о ночной пьянке? Соседи стуканули? Возможно – здесь такое в ходу.

– Можем мы с вами поговорить?

– Да пожалуйста, – молодой человек пожал плечами, и инспектор, указав на лавочку в тени деревьев, улыбнулся.

– Нас интересует ваш бывший сосед по пансиону, профессор Фредерик Арно.

– Профессор? – Саша озадаченно поскреб затылок. – А! Это такой седой старик, что ли?

– Да-да, именно – седой. У него еще имелась яхта.

– Имелась?

– Он, видите ли, исчез… вот вместе с яхтой и исчез, словно в воду канул.

– Так, может, действительно – в воду? – усмехнулся молодой человек.

Полицейский покачал головой:

– Не думаю. Неделя стояла спокойная, а профессор – опытный яхтсмен. Так что вы о нем можете сказать?

Александр пожал плечами:

– Да ничего. Я его вообще не видел. Так, если только мельком. Вам бы с хозяином пансиона лучше поговорить.

– Поговорили уже. Значит, о профессоре Арно вы ничего не можете сказать?

– Абсолютно!

– Что ж… жаль.

Вежливо попрощавшись, инспектор зашагал к машине, Александр же, пожав плечами, направился в пансион. Парило. В блекло-синем небе ярко сверкало белое знойное солнце.

– Ты где был?! – с порога накинулся один из продюсеров. – Мы тут тебя по всему пансиону ищем!

– Да, как обычно, бегал… Потом с полицейским инспек-

тором беседовал.

– С полицейским? Ах да, он сюда тоже заходил.

– Так что случилось-то? Профессор нашелся?

– Какой профессор? Ты это о чем? Тоже, что ли, пьяный?

– Тоже? – кажется, Александр начал догадываться о том, что произошло.

– Понимаешь… Лешенька, сука, вчера нажрался… а он ведь запойный, черт! Короче – простой у нас… Вот мы тут подумали и решили… крупным планом – тебя! Вы ж похожи!

– Меня?! – ошарашенно переспросил молодой человек. – Нет, ну вы даете… Нашли артиста!

Продюсер схватил Сашу за руку:

– Послушай… да что там играть-то? Просто вечером выйдем в море на двух судах – нам обязательно на фоне заката снять надо. Тебе даже и говорить ничего не придется – Лешенька потом своим голосом все озвучит, просто постоишь, руками помашешь… Ну! В конце концов, это ж ты с Валькой-осветителем Лешку ночью споили…

– Кто кого споил… Ха! Что, Ленка вломила?

– Короче, Саня – надо!

Вообще-то сегодня Александр планировал отдохнуть, развеяться… в музей сходить… может быть… Но раз такое дело…

– Ну, раз такое дело…

– Вот и славненько! Вот и по рукам! Ты только в обед схо-

ди к костюмерам – что-нибудь получше тебе подберут.

«Получше что-нибудь подобрать» – так когда-то в далеком детстве говорила мать, увы, давно уже покинувшая сей бренный мир, а отец умер еще раньше. Родных братьев-сестер у Саши не было, зато всегда имелось множество друзей-приятелей, в том числе, так сказать, и женского пола – герл-френд, – вряд ли все многочисленные случайные связи Александра – как вот сейчас, с Леночкой – можно было бы считать чем-то серьезным.

«Получше» – оказалось шикарной ярко-зеленой туникой из тускло блестящего шелка, золоченым поясом с привешенным к нему устрашающих размеров бутафорским мечом – двуручным, явно оставшимся от съемок какой-то рыцарской картины, толстенной – конечно же, медной – цепью на шее и высоких ботфортах со шпорами. Вот-вот… только шпор морскому вождю вандалов и не хватало! Да и были ли тогда шпоры-то? Вообще-то зря продюсеры кинулись на вандалов, могли б себе спокойненько забабахать фильму про тех же карибских пиратов… или про берберских, даже еще лучше – как раз, так сказать, в натуральном антураже, и ходил бы сейчас Александр при длинной бородище и в чалме, изображая знаменитого Аруджа Барбароссу или его братца Хайреддина, или – скорее всего – и того, и другого сразу.

– Чего кривишься, Санек? Цепь не нравится? – подмигнув, рассмеялся Валентин – заодно со всем прочим он еще

заведовал и реквизитом.

Каскадер хмыкнул:

– Да нет, цепь хоть куда, меня меч смущает – больно уж здоровущий. И эти еще, шпоры… я ж не на коне скакать собрался!

– Про меч, Саня, ты прав, – садясь на сундук, согласно кивнул реквизитор. – Не было в те времена таких вот мечей, да и ботфортов со шпорами не было… Ну, не было? И что? Зрителю все равно – лишь бы крови побольше да баб поголее! Сожрут, тут и думать нечего.

– Чего они вообще про вандалов снимают…

– Так они это… германцы типа, а Геныч, второй продюсер – арийцев во как уважает!

– Ага, теперь понятно, – Александр потянулся и подкинул в руке меч. – Тоже еще, фашистенок недобитый. То-то я смотрю, он все время «Рамштайн» слушает… Слышь, Валик, я что, с этой дурой таскаться должен?

– Можешь пока куда-нибудь положить, – реквизитор пожал плечами. – Только на съемки взять не забудь, уж сделай милость… Вот насчет ботфортов… погоди-ка… там у нас сапоги от какой-то волшебной сказки остались… по Пушкину.

– Что по Пушкину, сапоги?

– Да не сапоги – сказка! В них, в сапогах-то, этот… как его, дядька Черномор ходил! Хорошие сапожки, красивые, красные такие, на каблучках, тебе, думаю, впору будут… по-

искать?

– Нет уж, спасибо! – вежливо поблагодарил каскадер. – Ты еще труселя красные предложи, как в «Нашей Раше»! Как-нибудь обойдусь и ботфортами. Кстати, мне бы часы для съемок сменить – там, на циферблате, арабские цифры – вдруг случайно в кадр попадут, – а в те времена римские в ходу были.

– Римские? – задумчиво переспросил Валентин. – Даже не знаю, у кого такие и есть… Ладно, поищем… Постой! Какие, на хрен, часы?!

Саша довольно хохотнул:

– Да шучу, шучу я!

Прожекторы, с разрешения местного префекта – или как он там назывался? – поставили на самой конечности мыса – как раз для ночной съемки. Закат закатом, а и после него режиссер решил поснимать, чтоб два раза «пиратские» ладьи на буксире в море не вытаскивать, буксир, он тоже немаленьких денег стоил. Как и префект.

Грохоча мотором, буксир как раз сейчас разворачивался, зацепив тросом сразу две ладьи – цугом, одна за другою. Вот здесь вот, сразу напротив мыса, и должно было развернуться действо. Оранжево-красный, пурпурный даже, закат, золотисто-алая дорожка на волнах, черные тени скал, затяжной поцелуй на фоне все этой благости – вот уж против этого Александр ничего не имел, в главной роли была, естествен-

но, Леночка. Хотя… что он с ней, не нацеловался, что ли?

Одну камеру тоже установили на скале, рядом с прожекторами, другую – для крупных планов – в пиратской ладье, третью – на всякий пожарный – в моторной лодке, где уже распоряжался мелкий, как бес, ассистент режиссера, махал руками, ругался да орал в микрофон на гребцов и команду буксира:

– Потравливай, потравливай, кому говорю! Да потравливайте же! Да кто так потравливает?

А на горизонте, между прочим, уже появились тучки… маленькие такие, полупрозрачные, синие… Никто на них и внимания не обратил, кроме капитана буксира. Тот живенько развернул свое суденышко и что-то закричал в рацию…

– Чего? – недовольно обернулся сидевший в ладье оператор. – Чего он там хочет-то?

Саша прислушался к доносившемуся из портативной рации хрипу:

– Ругается… Говорит – скоро ветер усилится, а ночью шторм будет – он в таких делах понимает.

Резко качнувшись, ударилась о борт ладьи моторная лодка с режиссером, Санычем.

– Шторм? Ночью? – Саныч пригладил растрепавшиеся от ветра волосы, коими тщетно пытался прикрыть явно просвечивающую на голове плешь, что получалось плохо. – Ну, так до ночи успеем. Все, хватит болтать! Поехали. Мотор! Хлопушка! Я сказал – хлопушка, мать вашу! Саша, Леночка – к

бушприту… целуйтесь!

На съемку поцелуя ухлопали часа полтора – то режиссеру не нравилось небо, казалось не слишком романтическим, то оператора не устраивал свет, то звезда Леночка капризничала – видите ли, замерзла.

– Замерзла? Так дайте ей коньяку, черт с ней! – матерился в мобильник Саныч. – Только смотрите, немного… Что?! Дайте, сказал, пару глотков!

Леночка враз охлобыстала полбутылки, остальное допил Сашок на пару с оператором – ив самом деле, было от чего замерзнуть: солнышко уже скрылось, внезапно задул ветер, злой и неожиданно холодный, прямо-таки пронизывающий насквозь. Или это так просто казалось?

А режиссер, между прочим, радовался!

– Здорово! Черт побери, здорово! Эти волны… скалы… какая фактура… ах! Снимаем! Снимаем немедленно!

И снова Александр и Леночка целовались – теперь уже на фоне аспидно-черных, взметающихся почти к самом небу волн!

Ну, конечно же, к самому небу волны не взметались, просто оператор умел так снимать, однако все же волнение было довольно большим… да еще и ветер…

Черт!!! А ведь у скалы-то – камни!

Оторвавшись от жарких губ кинозвезды, Саша явственно увидел в свете прожекторов яростные буруны в окружении грязной желтовато-белой пены. Камни! Ну, ясно – кам-

ни, Александр понимал это, как никто другой. То-то буксир побыстрее убрался!

Между прочим, именно туда – на камни – и сносило сейчас обе ладьи.

– Надо уходить! – свесившись через борт, Саша закричал режиссеру. – Саныч! Сворачивай нафиг съемку. Там камни! Камни!

Режиссер оказался понятливым, живо распорядился:

– Ребята, шабаш!

Закрутил головой:

– Где же этот чертов буксир?

– Так сам же ты его и отпустил, Саныч!

– Да… отпустил… И что теперь?

– А ничего! – Александр уже едва перекрикивал угрожающе свистевший в снастях ветер. – Вы ту ладью в бухту тяните… а я тут один, отойду за мыс…

– Куда? Какая мышь?

– За мыс, говорю! Там можно пройти, потом с подветренной стороны подойду, причалить… Только слышь, Саныч, ты туда людей пошли, чтоб помогли, приняли швартовы.

– Что?! Ага… Понял! – режиссер понятливо закивал, помогая перебраться в моторную лодку Леночке, вовсе не выглядевшей испуганной. Ну, конечно, после полбутыля коньяка на пустой-то желудок.

За Леночкой последовали оператор и двое актеров второго плана, изображавшие… а черт их знает, кого они там, по

фильму, изображали?

И едва только последний успел спуститься в лодку, как налетела такая волнища, что всем мало не показалось! Огромная, черная, с блестящей от света прожекторов и луны спиною, она подкралась незаметно, как хищник подкрадывается к своей жертве, ударила, стараясь перевернуть… ну, хоть что-нибудь… Не вышло! Саша уже успел закрепить кормовое весло и теперь потянул на себя шкот, ставя ладью по ветру.

– Справишься?! – забыв про рупор, громко закричал режиссер.

Александр поднял вверх большой палец и улыбнулся:

– Конечно! Что тут справляться-то? Я же все-таки моряк.

И, помахав всем рукой, половчее перехватил шкот… Ладья оказалась отличной, еще бы – обычная, лишь слегка закамуфлированная, местная рыбачья лодка – по ветру шла неожиданно хорошо, ходко, без особого труда Александр обогнул мыс, а дальше уж было совсем просто…

Да! Только не врезаться в случайно оказавшийся прямо по курсу корабль… Судя по сферической антенне – красивое научно-исследовательское судно… А! Те самые турки, что выпили в «Монопри» все вино!

Проходя мимо корабля почти что вплотную, Саша помахал рукой – дескать, все в порядке, обойдусь и без вашей помощи…

И вдруг что-то произошло!

Молодой человек явственно ощутил это… словно бы утлое суденышко вдруг провалилось в какую-то невообразимо глубокую яму… в какую-то прогалину между волнами… волнищами, высотой… с пятиэтажный дом! Черными, литыми, страшными!

И луна прямо над головой вдруг вспыхнула яркой зеленью… нет, это с корабля пустили луч… прожектор… Господи, почему он зеленый-то? И почему… почему так сдавило виски?

На какой-то момент отважный моряк вдруг потерял сознание, а когда очнулся – странного корабля уже не было, да и волны стали поменьше, но ветер все так же свистел…

Сменив галс, Александр направил лодку к берегу… там уже как раз разложили костры, успели… Молодец Саныч, не подвел, распорядился – а то плохо бы пришлось в темноте. Там, конечно, галечный пляж, но все-таки…

Вот между теми двумя костерками как раз и приткнуться…

Подгоняемая ветром ладья чутко слушалась паруса… до берега оставалось совсем немного, вот еще чуть-чуть, и…

Черт!!!

Что за хрень? Откуда здесь этот огромный камень?!!! И ведь костры… они же как раз там, словно бы специально…

Ну и что делать?

А выход теперь один – прыгать, и черт с ней, с ладьей, пусть уж потом Саныч сам разбирается…

– Придурки-и-и-и!!!

Ухватившись за шкот, молодой человек выпрыгнул из обреченной ладьи и, сбитый налетевшей волной, треснулся головой о камень.

Глава 5. Придурки

Беглец злосчастливый
незваным гостем
вошел под своды…
«Беовульф»

Ну, это точно были придурки! Нет, в самом деле! Едва только Саша очнулся – а он вряд ли провалялся в отключке больше пяти минут, – как неведомо откуда набежали какие-то полуголые люди, в большинстве своем молодые мужчины, полуголые, с ярко горящими факелами, у многих в руках были ножи и какие-то короткие палки… Копья? Здесь тоже кино снимают? Нет… какие там копья, скорей – остроги. Рыбаки… Так какого же черта…

Какая-то кошмарная – из фильмов ужасов – рожа склонилась над лежащим парнем. Александр попытался подняться… его тут же сбили с ног, схватили, поволокли куда-то по пляжу.

Ясно! Приняли за ночного вора! Дескать, плавал себе потихонечку, проверял чужие сети. В полицию, небось, тащат, сволочи.

– Эй, эй, месье! Я не вор! Я – артист, мы тут кино снимаем! – молодой человек лихорадочно вспоминал французские слова… Кто-то с неожиданной яростью пнул его под ребра, что-то злобно бросив.

Заткнись! – понятно было и без перевода.

Черт… как трещит голова… прямо раскалывается. И какая-то слабость во всем теле, а перед глазами какие-то круги… зеленые… как луна.

Куда они его тащат? И где, черт побери, город?

Александр попытался осмотреться – насколько позволяли возможности, – но ничего толком не увидел, кроме размахивающих факелами оборванцев, кроме отражающейся в море луны, кроме загадочной темноты ночи, полной сияющих звезд.

Ага… вот, кажется, пришли… Какая-то деревня. Глинобитный забор, хижины… непонятного назначения строения, низенькие, с плоскими крышами… сараи, что ли?

Пленника затащили во двор, осветили факелами. Из дома вышел какой-то важный толстяк в длинной хламиде и с бородой, все набившиеся во двор придурки принялись ему кланяться и – по очереди – что-то говорить. Лепетали быстро-быстро, языка Саша не понял, но это точно был не французский и не английский, не арабский даже. Берберы? Люди пустыни? Явились в город промышлять? Что, вот так нагло? Под носом у полиции? Или – полиция в доле?

Все эти мысли табунами коней пронеслись в голове Александра, еще не оправившейся от полученного удара. Толстяк подошел ближе. Выкрутив руки, пленника поставили на колени прямо в теплую пыль, кто-то схватил его за волосы, вздернув голову, так, чтоб толстомясый бородач мог видеть

лицо.

– Я – иностранец! Ай эм форинэ, же суи этранже! – на всех языках выкрикнул каскадер. – Я – русский! Рашен. Рюс! Гражданин России!

Никакого эффекта. Лишь толстяк внимательно смотрел на висящую на Сашкиной шее цепь. Ту самую, реквизитную, из позолоченной меди.

– Ишшь!!! – рванув с шеи цепь – хорошо, поддалась! – злобно прошипел толстомясый. – Аурум! Ишшь!

Все вокруг почтительно молчали. Потрескивали факелы, и полная луна висела над головой тусклой перезрелой грушей.

Как видно, что-то заподозрив, толстяк подкинул цепь на руке и, попробовав не зуб, с презрением сплюнул:

– Купрум? Хо? Купрум!

Ну да, медь, не золото, что ты хотел-то? Александр же не браток какой-нибудь, на всю голову отмороженный, а можно сказать – артист!

– Купрум!!! Ишшь!!!

Недовольно оскалившись, толстомясый хлестнул по лицу пленника цепью… Александр рванулся, и, выдернув руку из чьих то цепких лапищ, хлестанул обидчику в морду!

– На, гад! Получи, беспредельщик чертов!

И тут понеслось!

Воспользовавшись внезапно возникшим замешательством, пленник отнюдь не терял времени даром – вырвав-

шись окончательно, ударил с ноги одного, другого… перепрыгнул через упавшее наземь тело, нагнулся, подхватив выпавший у кого-то из руку факел – махнул перед чьей-то оскаленной рожей:

– Ну? Давай, подходи, кто смелый!

Странно, но смельчаки здесь нашлись, и даже в большом количестве! Они кинулись на Сашу, словно крысы, с разных сторон, молодой человек ударил одного, второго… факел выкинул – ну, в самом-то деле, не жечь же им живых-то людей!

А те не стеснялись – в ход уже пошли палки и камни, одна увесистая каменюка угодила пленнику в грудь… черт…

Александр упал и почувствовал, как в грудь уперлось что-то острое… острога, что ли? Да, похоже на гарпун… Неужели убьют, сволочи?

Нет, все же не решились.

Тот самый толстяк – ага, скула-то опухла, погоди, старая сволочь, что-то еще с нею утром будет! – снова подошел ближе, опустился на корточки… и неожиданно осклабился, казалось, и вовсе без всякой злобы. Просто потрогал мускулы на руке Саши и снова прошипел:

– Ишшь! Ишшь!

Покивал, ухмыльнулся и, махнув рукой, отправился в дом.

А пленника тут же связали, рывком вздернули на ноги и, проволочив по двору, впихнули в сарай. Дверь позади со

скрипом закрылась.

– Ну, вот, – упав на глинобитный пол, с некоторым оттенком удовлетворенности прошептал Александр. – Наконец-то хоть какая-то определенность. Можно полежать, отдохнуть, подумать. Эй! Есть здесь кто живой?

Он повторил вопрос на двух языках – французском и английском. Кажется, в дальнем углу кто-то зашевелился… Ну да, так и есть! Вот уже и спросили:

– Асдинг? Силинг? Ромей?

– Русский я, Сашкой звать. Александр – можно. А ты-то кто будешь, брат? И кто эти сволочи? Ну, нароют они на свой хребет, псины!

– Германикус эго сум… эго сум германикус, номес – Ингульф.

– Ингульф? Красивое имя. Ингульф Германикус… почти по латыни.

– Латинус – нон! Германикус сум!

Голос казался подростковым, звонким, только каким-то усталым. Да уж, станешь тут усталым.

– Ингульф эго сум… Ки эс ту?

Гляди-ка, по-испански он говорит, что ли? Очень походе на французский.

– Ки э тю? – кто ты?

– Я Александр… Же суи Александр… Рюс. Рашен.

– Александер Рюс… Карфагеньенсис?

– Говорю тебе – русский я. А ты, значит, испанец… эспа-

ньол?

– Ингульф. Ингульф эго сум.

– Да понятно, что Ингульф, понятно. Ты как здесь оказался, парень? Тоже эти сволочуги схватили?

Дальнейшая беседа, однако, не заладилась – мало было понятных для общения слов, да и голова у Саши гудела, словно церковный колокол в какой-нибудь престольный праздник. Плюс ко всему – темно. И – вопрос – стоит ли еще этому соседу доверять? Может, он-то как раз и есть – вор. Может, его-то и за дело схватили. Да и вообще – утро вечера мудренее.

– Ну, Ингульф, не знаю, как ты, а я пока спать… Судя по голосам – нас во дворе караулят, да и стены тут вроде бы без щелей. Ладно, завтра посмотрим, поглядим – что к чему?

Он готовил куша. Так называлось это, вне всяких сомнений, одно из самых изысканных блюд тунисской кухни. Готовилось оно очень непросто, – но то было Александру только в радость, именно от этой изысканной сложности он и получал наслаждение – как в процессе готовки, так и потом – при, так сказать, поедании – не один, конечно же, а в компании красивой девушки или – черт с ними! – друзей.

Взяв нежную лопатку специально выбранного на местном рынке ягненка, Саша тщательно натер ее оливковым маслом, смешанным с солью, розмарином, мятой и кайенским перцем, положил все в глиняный казан и, плотно закрыв крыш-

кой, поставил на медленный огонь. Теперь осталось приготовить хариссу – для этого понадобится жгучий перец-чили, тмин, чеснок, кориандр… если еще осталась и мята, то можно и ее пустить в дело – в оливковое масло – тщательно все перемешать, пока не получится этакая густая паста, вот ее-то потом и добавить в кускус – гарнир из пшеницы или вареной на пару манки.

Ну вот, пока возился с приправами, кажется, подоспело и основное блюдо! Вытерев руки о фартук, Александр приоткрыл крышку… понюхал, смежив от удовольствия веки…

Пахло каким-то дерьмом!

Выругавшись, молодой человек открыл глаза… Откуда-то сверху, из узенькой щели в двери, в сарай, где он все так и валялся связанным, проникал тусклый дневной свет. Голова трещала, прямо раскалывалась, саднила грудь…

– Ммм… – застонав, Саша попытался сесть… С третьей попытки – получилось, прислонился к глинобитной стенке спиною, осмотрелся: в углу, прижав коленки к груди, спал какой-то парень… ну да – вчерашний собеседник. Боже, какой же он грязный! И одет… соответствующе – какие-то узкие, оборванные – до грязных исцарапанных коленок – штаны, похоже, что их козлиной шкуры, точно такая же грязная жилетка, надетая прямо на голове тело, никакой обуви – босиком. Волосы длинные, спутанные, непонятно какого цвета… Клошар, настоящий клошар, бродяга!

Однако черты лица явно европейские – это было видно да-

же при таком тусклом свете. Совсем еще молодой парень… подросток… лет, может, пятнадцать, или где-то около. Да-а-а… такой явно мог украсть что-нибудь, под это дело наверняка замели и его, Александра, хотя он-то тут не при делах – Бог свидетель.

Застонав во сне, парень перевернулся на другой бок, спиной к Саше. Руки у юного клошара вовсе не были связаны, а вот запястья каскадера туго стягивали веревки… или какие-то кожаные ремни. Ну, конечно… после вчерашней-то драки!

Снаружи быстро светлело, вот уже послышались чьи-то голоса, ругань… потом, кажется, кто-то кого-то побил…

Кое-как поднявшись на ноги, Александр внимательно осмотрел дверь, довольно-таки массивную, такую с ноги не выбьешь, особенно если и засов снаружи так же хорош. Да, наверное, засов здесь хороший, стали бы они использовать плохой засов? Если б так – то этот парнишка-клошар давно сбежал бы…

Черт… жалко, щель высоко, под самым косяком – не рассмотреть, что там во дворе делается, остается только слушать. Саша приложил к теплой доске ухо – все то же: ругань, крики, ага – смех! Довольный такой, можно даже сказать – заливистый. Девичий или детский. Похоже, не все так грустно, товарищи!

Молодой человек обернулся – показалось, будто тот парень, в углу, снова зашевелился… Нет, спит… Разбудить? А

зачем? Ну, можно попросить его развязать руки… у него-то они не связаны!

Саша подошел ближе, наклонился… Глинобитная стена над спящим была вся испещрена различного рода похабными рисунками и надписями, в большинстве своем – непонятными, скорее всего арабскими… хотя, нет, вот тут, кажется, по-французски – «Ж, этэ иси – я был здесь – Луи Боттака. Нигерия». Нигериец… Ну, ясно – наверняка тоже ворюга, в хорошую же компанию он, Александр Иваныч, попал! Надо бы поменьше якшаться с этим соседом, не дай Бог, примут за сообщника, ведь теперь, конечно же, обоих потянут в полицию, или, на худой конец, к старосте отведут, или кто тут у них в деревне за главного? Нет, скорее всего – без полиции уж точно не обойдутся. И это – хорошо, тунисские полицейские – хоть тот же давешний инспектор – произвели на Сашу приятное впечатление – все, как один, вежливые, все говорят по-французски… ну, по-французски в Тунисе вообще все говорят, а вот что касается вежливости… то это, может, они с туристами такие вежливые, а с обычными-то местными ворюгами у-у-у… Показания выбивают, не хуже чем в России-матушке, а может быть даже еще и получше.

Александр пожалел уже о том, что вчера распустил кулаки. Хотя, с другой стороны – а как было не распустить? Сами же, козлики, и спровоцировали. И все же, все же, уж теперь-то надо бы вести себя осторожнее – с официальными лицами, упаси боже, не собачиться, упирать на то, что он –

Александр Иванович Петров – добропорядочный иностранец, так сказать – гость.

Вообще-то интересно, где он сейчас находится? Суденышко уж никак не могло отнести далеко, ну, не в Бизерту же! И сама столица – город Тунис, и пригород ее, Карфаген – где-то совсем рядом, километрах, может, в пяти – десяти. Цивилизация! Поскорей только встретиться бы с официальными лицами… попросить позвонить… нет, даже пусть сами позвонят… а с этим вонючим пацаном – ни в коем случае не общаться, не дай бог, снаружи разговоры услышат, скажут – уж точно, сообщнички! Поди, потом, доказывай, что ты не верблюд.

Неприязненно покосившись на спящего, Александр уселся на корточки у двери, дожидаясь… чего – было пока не очень понятно. Хотя нет – ну ведь хоть кто-то да должен же был прийти!

Снаружи кто-то утробно закричал – ишак, что ли? – и спящий в углу оборванец, наконец, проснулся, уселся, скрестив ноги и, смачно зевнув, сказал:

– Сальве!

– Бонжур, – ухмыльнулся Саша. – Эт ву дорми бьен?

– Бене? – хлопнув ресницами, удивленно переспросил пацан. – Нон бене, нон!

Каскадер лишь рукой махнул:

– Да не знаю я твоего дурацкого языка, парень! – и, спохватившись, добавил: – Лучше давай помолчим.

Оборванец, видно, не понял – все пытался заговорить, даже подошел, дотронулся до руки Александра, до веревок… или ремней… нет, скорее, все же это были ремни. Предлагает развязать? Ну, нет уж – тогда точно решат, что они оба – сообщники.

– Не надо меня развязывать! Нон, нихт, ноу!

В этот момент за спиной у молодого человека скрипнул засов, дверь распахнулась… и обоих узников бесцеремонно вытолкнули во двор. Жмурясь от солнечного света, белого и неудержимо яркого, Александр попытался построить в уме французскую фразу – «Пожалуйста, позовите российского консула», – но сделать этого ему не дали, с силой пнув в бок. Потом, приставив к груди острогу, развязали руки… даже позволили оправиться, и уже больше не связывали, наоборот, взвалили на плечи какой-то тяжелый мешок – тащи!

Каскадер счел за лучшее не спорить – пожалуй, не следовало нарываться на неприятности. Такой же мешок получил и его грязноногий спутник, для парня ноша оказалась явно не по плечам, выхода со двора он споткнулся, упал… и шедший позади громила с кулаками, размером с капустный качан, выхватив из-за пояса плеть, несколько раз с силой ударил несчастного. Бил умело, с оттягом… Александр поспешно отвернулся – не его это дело. Может, за дело били этого гавроша, может, у них, в этой деревне, именно так и принято…

Закусив губу, парнишка вскочил на ноги, взвалил на пле-

чи мешок и, пошатываясь, зашагал к морю. Да-да, именно туда они сейчас и шли – узники с мешками, верзила с кнутом, двое парней с острогами и тот самый важный толстяк, которому вчера вечером Саша от души смазал по морде. А и поделом!

Толстячина, похоже, зла не держал, наоборот, посматривая на пленника, улыбался, время от времени даже пробовал на ощупь мускулы и довольно приговаривал:

– Ишшь!

И что он шипит, как змея? Неужели никакого нормального языка не знает? Ладно английский, но уж французский-то – должен.

Глаза постепенно привыкали к яркому солнечному свету, и Александр исподволь осматривался, надеясь увидеть невдалеке какой-нибудь псевдонебоскреб или жилой квартал, да на худой конец римские развалины. Впрочем, развалины-то как раз и были… но не совсем развалины. Даже – совсем не развалины! Охренительных размеров амфитеатр белел мрамором в паре километров от узкой, спускающейся к морю тропинки! А ведь здорово отреставрировали, сволочи, прямо зависть берет – вот бы у нас в России так, и почаще!

Оставшаяся позади деревенька – скопище самых убогих хижин! – не шла ни в какое сравнение с… гм-гм… памятником древнеримской архитектуры, мало того, низенькие глинобитные строения словно бы прятались за деревьями и гу-

стыми кустами.

– Ишь! Ишь! – оглядываясь, шипел толстомясый.

Одет он был как-то странно – в длинную ярко-зеленую тунику, тюрбан и сандалии. На остальных же парнях не было ничего, кроме длинных набедренных повязок, их смуглые до черноты тела, похоже, давно уже привыкли к яркому жгучему солнцу. Ну, еще б не привыкнуть, они ж местные. А с одежкой у парняг, судя по всему, была напрягуха – пара молодых людей, закинув на плечи свои гарпуны, пару раз уже пробовали пальцами тунику Александра и вполголоса переругивались. Делили, что ли? И на кой черт им эта грязная тряпица?

Наконец, один из парняг не выдержал, забежав вперед, поклонился толстому и что-то угодливо сказал, показывая на Сашу.

Толстяк задумался, почесал бороду… кивнул.

Радостный парняга с воплем подбросил высоко вверх острогу, ловко ее поймал и, как только процессия подошла к лодкам, вприпрыжку подскочил к Александру, делая недвусмысленные знаки – скидавай, мол, рубашечку, поносил – хватит, дай и другим поносить.

– Да бери, жалко, что ли! – стащив через голову тунику – рваную и грязную – каскадер швырнул ее парню, и тот живенько надел ее на себя и важно приосанился. Двое его напарников – такой же тощий, с острогою, и здоровенная оглоедина с кнутом – восхищенно зацокали. Оглоедина даже

хлопнул новоявленного модника по плечу – мол, классный прикид, чего уж!

Вообще-то, не очень-то это было характерно для относительно процветающего Туниса – такие вот выходки! Нет, если б рваную одежку отняли где-нибудь в Буркина-Фасо или Руанде – то нет вопросов, удивления бы это никакого не вызвало, но здесь… Все же как-то странно.

Положив мешки в большую, привязанную к черному камню лодку, конвоиры уселись туда же, пленникам же велели лечь на дно. В воду… ну, по такой жаре это было даже приятно.

Кстати, шагах в двухстах от местной пристани, на камнях, Александр заприметил остатки своей ладейки… именно остатки – не было уже ни мачты, ни весел. Да и обшивки в большинстве своем – не было. Что тут сказать? Молодцы, ребята – управились быстро. Впрочем, черт с ней с ладьей, не особенно-то Саша по ее поводу и расстраивался – это пускай уж потом киностудия с местными судится, его-то какие проблемы? То-то, что никаких.

Оглоед сноровисто поднял парус, кто-то из парней оттолкнулся веслом – поплыли. Погодка стояла прекрасная – дул легонький ветерок, мягко покачивая на волнах лодку. Брошенные у кормы мешки оказались у самых ног толстяка, тот жмурился от солнца, словно обожравшийся халявной сметаной кот, и время от времени, зачерпывая ладонью воду, лил ее себе на потную шею.

Плыли хорошо, ходко, оглоед управлялся с парусом довольно умело… как, впрочем, и с плетью – по пути доходяга гаврош несколько раз ронял пресловутый мешок – соответственно, за это и получал на орехи, довольно стойко, словно само собой разумеется, перенося все удары. Даже не пикнул, хотя здоровяк бил от души – Александр краем глаза это видел, хотел даже вмешаться, но… В конце концов – кто ему этот косматый ворюга? Может, он уже такого успел натворить, что его и убить мало. А что? Подростки – они уж по жизни такие, на всякую гнусную пакость более чем способные!

Судя по тени от паруса, лодка, выйдя в открытое море, резко свернула… потом – еще раз, и все так же круто. Огибали мыс, и Саша невольно залюбовался, как ловко менял галс оглоедина. Профессионал – видно сразу. Низко сидящая в воде посудина не только не черпанула бортом волну – а ведь вполне могла бы, – но даже и брызг подняла очень мало. На шверботных гонках этот склонный к легкому садизму здоровяк наверняка отхватил бы приз.

Минут через двадцать, после того как свернули, парус был снят, и парни, побросав свои остроги, схватились за весла. Сверху над лодкою нависали высоченные мачты, почему-то казавшиеся аспидно-черными на светло-голубом фоне неба. Послышались чьи-то громкие голоса, резко запахло свежевыловленной рыбой, тающей на жарком солнце смолой, еще какой-то хренью…

Вот, наконец, суденышко со стуком ткнулось бортом в причал. Понукаемые гарпунами и плетью, пленники выбрались на горячие от солнышка камни, черные, с белыми солеными проплешинами испарившихся волн. Саша поудобнее примостил на правом плече мешок… и ахнул, едва только поднял голову.

Ослепительно-белый город вырастал, казалось, прямо из моря! Город из волшебной сказки. Белые, с красными крышами, дома, утопающие в густой зелени садов, беломраморные храмы с портиками, серовато-желтые зубчатые стены. Город-крепость! Боже, ну и красотища…

Получив чувствительный тычок в спину тупым концом гарпуна, Александр и вовсе не обратил на него внимания – когда тут такое! Горячие мраморные плиты мощеной площади нещадно припекали пятки – Саша был босиком, его ботфорты давно уже прихватизировали «гостеприимные» деревенские жители.

Вокруг растекалась разноязыкая, пестро одетая толпа, такая, какой и следовало быть в любом восточном городе, высокие крыши портиков отбрасывали благодатную тень, по краям улиц горделиво возвышались прекрасные статуи, изваянные в классическом римском и греческом стиле. Часть пьедесталов почему-то пустовала, кое-где виднелись остатки беломраморных женских ножек… А остальная часть где? Туристы, что ли, разобрали на сувениры? Да-да, именно –

это какой-то туристский центр, даже автомобильное движение запрещено – ни одной машины Александр так пока и не видел. И скутеров не было, даже велосипедистов – и тех. Сплошная пешеходная зона!

А вот, прямо впереди, на овальной небольшой площади, высокое, песочного цвета, здание. Отель? Полицейский участок? Хорошо бы…

И вся эта красота – в нескольких десятках миль от Туниса!

Вообще-то, этот город казался немного странным, хотя странным, в глазах европейцев, и пристало быть всем восточным – а уж тем более африканским – городам. Крепость, храмы, широкая центральная магистраль и узкие, тенистые улочки – в этом-то не было ничего такого необычного, как и в шумящей, словно морской прибой, толпе. Нет… все же, и толпа казалась странной… и дома… Почему?

Поспешая следом за толстяком, Саша поспешно анализировал, выбирая удобный момент для того, чтобы сбросить нахрен мешок, да сигануть, бежать… А надо ли? Ведь, уж действительно, лучше подождать полицейского разбирательства. Да и куда бежать-то? В какой стороне столица? Вот, если бы попалась на глаза стоянка такси, тогда бы… Такси, хм… Молодой человек усмехнулся – у него и денег-то нет! Ни динара. Уж придется пешком… Нет! В полиции надо попросить разрешения позвонить. Сначала в консульство, а потом – в пансион, чтоб наши не волновались, они ж его, небось, ищут. Может, и в полицию уже обратились… да, мо-

жет… Шутка ли – человек пропал! Да не простой человек – турист! Иностранец! А туризм для Туниса – золотая жила. Так что, в случае чего, толстяку и всем этим деревенщинам мало не покажется. Скорей бы только отыскать полицейский участок… Или – полицейский – вот, что-то не мелькала в толпе круглая фуражка ажана!

И вот еще… вот еще… Александр, наконец, уяснил для себя всю странность – среди людей, в толпе, он никак не мог отметить туристов. Ни цветных бермудов, ни белых шорт, на соломенных шляп, ни темных противосолнечных очков – ничего этого не было! Вот уж, действительно, странно. Для кого тогда пешеходная зона? Для местных? Не смешите мои шнурки… кстати, шнурков-то нет… как и обуви. Так что это еще вопрос – кто кому должен?!

Где же, черт побери, полиция? Где вывеска… вывески… А вывесок-то и нет! И в этом была вторая странность. Нет никаких – ни на арабском языке, ни – дублирующих – на французском! И куда же они все делись?

Нет, убегать пока рано, главное сейчас сообразить – куда, собственно, бежать-то?

Ага… вот, кажется, пришли куда-то.

Какое-то длинное приземистое строение, сложенное из серовато-желтых камней, тянулось на полсотни шагов вглубь застроенного небольшими домишками квартала, явно бедняцкого, почти без всякой зелени и словно бы припорошенного желтоватой песчаной пылью. Рядом, на узкой и гряз-

ной улочке, располагались какие-то лавки, в которых торговали посудой, лепешками, оливковым маслом и всяким таким прочим, у одной из лавок и сгрузили мешки, после чего вся процессия направилась как раз к тому длинному зданию. Подошли… Толстяк постучал в ворота. Кто-то что-то спросил – не из-за ворот, из маленькой, расположенной тут же, пристройки. Толстяк ответил. Постоял немного. Вошел… Вышел он минут через пять, не сказать, чтоб особо довольный, но и не безрадостный, следом за ним из пристройки показались двое молодых людей, выглядевших, как типичные, сбежавшие из психушки придурки: в куцых – до середины бедер – балахонах, в смешных сандалиях с высокой оплеткой, в круглых кожаных шапочках. У каждого на поясе висел угрожающе длинный кинжал в потертых ножнах. Немного потоптавшись у самых ворот, парни, поднатужившись, отодвинули засов и, обернувшись, призывно махнули рукой.

– Ишшь! – злобно вылупившись на пленников, толстяк подтолкнул обоих к воротам.

– Эй, эй, – запротестовал было Саша. – Мы так не договаривались!

И снова два гарпуна уткнулись ему в грудь. И что тут было поделать? Приходилось подчиниться… пока…

– Что ж, – молодой человек демонстративно пожал плечами. – Надеюсь, хоть в этом сарае найдутся более-менее приличные люди, с которыми хотя бы поговорить можно было!

И правда, надоело уже, когда никто вокруг нормальной

речи не понимает!

Они вошли оба, один за другим – Александр и его юный спутник, точнее сказать – сотоварищ по несчастью. Ингульф… так его звали.

Массивные ворота за спиною бесшумно закрылись, видать, петли оказались хорошо смазанными, а засов – тот да, заскрипел. С полминуты поморгав, Саша дождался, пока глаза привыкнут к полумраку, после чего осмотрелся и громко спросил:

– Спик инглиш? Парле ву франсе?

А так никто и не откликнулся! Да и народишко тут собрался – упаси, господи! Почему-то одни мужчины, причем самого разного возраста, от совсем еще небольших, лет десяти-двенадцати – детей до почтенных седобородых старцев. Причем все, как на подбор – тощие, и полуголые… а некоторые – так и совсем без одежды.

А грязь-то кругом! А вонь!

Это что же – местная каталажка, что ли? Похоже, что так. Ну, сволочи, погодите, вот явится хоть кто-нибудь из администрации…

Из дальнего угла вперед, к воротам, где растерянно застыли вновь прибывшие, неожиданно выступил полуголый коренастый мужик в цветастом фартуке… или что у него там было заместо штанов. До чрезвычайности смуглый, но явно не негроид, скорее какой-нибудь бербер, кривоногий, с широкой, густо заросшей черным курчавым волосом грудью и

плоским, похожим на блин, лицом, очень неприятным, с ярко выделяющимися скулами и длинным изогнутым носом, он улыбался… нет, скорей – ухмылялся, показывая крепкие желтые зубы, и ухмылка эта почему-то жутко не понравилась Александру.

– Ну, чего лыбишься-то? – угрюмо спросил молодой человек. – Слышь, мужик, ты вообще кто?

Саша не был удостоин и взгляда… ну, разве ж только так, мельком. Зато его юный спутник… Коренастый обнял его, как родного брата, погладил по плечам, поцеловал, зашептал что-то…

Ингульф резко оттолкнул навязчивого мужика, так, что тот едва не упал… Нет, не упал, удержался-таки на ногах – и тотчас же на плоском лице его заиграла гнусная ухмылка.

– Хэк!!! – подскочив к юноше ближе, коренастый ударил себя в грудь кулаком и гордо обернулся, обводя глазами собранную в узилище шушеру. Большинство помалкивало, но нашлись и такие, что поддержали коренастого одобрительными выкриками. А тот явно вызывал Ингульфа на драку!

Парень это тоже сразу же сообразил и праздновать труса не стал – живо сбросил мохнатую свою жилетку на пол – ее тут же кто-то втихаря и подобрал, так, что потом и не нашли, – и, выставив вперед правую ногу, издал зычный клич, чем-то похожий на тот, что совсем еще недавно орал на носу бутафорской ладьи и сам Александр в роли вождя вандалов Гейзериха.

– Водан! Донар! Тор!

Вот что-то типа подобное…

На спине у Ингульфа Саша заметил татуировку – большая такая, почти во всю спину, змея, свернувшаяся изумрудно-зелеными кольцами. Да уж…

– Герулл!!! – пригнувшись, злобно ощерился коренастый.

Он закружил, цепко ступая босыми ногами по утоптанному песку пола, прищурился и, вытянув вперед руки, зашевелил пальцами, словно бы намеревался вцепиться противнику в горло, и теперь лишь выбирал удобный момент. И вот… гад! прыгнул!

Однако и юный знакомец Саши тоже оказался не лыком шит! И не таким уж он был доходягой, нет – молодой, крепенький, поджарый, словно волк.

Оп-па! Резко метнувшись в сторону, он поставил коренастому подножку, еще и рукой подтолкнул – плоскорылый так и покатился по полу, едва не в угол. Но тут же вскочил, злобно шипя и сверкая глазами, и, без всякой передышки, снова бросился в бой… Ингульф встретил его в прыжке, ударив обеими ногами в грудь – коренастый завыл и снова покатился по полу. И опять так же быстро вскочил на ноги – ну, прям ванька-встань-ка!

Постоял, примериваясь… бросился, прыгнул… Ингульф махнул кулаком, однако на этот раз удар его не достиг цели – плоскорылый оказался хитрее, вмиг упал в песок, прижался, метнулся вперед хищной тенью… оп! Ухватил замешкав-

шегося парня за щиколотки, дернул… Ингульф упал на спину, дернулся… безрезультатно! Коренастый уже набросился сверху, сдавил лапищами горло…

– Ну, нет, так не пойдет! – бросившись к дерущимся, Саша коротко, без замаха, ударил плосколицего ладонями по ушам.

Тот завыл, отпустил парня…

– Все, говорю! – сурово произнес Александр. – Брек!

И в тот же момент на него бросилось двое. Один – лысый до блеска, – второй – с колтуном на голове…

– Ах, вы так?

Лысого Саша остановил прямым ударом в челюсть, того, что с колтуном – достал ногой, с ноги же ударил и метнувшегося было на выручку своим коренастого, потом снова обернулся к пришедшему в себя лысому, подпрыгнул, нанес удар рукой в шею.

За десять секунд успокоил троих!

Да уж… не такие уж они оказались бойцы, так, один эпатаж только! Да и драться, по сути, не умели, ясно было видно – ни о боксе, ни о дзюдо, не говоря уже про карате, не имели вообще никакого представления, привыкли брать нахрапом да наглостью. А Сашка драться умел – тот же бокс, карате, дзюдо – всего понемногу.

– Ну? – он сурово взглянул на утирающего хлынувшую из носа кровь коренастого. – Может быть, еще кто-то хочет рыпнуться?

И скосил глаза на тех двух… Господи – ну и доходяги! В чем только душа держится, а туда же – драться. Судя по всему, среди всего этого сброда только коренастый и был способен на более-менее хороший бой, да и то больше так, чисто по-детски, с вращанием глаз, угрозами и размазыванием по сусалу юшки.

– Мххх!!!

Что-то глухо буркнув, коренастый понуро потащился в свой угол. Никто за ним не шел – даже бывшие защитнички, те, наоборот, по-собачьи заглядывали Александру в глаза и несмело улыбались.

– Ну что, друг Ингульф, – Саша посмотрел на подростка. – Похоже, мы тут теперь мазу держим!

Ингульф улыбнулся, что-то сказал по-своему, потом добавил уже более-менее понятно:

– Ту эс виктор!

Ну, ясное дело – победитель!

Это здесь поняли все, правда, большинство восприняло все довольно-таки равнодушно, однако нашлись и такие, что попытались задобрить нового вожака, чем могли. Вот тот же лысый, наверное, стремясь загладить свое нехорошее поведение, подвел к Саше за руку голого мальчика и, похлопав того по заднему месту, цинично осклабился: мол, бери, угощайся, вот я какой человек – ничего для нового господина не жаль!

– Ну, вот только гнусностей не надо, а? – ухмыльнувшись,

победитель, насколько мог вежливо, отказался от такого подарка и, махнув рукой приятелю, уселся у ближней к воротам стены, слева.

– Вот тут, дружище, мы пока и будем жить.

Юноша улыбнулся и уселся рядом. Тут же, невдалеке, примостились и лысый, и тот, что с колтуном. Главные здешние доходяги. И все этак посматривали, улыбаясь – мол, не нужно ли чего?

– Вот ведь привязались, гады! Шугануть их, что ли? Ладно, пусть себе сидят. Интересно, долго мы все здесь сидеть будем? Ты не знаешь, Ингульф? Нет? Вот и я не знаю. А вообще, если долго, то хорошо и поесть бы… или хотя бы попить – во рту уже давно пересохло. Хотя… – Саша поморщился. – Заразу бы тут какую-нибудь не подхватить, вот уж еще не хватало! Тебе-то, Ингульф, хорошо, ты, я смотрю, ко всякой грязи да микробам привычный… а мне как быть? Гепатит тут какой-нибудь подцепить или, упаси, господи, спид – вот уж никак не хотелось бы! Эти еще тут… мальчиков предлагают, черти… Вы хоть на спид их проверяли? Нет? Так я и знал!

Александр пытался шутить, насколько сейчас мог – в принципе, его нынешнее положение, по здравому размышлению, вовсе не представлялось таким уж ужасным: ну, сколько его еще здесь продержат? Ну, день, два… вряд ли больше. А потом явятся полицейские. Или – судейские. Возможно – и те, и другие сразу. И тогда…

Ох, скорей бы отсюда выбраться! Черт… надо тогда еще было бежать, сразу, сбросил бы мешок, нырнул в толпу, уж как-нибудь добрался бы до более цивилизованных мест, с туристами, с полицейскими, с такси… Да, наверное, и надо было бы рвануть… Да вот, понадеялся, что здесь все удачнее выйдет. Ладно… Теперь уж, ежели появится удобный момент, так уж обязательно!

Снаружи вдруг скрипнул засов, ворота открылись, впустив солнечный свет и чистый, пусть даже и довольно жаркий, воздух.

Двое дюжих носильщиков внесли на длинной палке дымящийся чан – похлебку, что ли… Впереди шагали еще двое парней, с острогами… или нет – с короткими копьями! Да-да, именно так, вот до чего дошло уже! Этими самыми копьями они отгоняли бросившуюся было к пище толпу…

Вот, наконец, поставили… Нет, это была вовсе не похлебка. Какие-то овощи… вареная – небольшими кочанами – капуста, брюква, еще что-то подобное… Пахло, между прочим – гнилью, ну, на запах здешние обитатели не обращали никакого внимания, сами-то тоже не благоухали.

Один из парней выпрямился и что-то громко сказал… Узники жалобно и вместе с тем, нетерпеливо уставились на Александра. Ага… теперь, похоже, он был тут главным. Ну да, все как в игре – кто на Питере хозяин? или там – «Царь горы».

Подойдя к чану, молодой человек выбрал брюквину почи-

ще, то же самое сделал и Ингульф… ну а затем настала очередь и всех остальных, нетерпеливо переминающихся с ноги на ногу отщепенцев. Коренастый, кстати, подошел к раздаче самым последним… да-а… вот уж поистине – побежденный плачет!

Глава 6. Вилла

…и сердце воина
впервые исполнилось
недобрым предчувствием…
«Беовульф»

Обеда узники не дождались, да и был бы ли здесь обед? Скорее всего, что нет. Просто вошли какие-то молодые люди с острогами… нет, наверное, все-таки лучше было бы говорить – с копьями, именно так – с короткими копьями, Александр уже этому не удивлялся, и все гадал – что за странный город? На побережье, с римскими достопримечательностями, но почему-то без туристов, без указателей, вывесок. Действительно, в высшей степени странное место.

Не особенно церемонясь, парни с копьями выгнали всех на улицу, под навес, пристроенный с дальней стороны сарая. Там же, рядом, располагалось что-то похожее на древнюю кузницу – какие иногда показывали туристам – все, как положено: меха, горн, наковальня, молоты-кувалды-щипцы – и дюжий, до самых глаз заросший кудлатой бородищей кузнец в кожаном, местами прожженном искрами фартуке. Рядом с наковальней, на широкой скамье, лежали цепи, по мнению Саши, антураж здесь совершенно излишний – ведь туристов-то все равно нигде видно не было. Так, может, придут еще?

При подходе узников, рядом с кузнецом возникли двое амбалов, тут же схвативших первого подвернувшегося под руки мужика – им, кстати, оказался лысый. Схватили, подтащили к наковальне, кузнец махнул молотом… оп! И прямо на глазах у Александра лысого заковали в цепи!

– Э!Э! Вы что творите-то?! Что за глупые шутки?

Острые копья тут же уперлись в бока, и молодой человек понял – никто тут и не собирался шутить, даже не думал. Все делалось на полном серьезе, взаправду, и даже как-то буднично, словно бы и кузнец этот, и его дюжие помощнички, и охрана занимались насквозь – до рутины – привычным делом.

Сковали и Сашу – и довольно ловко, молодой человек и глазом моргнуть не успел. Заковали и грубо подтолкнули к навесу. Следом за ним тут же оказался Ингульф, парнишка звякнул цепями, неожиданно улыбнулся и ободряюще подмигнул – мол, ничего, бывало и хуже. Ну, бывало, конечно… Но чтоб вот так!

Ага… там, под навесом были и женщины, полуголые, без всяких оков, они испуганно жались к глинобитной стене. Никто ни с кем не разговаривал, все стояли понуро и молча. Александр исподволь осматривался – все те же беленые домики, крепостная стена, море, римский амфитеатр вдали… и небо. Огромное, светло-синее, словно потертые джинсы, небо. Оно тоже было неправильным, это небо, слишком уж чистое – ни силуэта какой-нибудь телефонной вышки вдали,

ни небоскребов, ни даже инверсионных самолетных дымков – а ведь они должны быть, аэропорт совсем рядом. Ничего этого не было, и Саша начал уже подумывать, что его отнесло куда-то намного дальше, наверное, ближе к Бизерте… но – суда? Почему в море не видно судов? Нет, не этих рыбацких лодочек с белеющими парусами, а красивых пассажирских лайнеров, прогулочных теплоходов, каких-нибудь грузовозов, танкеров… Нет! Одни лодки!

И шмыгавшие взад-вперед людишки – похоже, здесь где-то рядом, вот, буквально за углом, располагался восточный базар, уж точно – судя по шуму. Людишки несли на плечах какие-то увесистые тюки, такие же тюки были навьючены на небольших осликов, кое-кто толкал перед собой небольшие тележки, груженные… да всем подряд груженные: глиняные горшки и кувшины, сырцовые кирпичи, какие-то тростниковые кипы…

Весь этот довольно шумливый народец одет был традиционно – в длинные развевающиеся хламиды, а кто и вообще – почти голый, лишь чресла прикрывали белые куски ткани. И никаких джинсов, шорт, маек. Наручных часов и мобильников Александр тоже что-то не заметил. Может – это фундаменталисты? Живут своей закрытой общиной под владычеством какого-нибудь муллы и в ус себе не дуют! Что им до прогресса? Однако, с другой стороны, такие вот общины, наверное, больше характерны для Ливии, а уж никак не для европеизированного Туниса, тем более – на кишащем тури-

стами побережье!

Подумав, Саша решил для себя так – громко обратиться по-английски и по-французски к первому же человеку в джинсах, шортах или в майке с рекламой, в общем, к тому, у кого имелся бы хоть какой-то признак цивилизации. Пока молодой человек ничего подобного не видел, хотя внимательно за всеми проходящими наблюдал. А таковых уже столпилось много – именно у самого навеса. Кое-кто даже был в богато расшитых блестящими узорами одеждах, роскошных сандалиях, сверкающих драгоценными камнями, с цепочками, с золотыми браслетами на руках. Некоторых даже принесли слуги в красивых носилках-портшезах… экзотика, мать их за ногу!

Ага! Вот появился какой-то плюгавенький человечек, чем-то похожий на гнома из волшебной сказки (впрочем, тут все напоминало волшебную сказку). С непропорционально большой головой и большими оттопыренными ушами, он казался бы смешным, если б не тонкие, кривившиеся в нехорошей усмешке губы, и не глаза – мутно-карие, презрительно смотрящие, казалось, сквозь людей. Длинная белая накидка с короткими широкими рукавами была гному явно великовата, грязные полы ее волочились по земле.

– Ишшь! – коротко кивнув в ответ на поклон охранников, гном повернулся к любопытным и обвел всех пленников широким жестом – мол, чем богаты, тем и рады!

Толпившиеся у навеса людишки оживились, загалдели,

кто-то уже схватил гнома за рукав, указал под навесом на кого-то из женщин… Эта оказалась совсем юная девушка, довольно – но не настолько, как местные – смуглая, однако с длинными рыжеватыми волосами, одетая во что-то напоминающее дырявый картофельный мешок с прорезями для рук и головы.

По знаку гнома – судя по всему, именно он и был сейчас здесь за главного – парни вытащили девчонку из толпы пленников и, ничтоже сумняшеся, сорвали одежду. Девушка не реагировал никак… лишь закрыла глаза.

– Хош, – гном с улыбкой погладил ее по бедру. – Хош!

Подошедший к девушке тип – похотливого вида старик с вздувшимися на узловатых руках венами – деловито осмотрел пленницу, придирчиво, словно новобранца на медосмотре. Безо всяких эмоций потрогал грудь, потом велел девчонке нагнуться, похлопал по ягодицам, заставил попрыгать, расставить ноги – заглянул и в лоно, даже пошарил там рукой.

Ой, до чего ж было мерзко на все это смотреть!

– Хош? – с гнусной ухмылкой осведомился у похотливца гном. И, растопырив пальцы, добавил что-то еще…

Да ведь ее продают, – наконец-то дошло до Саши. Нас всех здесь продают, вот что! И этих несчастных женщин, и коренастого, и Ингульфа и… и его самого тоже! Рынок рабов! Молодой человек слыхал, конечно, что в Африке такие есть… и не только в Африке… но чтоб прямо вот так, на

побережье? Возмутительная наглость, куда только соответствующие органы смотрят? Такое впечатление, что – туда же, куда и этот мерзкий старик – между ног несчастной пленницы.

Ага! Гном уже показывал четыре пальца… потом – после долгих пререканий – три… Торговались, ясное дело. На трех монетах и сошлись. Кроме девчонки, старый похотливец купил еще трех мальчиков, причем выбрал почище, и заплатил сразу оптом. Гном при всем при этом делал расстроенное лицо – дескать, отрываю от сердца, – но, как только старый черт вместе со своими слугами и «покупками» ушел, принялся обрадованно подсчитывать барыш.

Вообще-то среди женщин по-настоящему красивых не было: пожалуй, только вот эта вот рыженькая девчонка, остальные же – либо старухи, либо совсем еще маленькие девочки. Впрочем, покупатели на них находились, как и на прочих доходяг – расчетливый гном, видимо, счел за лучшее не слишком загибать цены. Правда – это относилось отнюдь не ко всем. Уж, конечно же, многие посматривали на Александра, Ингульфа, коренастого – это явно были бы сильные и выносливые работники… вот хозяин и не хотел продешевить.

Уже ближе к полудню, когда живой товар уже оказался почти наполовину распроданным, гном вдруг со всех ног бросился навстречу некоему важному господину, которого

несли в портшезе четверо здоровенных негров. Видать, по здешним меркам это был какой-то богатый и, может быть, даже очень влиятельный в местной общине человек, внешним своим видом походивший на римского рабовладельца-патриция, какими их изображают в учебниках истории Древнего мира. Тучный, осанистый, горбоносый, с тщательно выбритым двойным подбородком и светлыми завитыми волосами, он был одет в несколько – одна поверх другой – просторных туник из явно недешевых разноцветных тканей – лимонно-желтой, изумрудно-голубой, палевой. Самая верхняя туника, небрежно распахнутая, застегивалась на золотые – или просто позолоченные? – пуговицы, ремешки на сандалиях также были позолочены и сверкали на солнце.

– Сальве! – изогнулся в поклоне гном. – Сальве, онестус Нумиций!

– Гай Нумиций Флор! – с восхищением и плохо скрытой завистью прошелестело в толпе. – Гай Нумиций…

– Сальве, Каймак, – «патриций» лениво махнул рукой, и носильщики, осторожно опустив портшез, помогли хозяину подняться.

Гном тут же подвел к нему Александра, небрежно ухватив за руку. Изогнулся, умильно заглядывая «патрицию» в глаза:

– Хош?

– Милес? – презрительно оттопырив нижнюю губу, тучный толстяк. – Милес германикус? Готус? Вандалус?

Александр только плечами пожал – и при чем тут готы с

вандалами? Странный тип.

Не дождавшись ответа – да он его и не ждал, похоже – «патриций», внимательно осматривая рабов, указал пальцем на Ингульфа… и коренастого.

– Милес? Готус?

– Силинг! – юноша гордо выпятил грудь, и толстяк, тут же потрогав его мускулы, довольно улыбнулся.

– Бене, бене… Э? – он перевел взгляд на коренастого…

Тот в ту же секунду бросился на колени:

– Эго… эго нон милес… Эго – Миршак! Нон милес, нон.

– Бене, – внимательно осмотрев всех троих, «патриций» удовлетворенно кивнул и, обернувшись к гному, бросил:

– Окто денериус!

– Бене!!! Бене!!!

– …пор трез!

Ну, эту фразу Александр тоже понял – восемь денежек за троих. Предложенная цена работорговца, судя по его искривившейся роже, устраивала не ахти.

– Фортес, фортес! – повернувшись, он пощупал Сашины мускулы. – Ах!!! Секс денариус! Эт катур – пор дуо! – он кивнул на Ингульфа и коренастого… как там его – Миршак?

Ясно, набавляет, сволочь, цену – типа, оптом дешевле.

– Ай эм рашен ситизен! – обратившись к «патрицию», громко произнес Александр. – Же суи ситуаейен рюс!

С таким же успехом мог бы и добавить про «облико морале». Никакого эффекта слова Саши ни на кого не произвели

– их просто не поняли. Или – может быть – просто не хотели понимать? Не может быть, что б такой богатый, изображающий из себя римского патриция, тип не владел хотя бы французским – уж этот-то язык в Северной Африке все знают. Хотя… «патриций», похоже, не африканец – явный европеец… или какая-то смесь. Смуглый – да, но глаза светлые… серые, кажется… или светло-голубые. Должен, должен хотя бы французский знать! Притворяется, сука… ладно, посмотрим, что дальше будет, может быть, удастся по дороге бежать. Эх, прояснить бы только – куда? Ладно полицейский участок, хотя бы какой-нибудь отель увидеть, может быть – просто автостраду, шоссе…

Тем временем продавец и покупатель наконец-то пришли к консенсусу. «Патриций», запустив пухлую руку в висевший на поясе кошель, отсчитал несколько блеснувших на солнце монет и, погрозив пальцем только что купленным невольникам – без глупостей, мол – кивнул своим.

Ага… кроме носильщиков, этого косившего под римлянина толстяка – судя по всему, редкостную гниду – сопровождали еще с полдюжины крепких бойцов с дубинками и большими ножами, больше напоминавшими опять же римские мечи – гладисы. Да, и еще позади тащилась запряженная парой волов телега с каким-то чаном… с известкой, что ли?

Носильщики – точнее сказать, их хозяин – не торопились, видать, не хотели выпускать из виду медлительную те-

легу. Впереди, перед портшезом, настороженно посматривая по сторонам и время от времени расталкивая зазевавшихся прохожих – всякую рвань, – шли двое парней, остальные же шагали сразу за пленниками, перед повозкой.

Александр невольно улыбнулся – ну и процессия! Это видел бы кто… хоть тот же Валентин, или Саныч, Ленка… Негры! Носилки! Патриций! Волы эти, чан… И – во всей, так сказать, красе – Сашка – полуголый, с цепями! Картина – лишь на съемках реальная… и вот почему-то – сейчас.

Пройдя узкими улочками, он вышли на какую-то большую площадь, тоже без всяких реклам и автомобилей – уж за этим Саша тщательно следил, – потом миновали крепостные ворота – натуральные крепостные ворота! – вышли на вымощенную желтоватым кирпичом дорогу шириной метров пять, по ней и пошли.

Дорога вилась меж невысоких холмов, усаженных оливковыми рощами и виноградниками, кое-где, в низинах, на полях колосилась пшеница, на полных сочной травою лугах пасся скот – коровы, козы, овцы. А море! Какое было море! Сине-синее, с разноцветными проплешинами парусов, оно, казалось, нависало над берегом, так, что вот-вот прольется. И – опять же! – никаких современных судов. Да куда ж они все подевались-то? И дорога эта… с позволения сказать – шоссе. Нет, хорошо, конечно, идти, да и ехать было бы удобно, гладко, но… ни дорожной разметки, ни знаков, ни мно-

гочисленных предупреждений – «Раппель!» А во-он на том холмике скорость вполне можно было бы и ограничить этак километров до пятидесяти, а то и до сорока.

Черт! А это еще что такое? Какое-то пожарище, пепелище и, судя по пеплу – совсем недавнее.

А чуть впереди, на холме – еще одно! Ни дома, ни сада – одни только закопченные стены. Странные дела, однако. Что же тут, банда поджигателей объявилась? Впрочем, там этим козлам и надо – ишь, взяли моду, людьми торговать. Интерпол на вас натравить – это как минимум!

Они шли, наверное, часа три, а то и больше, пока не оказались у роскошного особнячка, раскинувшегося на склоне одного из поросших веселенькой зеленой травкой холмов, хороший был особнячок, двухэтажный, ослепительно-белый, с колоннами и плоской крышей – на крыше тоже имелась балюстрада и тенистый навес. А кроме всего прочего – обширный двор с садом, целой рощицей с оливковыми и еще какими-то – какими, Саша не знал – деревьями, за которыми виднелся ухоженный виноградник, тянувшийся по всему склону холма вниз, к дороге. Что и говорить, поместье богатое… к нему вся процессия и свернула, шедшие впереди воины перешли на бег, вот застучали в ворота, да их уже заметил стоящий в надвратной башенке часовой.

О, хозяина здесь встречали с помпой!

Из распахнувшихся настежь ворот – крепких, обитых ши-

рокими металлическими полосами – выбежало человек двадцать челяди – иначе как было бы их назвать? В коротких белых туниках, кое-кто – в сандалиях, но большинство – босиком. В основном разновозрастные мужчины, от мальчиков до седобородых старцев, однако попадались и девушки… и очень даже ничего девушки – молоденькие, стройные, смуглокожие.

Несмотря на всю непостижимую абсурдность ситуации, Александр неожиданно для себя улыбнулся – девушки ему понравились, особенно после того, как они взглянули на него с явной заинтересованностью и симпатией.

На широких ступеньках особнячка, тоже мраморных, как и поддерживающие карниз колонны, «патриция» встречала молодая женщина, на вид лет тридцати, высокая, с аппетитными формами и красивым надменным лицом. Кожа ее казалась вовсе не такой смуглой, как у окружающих, а облегающая тонкий стан туника вовсе не скрывала всех женских прелестей, скорей – их подчеркивала. Рядом с женщиной, слева и справа, стояли чем-то похожие на нее дети, мальчик лет десяти и года на два его младше девочка. Оба светловолосые, светлоглазые…

– Сальве, Нумиций! – женщина обняла сошедшего с носилок «патриция».

Тот ухмыльнулся, что-то сказал, показывая рукой на только что приобретенных невольников, потом нагнулся, по очереди поцеловал детей:

– Сальве, Авл! Сальве, Анна.

– Сальве, ностер!

Тоже говорят по-испански? Или это какой-то другой язык, португальский или даже латынь? А зачем им говорить меж собой по латыни? А затем же, зачем и изображать из себя патрициев – выпендриваются, с жиру бесятся, падлы!

Полуголые слуги проворно закрыли ворота, один из челяди – высокий худощавый старик, впрочем, вполне еще крепкий с виду – подошел к новым невольникам и, сделав повелительный знак – мол, следуйте за мной, не оглядываясь, зашагал по неширокой, усаженной кустами акации аллее куда-то за дом. На задний двор, наверное… Переглянувшись, Александр и Ингульф неспешно зашагали следом, за ними, что-то бурча себе под нос, тащился Миршак. Ох, что-то подсказывало Саше, что они еще намучаются с этим мерзким типом… Впрочем, с другой стороны, долго торчать на этой дурацкой вилле молодой человек явно не собирался – выяснить, что тут к чему, да рвать! Можно еще и Ингульфа с собой прихватить – неплохой, кажется, парень…

Сразу за особняком располагался двор с различными постройками, многие из которых были совершенно непонятного предназначения, вон тот грязный коровник, пожалуй, мог бы быть и повыше, так почему-то казалось Саше.

Вот именно к коровнику они сейчас и подошли – старик оглянулся, показав на строение, что-то сказал и, не останавливаясь, пошел дальше.

– Это что же, нас, что ли, здесь держать собираются? – догадался молодой человек. И, уже гораздо тише, добавил: – Одно утешает – что не очень долго.

Александр все-таки принял решение бежать при первом же удобном случае, в ожидании которого, конечно, было бы неплохо кое-что разузнать, разведать, хотя бы – примерно где они? И в какой стороне столица? Вообще любой город, автострада…

Оглянувшись на дом, молодой человек невесело усмехнулся – он тоже был насквозь неправильный, этот особнячок, неправильный даже на первый поверхностный взгляд – не было спутниковой тарелки, вообще никакой антенны, и провода к домику не подходили… или кабель проложили под землей? Может быть, и так, а может быть… может быть, это просто логово какой-то совсем отказавшейся от цивилизационных благ секты! Ну да – сектанты! Тогда все понятно… Вот же черт, угораздило! Какие-нибудь ваххабиты… Хотя – а где же тогда все эти намазы, молитвы? Нету. Значит, не мусульмане, определенно – не мусульмане. А тогда кто? Какая-то особая секта, вроде последователей Муна или сциентисов, поклонников Рона Хаббарда. Сначала, значит, людей похищают, держат вот здесь, вдали от цивилизации, охмуряют… Потом – оп! – переписывай на них все свое, непосильным трудом нажитое, имущество! Да! Скорее всего – так оно и есть. Хотя опять же… какое такое имущество может быть у этого оборванца Ингульфа? Или у того же коренастого? Да

никакого, кроме, пожалуй, вшей! Ну, их, конечно, можно использовать в работе… не вшей – нищих невольников. А вот его, Александра Иваныча Петрова, как явного европейца, уж точно примутся охмурять. И, раз уж это секта, побег может оказаться не таким уж и простым делом, здесь уж точно никому нельзя доверять. Разве что Ингульфу… так с этим парнем и не пообщаться толком, лишь только жестами.

Они прошли через весь двор, к дальней стене, прямо под которой уходил в бетонную трубу неширокий ручей, рядом с которым, под небольшим навесом от солнца, располагалась кузница, точно такая же, как и на рынке. Горн, наковальня, мехи, кузнец – дюжий дядька.

Он тоже оказался умельцем, расковав пленников буквально за пару минут. Только цепи звякнули, спадая, и вот уже, по мановению руки старика, словно бы ниоткуда, возникли вдруг бравые парни-охранники. Трое. По пояс голые, поджарые, двое – с копьями, у третьего же был лук и стрелы!

Старик закатил целую речь, время от времени грозно вращая глазами… говорил он, похоже, по-испански, точнее, на том же самом языке, на котором с Сашей пытался общаться Ингульф. Парень, да и Миршак, коренастый, прекрасно все поняли и даже переглянулись, однако старче на том не успокоился, а, повернувшись, что-то быстро сказал лучнику. Тот кивнул, вмиг стащил с плеча лук, проворно накладывая на тетиву стрелу… Оп! И сбитое с яблони яблоко в полсотне шагов от кузницы покатилось по песчаной дорожке.

Саша усмехнулся: мораль нехитрая – попытаетесь, мол, бежать, или чего другое дурное удумаете – сами видите, что потом с вами будет. Даже не потом – тотчас же! Так что лучше не выпендривайтесь, парни…

Глядя на все это, Александр вдруг до глубины души осознал, что его здесь могут убить! Вот так, походя, запросто, подстрелить из лука, словно какого-нибудь зайца. Или зарезать. Или еще как-нибудь.

Все эти мысли еще больше укрепили молодого человека в его решимости бежать отсюда, как можно быстрее… только действовать нужно было очень и очень осторожно.

– Лабор! – когда вновь вернулись к коровнику… или казарме… старик с усмешкой кивнул на лопаты – сплошь деревянные, лишь обитые узенькой железной полоской.

Саша не сдержал ухмылки: все понятно – жрать сейчас не дадут, а вот работать – это пожалуйста!

Взяв лопаты, все трое, ведомые стариком и под бдительным присмотром охранников, направились к окружающей виллу стене, которую как раз ремонтировали… нет, лучше сказать – перестраивали, делая куда как массивней и выше. Какие-то грязные голые люди месили ногами глину, делая из нее кирпичи – смешивали пополам с мелко нарубленным тростником, набивали квадратные формы, переворачивали – оп! – и готовому кирпичику оставалось лишь сушиться на солнышке. А потом – в стену его, в стену! Ишь, суки, – неприязненно подумал Александр про хозяев, – ви-

дать, те хотели получше отгородиться от нескромных взглядов. Журналистов на них нагнать! Пусть даже и глупых – «аспирантов» – еще и лучше, уж эти-то такого понапишут – мало не покажется!

До вечера работали, практически не разгибаясь. Особенно после того как кто-то из местных рабов получил вдосталь плетей от дюжего надсмотрщика. Кровавые рубцы разорвали бедняге кожу… и способствовали повышению производительности труда. Ну, что может быть нагляднее подобного простого примера? Испробовать плеточку на своих плечах? Нет уж, увольте, ну его к черту – играть в такие игры. Лучше уж месить как следует глину. Работать добросовестно, чтоб не было никаких претензий… пока…

Еще повезло – Саша трудился в паре с Ингульфом, с приятелем, можно сказать, они уж к вечеру так насобачились, что выдали полторы нормы, вызвав скупую похвалу явившегося проверить ход работ старика и злобные взгляды остальных работяг, которым тут же влепили по паре «горячих».

– Да-а, – грустно покачал головой Саша. – А мы тут, Ингульф, теперь, похоже, в штрейкбрейхерах. Как бы нам ночью темную не устроили!

А потом – у коровника – у барака – при свете факелов, перед тем, как разлить по грязным мискам похлебку, была проведена перекличка. Старик даже записал новых рабов – да-да, рабов, кого же еще-то? – ну уж, конечно, не в записную

книжку, не в органайзер – в свиток… даже не бумажный, а… папирусный, что ли. Записал тростниковым пером!

Саша с презрением сплюнул: вот же уроды, даже в мелочах выпендриваются, сектанты хреновы! Неужели нельзя было шариковую ручку найти или, там, карандаш?

Низкое черное небо плевалось звездами, впрочем, любоваться ими долго не пришлось – после скудного ужина рабочую силу тот же час же загнали в барак – темный и грязный. Всего туда набилось человек тридцать, наверное, весь списочный состав рабов, исключая, может быть, домашнюю прислугу.

Напрасно Александр опасался темной! Ухайдакавшиеся за день невольники, словно подкошенные, валились на пол, на охапки гнилой соломы – судя по всему, каких-либо постоянных мест здесь ни у кого не имелось. Все сразу засыпали – кто-то храпел, кто-то стонал, кто-то метался во сне.

Саша тоже почувствовал вдруг навалившуюся усталость, тяжелую, отупляющую, неимоверную – и как он ее раньше-то терпел? Казалось, так себе работенка – меси себе глину да выделывай кирпичи – технология со времен Древнего Египта не изменилась – ан, нет, вот они когда почувствовали, руки-то… прямо не пошевелить, как и ногами… а спина-то, спина… Словно чертей катал!

Ингульф – слышно было – уснул. Но тоже – стонал, и дыхание его было тяжелым.

А буквально на третий день, ближе к вечеру, Александр увидал вышку. То ли это была сотовая связь, то ли одна из опор высоковольтной линии – других просто могло быть не видно на склонах холма, а эта вот горделиво высилась на самой вершине. Наверняка оттуда можно было даже увидеть море – не так уж оно тут и далеко, километров пять, вряд ли больше.

Молодой человек как раз работал один – укреплял каркас возводимой стены бревнами, утрамбовывал… До башни было с полкилометра по открытой местности, особо никто за пленником не следил, как раз сейчас и можно было попытаться рвануть… хотя бы посмотреть, что там? Если высоковольтная линия – то куда ведет? Может быть, буквально там, за холмом – порт? Если же вышка сотовой связи, тогда можно будет оставить записку ремонтникам, чтобы срочно сообщили в полицию. Должен же ведь хоть кто-то время они от времени обслуживать антенну. Да-да – именно так – сделать рывок, оставить записку – и быстро-быстро вернуться. Если убежать – его ведь будут ловить, искать, и, кто знает, может быть, жители окрестных селений тоже сектанты? Или, скорее, заинтересованы в поимке беглецов, скажем, за определенное вознаграждение. Все может быть – рисковать не стоит. А записка… Даже если она и попадется на глаза тому, кому и не нужно бы – так ведь он, Александр, на ней автографа не оставит. Пойди, пойми – кто написал.

Молодой человек специально затянул работу, рискуя по-

лучить плетей, и надсмотрщик недовольно ворчал уже, а тот старик, что наблюдал тут за всеми – звали его Василин, – даже что-то сказал Саше строгим, не сулящим ничего хорошего – тоном. Ну, что тут поделать? Надо же было хоть как-то затянуть работу – очень уж хотелось, чтобы завтра поставили именно сюда.

И поставили! И с запиской Александр вопрос решил – подобрал обломок меловой плиты, а написать уж можно было на чем угодно. С утра, стиснув зубы, взялся за работу, вкалывал без дураков, так, что Василин, подойдя, покровительственно похлопал его по плечу и что-то сказал другим рабам, видимо, ставил в пример… что явно не прибавило любви остальных невольников к Саше.

Надсмотрщик в общем-то не особо за ним и наблюдал – куда тут бежать-то? Сразу можно было заметить с башни. Потому-то молодой человек и решил – ни в коем случае не бежать, шествовать, не спеша, спокойно.

Вот улучил момент… Осмотрелся. Ага – широкая спина надсмотрщика маячила на другом конце двора. Часовой на вышке тоже отвернулся.

Наклонившись, Александр подобрал небольшое бревнышко, скорее просто – жердину или кол, положил на плечо и самой деловитой походкой зашагал к вышке. Шел не оборачиваясь – ах, знал бы кто, каких трудов стоило не перейти на бег! А Саша еще иногда и останавливался нарочно… делал вид, будто что-то рассматривал под ногами. Пару раз

не удержался, скосил глаза на часового – не выстрелил бы! Нет… похоже, тот ничего такого не заподозрил.

Песчаные склоны холма были покрыты каким-то колючками и низенькими буровато-зелеными кустиками – не спрячешься при всем желании, и далеко не убежишь – все равно кто-нибудь да заметит. Потому, видно, и не следили, хватало других забот.

Неспешно продвигаясь к вершине холма, молодой человек невольно ежился, в любую секунду ожидая выстрела в спину. И в самом-то деле, что мешало часовому послать вдогонку беглецу пулю? Ведь оружие-то у него за спиной имелось… копье? Да, похоже… за дальностью не видно… Нет, наверное, не копье – карабин, не иначе!

Вот осталось шагов пятьдесят… и тут Александр увидел, что, похоже, зря шел. При ближайшем рассмотрении вышка оказалась сколоченной из крепких, беловато-серых от времени бревен. На вершине имелась небольшая площадка… с дровами и соломой… Следить за дорогой? За морем? Чтоб, ежели что, немедленно подать сигнал – огнем или дымом. Не легче ли просто позвонить? Так, может быть, здесь просто нет связи. А рации? Автономные рации – что мешало сектантам их завести? Ну не могли же они настолько отрицать прогресс, чтобы отказаться использовать заведомо полезные вещи?

Ах, какой вид открывался отсюда! Море! Зелень! Дорога… какое-то селение у самого горизонта. Не так уж и дале-

ко. Сердце екнуло – теперь Саша хотя бы знал примерное направление побега.

На всякий случай написав на бревне – «Хелп ми. Калл ту полис – вилла», молодой человек вновь поднял на плечо дрын и – теперь уже куда быстрее – зашагал к вилле. Никто на него по-прежнему не смотрел, даже часовой – и тот отвернулся, поглощенный куда более приятным занятием – молодые служанки поливали сад, набирая из ручья воду в большие высокие кувшины.

Дойдя, наконец, до ограды, Александр перевел дух и, поплевав на руки, наклонился над недавно поднесенными кем-то из работников кирпичами… Приподнял…

– Хаш!!!

Внезапно возникший рядом – вот принесло же не вовремя! – старик Василин грозно нахмурил брови. Позади него, небрежно поигрывая короткими копьями и бичами, гнусно ухмылялись надсмотрщики.

– Нон бене! Нон! – брызжа слюной, старик указывал пальцем на вышку.

Понятно… Не стоило, мол, туда ходить, теперь будешь наказан!

По знаку Василина четверо дюжих надсмотрщиков накинулись на несостоявшегося беглеца… Саша, конечно, сопротивлялся, но силы оказались уж слишком неравны, к тому же кто-то ткнул его под ребра острием копья – мол, не стоит шутить, парень.

В общем, скрутили. Бросили наземь, попинав для порядка ногами. Так себе попинали, не сильно, могло бы быть и куда хуже, а так… Ну, разве ж так бьют? Даже, похоже, ни одного ребра не сломали!

Александр сплюнул с разбитой губы кровь и улыбнулся.

Зря улыбался! Обещанное наказание еще толком и не начиналось. Немного попинав невольника, надсмотрщики сноровисто подхватили его под руки и быстро потащили к заднему крыльцу… или – к черному ходу, как уж тут у них было принято называть запасной выход из дома. Из стоявшего рядом сарая тут же вытащили некое деревянной сооружение, отдаленно напоминавшее козлы для пилки двор вручную. Козлы… Действительно – козлы, только не для дров, нет, совсем для другого!

Саша слишком скоро понял – для чего. Для кого…

Запястья и лодыжки стянули ремни… В воздухе просвистел кнут…

Черт!!!

Ожгло! Будто током ударило – прямо по позвоночнику… Этак можно запросто и хребет перешибить. Правда черно-кожий верзила-палач, как видно, не имел такой задачи – и лишь рвал кожу!

И все равно…

– Сволочи!!! – извивался под ударами Саша. – Ублюдки! Сатрапы!

От последнего слова ему почему-то вдруг стало смешно…

слишком уж походило на монолог из старинного фильма с Леоновым.

– Сатрапы! Гниды казематные! Ой, чтоб вы сдохли… Ой!

Тут Александр вдруг сообразил, что ругался напрасно – русского языка местные «сатрапы и казематные гниды» уж точно не знали. Как, впрочем, и английского… хотя уж ругательства-то должны были понимать.

– Фак! Фак ю! Ой…

От боли Александр вновь перешел на родимую русскую речь… и как вдарил – по-матушке, по-матушке… Слышал бы кто понимающий – завяли бы уши!

Да и так… один косматый старик в рваной хламиде, седой, лохматый, чем-то похожий на знаменитый портрет Эйнштейна, удивленно замедлил шаг…

– Пидорасы! Тварюги! Мать вашу разэтак-так-растак! Ммм…

Наконец, экзекуция окончилась.

Едва не потерявшего сознание Сашку окатили теплой водой – холодной у них тут, у гнид этих, наверное, не было – развязали, вздернули на ноги… нет, снова куда-то потащили… ох, гады, что ж вы никак не уймете-то?

Ишь, еще и ржут…

– Суки гладкие!

Протащив избитого пленника по узкой аллее, его – словно куль с овсом – забросили в узкий глинобитный сарай. Еще и напоследок пнули… но так, незлобно – видать, понравилось,

как бедолага ругался.

– Копыта убери, петух гамбургский!

Нет… вот… захлопнулась дверь. Суки… Твари поганые! Нелюди! Сектанты гребаные. Ммм… аж спину-то саднит… и то, что пониже. Ни сесть, ни лечь… ну, разве что вот так – навзничь…

Александр отхаркался.

А эта сараюха у них, похоже, что-то вроде карцера. Аналог «холодной», точнее – «горячей», ишь, как раскалилась! А пить так и не дали, сволочи… хоть бы глоточек, хоть бы чуть-чуть… хоть немного…

Пить!

Вот хотя бы той, теплой водицы, которой поливали… а лучше бы – из ручья. Девчонки бы притащили кувшинчик… холодненькой… ах…

Пить хотелось жутко!

От ругани-то пересохло все горло, саднило даже, не хватало еще ангины… Нет… ангина – это, пожалуй, он тут подзагнул, перегрелся…

Чу?!

Кто-то сюда идет, что ли? Нет… ну, вот-вот, отодвигают засов… господи – а ведь темно уже! Ночь.

И прется же какая-то гадина!

Александр собрал весь свой сарказм:

– Кому не спится в ночь глухую?

А, может, воды принесли?

– Вы – русский? Я принес вам попить. Только тсс… не говорите громко.

– Спасибо…

Не говоря больше ни слова, Саша припал к узкой горловине кувшина… Вода! Водичка! Холодненькая! Из ручья! Господи, спасибо тебе, внял молитвам… оxx, как хорошо-то!

– Теперь постарайтесь поспать, – шепотом посоветовал неведомый доброхот. – Завтра опять погонят на работу. Спокойной ночи.

– И вам спокойной…

О боже!

И тут до Саши наконец-то дошло! Как в двигателе с поздним зажиганием.

– Постойте! Вы кто?

– Как и вы – раб. Пленник. Меня зовут… Альфред Бади, антиквар из Суса.

– А я – Александр, Саша. Русский актер. Каскадер то есть… Но… вы знаете русский?

– В семидесятые учился в Москве. Институт имени Баумана, может, слышали?

– Ну, конечно!

– Там много наших училось…

– Но как же вы…

– Так же, как и вы… Решили с друзьями половить рыбки.

– Поня-атно… мы вообще где? И далеко ли до Туниса? Или Бизерты?

Ночной собеседник неожиданно рассмеялся, и в глухом, надтреснутом смехе его явно слышалась грусть… и даже – отчаянье.

– Мы очень и очень далеко от того Туниса, который вы знали. И вообще – от всего.

– Как это – очень далеко? Не могло же меня так вот унести! И все же надо отсюда бежать, немедленно.

– Наверное, надо, – согласно кивнул антиквар – в темноте Александр никак не мог разглядеть его лицо, но по всему чувствовалось, что это – старик – может быть даже тот, похожий на Эйнштейна. – Только… некуда.

– Как это некуда?

– Вы не поверите… Позвольте вас спросить, вы знаете, какой сейчас год на дворе?

– И какой же?

– Четыреста тридцать восьмой! Даже не тысяча четыреста… а просто – четыреста тридцать восьмой от Рождества Иисуса Христа.

– Да что вы говорите? От Рождества, значит…

Вот только сумасшедшего тут и не хватало для полного счастья!

Глава 7. Матрона

Ласковым словом,
чашей медовой
был он привечен…
«Беовульф»

Июль – сентябрь 438 г. Провинция Африка

Четыреста тридцать восьмой год? Ну да, конечно… Скорее уж, этот господин антиквар – сумасшедший.

Поговорить с ним подробнее Саше удалось лишь дня через три, во время какого-то церковного праздника – похоже, все на этой вилле были христианами, включая пленников. Даже Ингульф – Александр глазам своим не поверил! – и тот молился: патер ностер и все такое прочее… А ведь в драке кричал совсем иное – Донар, Водан – все древние германские боги.

Ну, да бог с ним – пусть себе молится.

Смуглые девушки служанки украсили виллу цветочными гирляндами, надели на головы венки, да и вообще, все приоделись, даже невольникам выдали по чистому полотняному отрезу – типа парадно-выходной формы.

Из-за оливковой рощи ветер приносил отдаленные отзву-

ки колоколов – видно, там была церковь, деревня… Туда с самого утра и отправилась целая процессия – хозяин с хозяйкой и детьми, старик Василин и все прочие, кроме бдительно несших свою службу часовых и вот, новеньких – Саши, Ингульфа, Миршака… Антиквар тоже остался. Уселся рядом с Александром на ступеньках в тени портика, улыбнулся:

– Ну, как вам здесь нравится?

Саша хмыкнул:

– Да никак! И вообще, давно хотел у вас спросить – есть здесь поблизости хоть какая-нибудь автострада?

– Не поверили… – старик скорбно покачал головой. – Да, в такое трудно поверить. Однако смотрите сами… сколько вы уже здесь, около месяца?

Петров молча кивнул.

– И вот вспомните – видели ли вы за это время хоть какие-то приметы цивилизации? Туристские лайнеры, часы, автомобили? Даже инверсионных следов в небе – и тех не отыщете.

– Значит, в такую уж глушь забрались, – упрямо сдвинул брови Саша. – Я много таких мест знаю, восток Ленинградской области, например…

Молодой человек немного подумал и, взглянув собеседнику прямо в глаза, спросил:

– А вы, любезнейший, рвануть не хотите?

– Рвать? Порвать? – антиквар захлопал глазами – видать, уже подзабыл русский.

– Ну, бежать, я имею в виду, – пояснил молодой человек. – Как раз сегодня, по-моему, удобный случай…

– Бежать? – старик неожиданно расхохотался, сердито и громко. – Да вы хоть знаете – куда?

– А все равно, – отмахнулся Саша. – Куда угодно, лишь бы отсюда подальше.

– Эх, молодежь, молодежь, не слушаете вы стариков, – негромко пробормотал антиквар. – Поверьте, друг мой – эта вилла на данный момент для нас – самое безопасное место. Да-да, вы не ослышались! Именно так. Ничего особенно худого здесь с нами случиться не может…

– Ага, не может, – молодой человек передернул плечами. – Только плетей дадут… или вообще забьют насмерть.

Старик махнул рукой:

– Ну, это эксцессы… Сами-то посмотрите – зачем здесь невольники, то есть – вы? Исключительно для строительства укреплений – многовато, знаете ли, разбойников стало – и на море, и на суше, после того, как сюда переселились вандалы и аланы… впрочем, отребья хватало и до них.

– Вандалы, аланы… – Александр скептически усмехнулся. – Сами-то верите?

– Не хотел бы… – антиквар со всей серьезностью посмотрел на своего собеседника. – Но, увы, приходится. Хотя – ваше дело, можете и не верить. Попытаетесь бежать – убедитесь сами. Ничего вы здесь не найдете – ни дорог, ни машин, ни полиции – все это примерно через полторы тысячи лет

появится… Ну, что вы усмехаетесь? Хотите бежать – ладно, черт с вами, только прежде нехудо было бы кое в чем разобраться и изучить… ну, хотя бы латынь.

– Латынь! – молодой человек хлопнул себя ладонями по коленкам. – Что ж, похоже, этот древний язык в нашей секте в ходу.

– Ну, вот, вы опять – в секте…

– А вам, судя по всему, здесь понравилось!

Старик нервно дернулся:

– Я же сказал – это сейчас самое безопасное место. Для, так сказать, адаптации, что ли… Вот, судите сами – после того, как будет выстроена стена и башни, что будет с невольниками?

– Откуда я знаю? – Саша пожал плечами. – Может, на органы продадут…

– Тьфу! Скажете тоже…

– А вы, значит, по-другому думаете?

– Я не думаю, я знаю, – антиквар приосанился, глубоко запавшие, непонятного цвета, казалось, сверкнули.

– Ну-ну, что вы там знаете? – подначил молодой человек.

– У Нумиция – кстати, его христианское имя – Константин – много земли, каждый из невольников получит участок, орудия труда, средства для постройки хижины – будете вроде как арендаторы, колоны – если уж так сказать. Жену, кстати, тоже могут выдать.

– Вот как! – Саша хлопнул в ладоши. – Даже жену! Я и

говорю – секта.

Собеседник не обратил на его выпад никакого внимания, продолжал гнуть свою линию:

– Ну, или сами подыщете – хозяин не будет против… Впрочем, если вы сильный и смелый – вам предложат стать воином. Не за просто так, конечно.

– Да-да, – покивал Саша. – Участвовать в подпольных боях. Этакие гладиаторы.

– Гладиаторов здесь нет – христианство отрицательно относится к подобного рода зрелищам.

Молодой человек не удержался, хмыкнул:

– Вижу я, какие здесь христиане.

– Вы имеет в виду этого вашего друга, мальчика… как его – Ингульф?

– А что вы против него имеете? – насторожился Саша.

– Да ничего, – отмахнулся старик. – Просто, по здешним меркам, он – еретик, арианин. Вандалы, аланы, свевы – и все прочие местные федераты – все ариане… или почти все.

– Кто-кто?

– Последователи Ария, священника из Александрии, учившего, что Христос – есть творение Бога-отца, и, следовательно, занимает в Троице подчиненное место. И было время, когда он не существовал. Арианство было предано анафеме на Константинопольском соборе лет за полсотни до этих времен, но, вот, с приходом варваров, вновь набрало силу.

Честно говоря, Александр прослушал все это вполуха – не очень-то его интересовали рассуждения на религиозные темы, тем более что рядом с портиком, шагах в двадцати, юная служанка – из тех кто остался в доме, – грациозно нагнувшись, набирала из пруда воду в большой глиняный кувшин. Из одежды на девушке была лишь короткая – гораздо выше колен – белая туника, едва скрывавшая грудь. Тонкая талия, стройные бедра, смуглая, пропитавшаяся мягким солнечным светом, кожа, волосы – курчавые, рыжие – тонкий, с небольшой горбинкою, нос, чувственные губы и черные смеющиеся глаза – незнакомка как раз обернулась, встретившись взглядом с Сашей. Вот оглянулась по сторонам, улыбнулась, что-то негромко сказала…

– Просит вас помочь ей донести кувшин, – тут же перевел антиквар. – Впрочем, думаю, ей не только это надо…

– Конечно, поможем! – молодой человек с готовностью вскочил на ноги. – Как же не помочь этакой гарной дивчине? Эх… Как-то утром на рассвете заглянул в соседний сад, там смуглянка-молдаванка собирает виноград… Давай свой кувшин, милая! Во-от, так… Ну, куда идти-то?

Смуглянка снова улыбнулась, позвала за собой жестом – пошли, мол…

Широкая, посыпанная белым, скрипящим под ногами песком, тропинка привела обоих на задний двор, под навес, а затем – и в покои. Судя по аппетитным запахам, где-то здесь рядом находилась кухня, Саша даже облизнулся, про-

ходя мимо – интересно, что такое здесь готовят? Наверное, праздничный обед… или ужин.

Смуглянка замедлила шаг, оглянулась, показывая, куда поставить кувшин… Потом вдруг подошла ближе, едва не прижалась… взяла добровольного помощника за руку, заглянула в глаза… Александр усмехнулся – похоже, старик-антиквар оказался прав насчет чего-то другого, не только воды…

Ну да, так и есть! Вот они уже куда пошли длинным полутемным коридором, вот свернули за колонну, оказавшись в небольшой комнатке с узеньким, накрытым плетеными циновками ложем.

Не говоря ни слова, девушка погладила Сашу по щеке и, сделав шаг назад, сбросила тунику. Крепкая, налитая любовным соком грудь ее с большими темно-коричневыми сосками призывно покачивалась, словно требовала своего настойчиво и властно. Александр не стал протестовать – не дурак же! – и девушку обижать не хотелось, да и вообще – почему бы и нет? Он же, в конце концов, молодой здоровый мужик, не извращенец какой-нибудь…

– Ну, иди ко мне, рыбка моя…

Обхватив девчонку за талию, молодой человек принялся с жаром целовать ее грудь, губы, шею…

Ложе оказалось довольно жестким, но поглощенные обуявшей обоих страстью любовники не чувствовали этого… не ощущали вообще ничего, кроме жара сплетенных тел, кроме

жадного блеска глаз, кроме нежной любовной неги…

Сашка не сдерживался, стонал – давно ему не было так хорошо… даже с Ленкой. Да что там Ленка! Эта смуглокожая девчонка могла дать фору любой! Ах, как она выгибалась, какие позы придумывала, какое наслаждение доставляла… и, видно было, сама получала несказанное удовольствие, черные глаза ее сверкали, как два алмаза, а на смуглых щечках даже проступил румянец, вполне заметный и здесь, в полутьме…

А потом, на какое-то – короткое – время они лежали вдвоем, и девушка гладила Саше грудь, заглядывала в глаза, что-то тихонько шептала.

– Кассия… Кассия… эго…

– Понятно, ты – Кассия! А я – Александр, Саша… Же суи рюс… Рус…

Рус… Так его вскоре здесь и прозвали – Александр Рус, или просто – Рус. Саша был вовсе не против – хорошее, достойное прозвище! Он прославил его в первой же драке… хотя нет, это нельзя было назвать просто дракой, скорее – бой. Почти что официальный, по всем правилам, бой. Один на один. Правда, вот желающих постепенно набралось многовато.

А началось все как-то в воскресенье – тоже был какой-то очередной религиозный праздник – по такому случаю не работали, ведь хозяин-то считал себя христианином. Кое-кто

снова отправился в церковь, однако большинство на этот раз осталось на вилле, видать, праздник был не таким уж важным, как в прошлый раз, когда Александр познакомился с Кассией… познакомился, хм…

Все началось после обеда, уже ближе к вечеру, когда белое, надоевшее за день солнце уже утрачивало свою злобную знойную силу, скромненько рыжевея и опускаясь ближе к темно-голубыми волнам. Казалось, раскаленное светило вот-вот коснется воды, зашипит, словно увидевшая собаку кошка.

Слышно было, как на заднем дворе слуги затеяли драку. Нет, скорее всего, никто не заводился – дрались один на один, в окружении галдящих зрителей.

Александр, твердивший латинские глаголы под чутким руководством антиквара Альфреда Бади, тоже, конечно, не мог пройти мимо столь интересного события – с развлечениями на вилле вообще-то было негусто, если не считать… гм-гм… Кассию, однако сегодня девушку как раз взяли в деревню.

– Амор, амарис… арматур…

– Аматур, – тут же поправил сидевший рядом старик.

– Да-да, аматур…

И тут с заднего двора к портику прибежал Ингульф. С большим, растекающимся прямо на глазах бланшем под левым глазом, но тем не менее, почему-то вполне довольный и, можно даже сказать, радостный.

– Что здесь сидите, как две статуи? Пошли! Пошли! Там хорошо, интересно!

– Ага, вижу, как интересно, – благодаря антиквару Сашка уже начинал неплохо понимать латынь. – Кто это тебе глаз-то подбил?

– Не только глаз! – парень довольно приосанился. – Мне еще и грудь поцарапали, и два ребра чуть не сломали… Пошли, пошли, там такое… такое!

– Бокс, что ли? Или прокисшее винище не поделили? – молодой человек с готовностью поднялся – надоели уже ему эти глаголы. – Ну, пошли, пошли, посмотрим.

– Ничего мы там интересного не увидим, – пытался протестовать мсье Бади… только не вышло у него, да он и сам понимал, что не выйдет, и, махнув рукой, потащился следом за двумя приятелями.

На небольшой вытоптанной площадке сразу за давильным прессом, в окружении сидевших прямо на земле зрителей, сошлись в бою поединщики – тощие молодые парни, не с виллы – крестьяне-арендаторы, или как там их – колоны? Смуглые тела их блестели от пота, дыхание было хриплым, видать, бойцы уж подустали и теперь, смешно расставив руки, кружили друг против друга, словно растопырившие крылья петухи.

– Хей, Малу, хэй! – подбадривали зрители.

– Дай ему, Каллист, дай! Покажи, как надо биться!

Миг – и парни вновь налетели друг на друга, ухватили за плечи… каждый пытался повалить соперника наземь, получалось плохо – мешал скользкий пот, потому один из бойцов – наиболее хитрый – вдруг резко отпрянул и изо всех сил саданул противника кулаком по хребту… а потом еще добавил ногою, силясь попасть в живот, да неудачный вышел расклад – поскользнулся, свалился в песок, соперник только того и ждал – враз набросился коршуном, уселся на грудь, ухватил вражину за горло…

– По почкам его, по почкам! – засвистев, включился в общем веселье только что подошедший Петров. – Или – в печень! Ну, бей же!!!

Лежащий все же не бил – вертелся словно уж, пытаясь вывернуться…

– Эх ты, дурень!

Нет! Вот все же ударил… Плохо, без выдумки – в грудь. Однако соперник и от этого ошалел, ослабил хватку, а потом и вообще отпустил, размахнулся ударить… Долго размахивался – лежащий уже вырвался, откатился в сторону, вскочил…

– С ноги, с ноги его! – громко закричал Александр.

С ноги не получилось, зато неплохо вышло рукой – вмиг выбилась красная юшка. На том, собственно, бой и закончился – противник тут же и сдался.

Зрители разочарованно засвистели… и тут же притихли, увидев, как на середину площадки, небрежно растолкав

всех, вышел здоровенный негр в белой набедренной повязке и с бусами на толстой шее.

– Барнак! Барнак! Хэй!

Собравшаяся для кулачной потехи толпа оживилась – предстоящее зрелище обещало быть куда интереснее, чем происходившие до того убогие драки доходяг. Вот только дело встало за достойным соперником… Что-то никто схватиться с негром не торопился. Хотя…

Вот кто-то выскочил… Кривоногий плосколицый Миршак! Вот это да! Кем же это он себя возомнил – Ван Даммом или Чаком Норрисом?

Барнак посмотрел на кривоногого с таким ленивым презрением, с каким обычно смотрит солдат на окопную вошь – мол, это еще что тут такое нарисовалось?

Саша удивленно покачал головой – вот уж от кого не ждал подобного безрассудного мужества, так это от Миршака! Ну, разве что Ингульф мог бы… хотя нет, парнишка, несмотря на молодость, был вполне рассудительным.

Между тем кривоногий, с плоским лицом, Миршак подошел к давильному прессу, поклонился негру и, картинно опершись на большую, предназначенную для виноградных выжимок бочку, что-то сказал.

Толпа заинтересованно затихла. Барнак тоже приподнял левую бровь.

– Рус! – осклабясь, нагло завил кривоногий. – Рус – отличный боец… когда не трусит! Он много кого победил…

Правда, наверное, он побоится встретиться в честной драке с нашим славным Барнаком. Уж такой человек этот Рус, привык все исподтишка…

Некоторых слов сей гнусной речи Петров, конечно, не понял, но общий смысл уловил верно… Ах ты ж, сука криволапая!

А народишко уже пришел в нехорошее возбуждение, все заоглядывались, закричали:

– Рус! Рус!

А негр, негр-то! Барнак этот чертов… Скривился этак презрительно, сплюнул:

– Хы! Рус?

И не в гордости тут было дело – Александр не безмозглый мальчишка, на «слабо» давно уже не ловился, однако сейчас ситуация складывалась совсем другая – уж коли придется здесь еще какое-то время жить, так уж лучше – в авторитете, нежели наоборот. Имидж труса никому чести не сделает, а вот авторитет крутого бойца вполне может чему-то и поспособствовать… хоть какое-то уважение по крайней мере… Что ж – тем хуже для негра!

Сашка поплевал на ладони и неспешно направился к прессу. По пути усмехался, оглядывался:

– Ладно, ладно, накостыляю сейчас этому обгоревшему куску сала, коли уж вы так просите… Сейчас…

Кривоногий Миршак победно ухмылялся у бочки. Ладно, гнус, сейчас у тебя улыбочка-то сойдет…

Выйдя на середину площадки, молодой человек с достоинством поклонился публике, после чего, указав пальцем на негра, громко сказал:

– Примус!

Первый, значит…

А вот и второй…

Он резко повернулся к Миршаку:

– Секундус!

Плоское лицо кривоногого вмиг сделалось безрадостным и бледным – как же, схватывался уже с Сашкой, понимал, чем это все закончится. Единственная надежда оставалась – негр Барнак.

Сашка осклабился:

– Ну что, кусок сала, начнем?

Барнак растопырил руки и с неожиданным проворством ринулся прямо на Александра, намереваясь схватить его в свои могучие объятья, раздавить, удушить, смять! Казалось, под толстыми пятками негра дрожала земля. Слон! Да что там слон – «КамАЗ»! Паровоз, бронепоезд! А глаза, глазищи – маленькие, словно у носорога – они просто сверкали ненавистью.

Александр умел драться и смотрел как бы сквозь врага – так, чтобы предугадать все его движения. И не дать сделать задуманное. Вот как сейчас… Нельзя было позволить такой массе вступить в бой с налета… нельзя остановить бронепоезд грудью… Пусть пронесется мимо!

Саша, как тут было принято, так же смешно растопырил руки… и резко отскочил влево, да еще успел поставить подножку – и черная скала загремела в пыль.

Правда, тут же поднялась на ноги и, стервенея, снова бросилась в бой…

На этот раз Александр встретил соперника коротким прямым ударом в челюсть… Это, конечно, остановило бронепоезд… но только на миг.

Не обращая внимания на градом сыпавшиеся удары, Барнак все ж сумел оказаться в опасной близости и тут же воспользовался этим, обеими руками ухватив Сашу за шею. Если б только молодой человек на секунду промедлил, мало бы не показалось, но…

Апперкот в печень – очень неприятная штука. Проймет любого… даже такого носорога, как этот Барнак… Ага! Хватка резко ослабла… Рот распахнулся, как у выброшенной на берег рыбины… Глаза полезли на лоб… Хорошо!

Теперь – сразу – по почкам… и – тут же – по ушам – да так, чтоб из глаз искры!

Вот они…

И – коротким кривым – в челюсть.

Что, еще не падаешь? Ну, действительно, бронепоезд «Красный партизан»!

Тогда делать нечего, придется ногами…

Резко отпрянув назад, Саша подпрыгнул и, вложив в удар всю свою силу, достал правой ногой переносицу…

И вот тут негр наконец упал. Казалось, земля вздрогнула. А ничего не поделаешь, одной массы для настоящего боя мало – нужна еще и изворотливость, да и умение не помешает, это только так кажется, что драка – плевое дело, – а на самом-то деле… куда сложней, чем шахматы! Причем времени на раздумья – практически нет.

Так, ладно, с одним справились…

– Секундус! – с нехорошим прищуром Александр обернулся к бочке…

А гнусного Миршака там уже не было! Его вообще нигде поблизости не было, ретировался, схоронился где-то, ползучий гад…

Собравшаяся толпа радостно бушевала – кричали, хохотали, кто-то уже хлопал Сашку по плечу:

– Рус! Рус!

Только старик антиквар Альфред Бади, бауманский выпускник, лишь укоризненно качал головой… зато как радовался Ингульф! И Кассия! Как горели ее глаза… Что, уже вернулись из церкви?

– Замечательно! – произнес чей-то надменный голос, и все затихли, пропуская хозяина виллы – всадника Гая Нумиция Флора Константина. В нескольких небрежно наброшенных друг на друга туниках, в белом, с красной каймою, сенаторском плаще, в золоченых сандалиях, Нумиций подошел к Александру и, потрепав его по плечу, вытащил из висевшего на правом запястье – по старинному обычаю воинов

и гладиаторов – кошеля золотую монету: – Это – твоя награда, виктор! Ты славно бился, жаль, я не видел боя с начала. Впрочем, и того, что увидел – вполне достаточно. Мы скоро закончим строительство, – Нумиций ухмыльнулся. – И тогда у меня будет к тебе одно предложение… от которого ты вряд ли сможешь отказаться.

Молодой человек опустил глаза: ага, как же! Поживем – увидим.

– Ты так же лихо бьешься мечом, как ногами?

– Мечом владею, – скромно отозвался Александр.

– Славно, славно, – хозяин виллы расплылся в улыбке, однако серые, чуть навыкате, глаза его смотрели вполне серьезно. – Мне доложили – ты пытался бежать? Зачем? Ладно, ладно, можешь не отвечать… но помни о моем обещании. Клянусь посохом Петра, никто в Африке не предложит тебе лучшего, чем всадник Гай Нумиций Флор! У тебя будет столько денег, что ты сможешь скупить всех портовых шлюх от Карфагена до Цезареи или даже Тингиса! А? Как тебе такая перспектива?

– Благодарю, – приложив руку к сердцу, молодой человек картинно поклонился, как здесь было принято, после чего скромно попросил отпустить его следующим воскресеньем в ближайший город: – А то как-то скучновато у вас.

– В город? – Нумиций усмехнулся. – А ты не сбежишь, прельстившись развратными развлечениями таверн? Ведь пока ты просто невольник, но скоро, скоро…

– Он может сопровождать меня завтра, о, муж мой! Вместе с другими слугами… и под их присмотром.

Оба – хозяин и раб – обернулись: матрона подошла неслышно, красивая, как мраморная статуя греческой богини. Полупрозрачные – одна поверх другой – туники, золотисто-матовая кожа, светлые – точнее сказать, осветленные – волосы, уложенные в затейливую прическу, изысканно-богатый парфюм… Выщипанные дугой брови и светло-голубые смеющиеся глаза. Ох, эти глаза…

– Сопровождать тебя, дорогая? – патриций задумчиво почесал затылок и вдруг решительно махнул рукой. – Что ж, пусть сопровождает. И пусть помнит – лучшего, чем жизнь на моей вилле, он вряд ли найдет. Надежность, постоянство, неплохой доход – это лучше, чем пристать к какой-нибудь шайке и в конце концов оказаться повешенным… Вилик!

– Да, господин? – тут же оказавшийся рядом Василин с готовностью поклонился.

– Выдашь ему на завтра новую тунику. Всё.

– Слушаюсь, мой господин.

Вечером раздобревшийся после церковной службы хозяин велел выдать рабам и слугам вино – пусть тоже как следует отметят праздник. Это пойло по вкусу чем-то напоминало портвейн, но было лишь с горечью, без всякой крепости – впрочем, и такое считалось за счастье.

– Как ты думаешь, почему хозяин отпустил тебя в город? –

старый антиквар Альфред Бади с глиняной кружкой вина в руках уселся рядом с Сашей и Ингульфом под старой смоковницей, росшей в дальнем углу обширного хозяйственного двора. – Вот так спокойно взял и отпустил.

– Не знаю, – хлебнув из такой же кружки, молодой человек пожал плечами. – А вообще, конечно, странно – не боится, что я заявлю в полицию. А! Может, у него все там куплено, в том ближайшем городке, куда мы завтра попремся… Но я все равно сбегу и выведу всю эту секту на чистую воду!

– Да нет там никакой полиции, сколько можно говорить? – рассерженно отмахнулся старик. – А отпускают тебя – впрочем, не одного, а под присмотром – только потому, что Нумиций Флор прав: то, что он предлагает – дорогого стоит. Спокойная размеренная жизнь, вполне обеспеченная – по нынешним временам – роскошь, которую не могут позволить себе и многие аристократы. И даже сам прокуратор провинции Африка… точнее сказать – властелин. Именно для защиты он пригласил новых имперских федератов – вандалов с аланами. Пустил волков в стадо! Правда, он пока еще этого не понимает… а, скорее всего, у него просто не было другого выхода – морские разбойники теперь все же не так наглеют.

– Разбойники… федераты… прокуратор… Бред какой-то! – допив вино, Александр раздраженно сплюнул. – Вот, погодите, доберусь завтра до первой же телефонной будки!

– Ну-ну, – как-то совсем по-детски захихикал старик. – Посмотрим, каким вы вернетесь!

– То есть как это – каким?

– Я в чисто духовном плане.

Чистая черная ночь опускалась на землю, накрывая бархатным покрывалом оливковые рощи, смоковницы, пальмы. В казавшемся огромным небе сверкали брильянтовые россыпи звезд, и тоненький серп растущей луны отражался в спокойной воде пруда мерцающей золотистой дорожкой. Все укладывались спать, наступала ночная тишь, лишь изредка в саду перекрикивались какие-то ночные птицы да слышно было, как на кухне стучат посудой служанки.

– Слышь, Ингульф, – дождавшись, когда все уснут, Саша потряс заснувшего приятеля за плечо. – Не боись, я про тебя не забуду. Да и про старика тоже… где там у него магазин? В Сусе?

Александром просто заменили одного из обычных носильщиков, встав в пару к одному высокому парню; двое – спереди, двое – сзади, дождались, когда хозяйка с детьми забрались в широкий портшез, подняли, понесли, не таким уж и трудным оказалось это дело, даже совсем легким, по крайней мере, Саша лишнего веса не чувствовал, правда, не сразу удалось подладиться к плавному шагу, идти с другими носильщиками в ногу, однако совладал и с этим.

Вымощенная желтым кирпичом дорога уходила в оливковую рощицу, а затем круто сворачивала на север, к морю. Сразу за рощицей кортеж – всадник на белом коне впереди, за ним – носилки, потом – вооруженная копьями и мечами (а кто знает, может, и пистолетами?) охрана – повернул к деревне, довольно большой, в десятка два хижин, меж хижинами в изобилии росли пальмы и какие-то низенькие колючие кустики, сразу за околицей начинались желтые пшеничные поля, а уж там, за ними, синело – словно бы повиснув в воздухе – море.

И – опять же! – ни теплохода, ни танкера, одни парусные рыбацкие суденышки – фелюки или как они там называются…

Исполнение новых обязанностей – хитро придумано, попробуй-ка рвани незаметно! – отнюдь не мешало Петрову глазеть по сторонам в ожидании полицейской машины или хотя бы какого-нибудь мальчишки на велике и, конечно, с мобильником… увы, ничего подобного не было. Что же, оставалось поверить чудаковатому старику антиквару? Четыреста тридцать восьмой год… даже не тысяча четыреста… Ну, чтоб в такое верить, надо совсем чокнуться! А Сашка еще вроде бы не совсем… хотя, если так дело и дальше пойдет, то…

Деревенские жители – смуглые и полуголые – встречали процессию приветливо, улыбались, махали руками, кланялись. Откинув полупрозрачный полог, хозяйка, госпожа Фе-

одосия, тоже кивала в ответ, а детишки – Авл с Анной – громко кричали – здоровались.

– Сальве, сальве!

На площади в центре деревни располагалась увенчанная крестом церковь, ничуть не радостная, не нарядная, наоборот – угрюмая и даже какая-то угрожающая: мощный портал, толстые, сложенные из темных камней стены, узкие оконца-бойницы – все это больше напоминало крепость, а вовсе не Божий храм. Впрочем, что тут удивительного? Видно, и в этой деревне тоже жили сектанты. Эти, как их… ариане, во!

Миновав деревню, кортеж спустился с невысокого холма вниз, к пшеничным полям, затем дорога пошла вдоль песчаных барханов и скал и, наконец, как-то незаметно вырвалась к самому морю, то есть, собственно говоря – в порт, в чудесный город с мраморными колоннадами портиков и храмов, с пальмами и кипарисами, окружавшими двух- и трехэтажные дома-усадьбы. Шикарные статуи на площадях, чуть вдалеке – беломраморная ступенчатость огромного амфитеатра, еще какие-то роскошные здания, хотя, конечно, хватало и самых убогих хижин.

На улицах – узеньких и широких, – на площадях, на рынках и у храмов хватало самого разного люда – и смуглых берберов, и чернокожих негроидов, и вполне себе светленьких, вполне европейского облика, типов, правда, тронутых местным загаром. И все – все! – были одеты в какие-то хламиды

или разноцветные туники, на худой конец – в белые набедренные повязки, словно не было у них никакой нормальной одежды, даже обуви нормальной не было.

Люди без кроссовок, мобильников и джинсов, город без машин и рекламных вывесок… и тут – сектанты? В таком количестве? Этого просто не может быть! А четыреста тридцать восьмой год – может? Нет уж, сектанты – куда вероятней. И понятнее – что уж тут говорить. Прав старик антиквар, прав – бежать тут пока рано – просто некуда! Ну, не в этот же непонятный анклав?

Услыхав звонкий смех, Александр поднял глаза: откинув задний полог, детишки – Авл с Анной – показывали на него пальцами и хохотали.

– Ты так забавно кивал сейчас головой, – сквозь смех пояснил Авл. – Как самая настоящая лошадь! Мама, мама, смотри! Нет, поздно уже…

Минуя широкую многолюдную площадь, процессия свернула на какую-то тенистую улицу и, не замедляя хода, втянулась в распахнутые настежь ворота. Во дворе уютного особнячка, с цветочными клумбами и садом, кортеж уже поджидал тот самый, ехавший весь путь впереди всадник, а рядом с ним какие-то люди, по виду – рабы или слуги. Все кланялись чуть ли не до земли:

– Сальве, матрона, сальве!

Саша на миг зазевался – показалось, что над головой пролетел вертолет… фиг! Стрекоза… всего лишь стрекоза – лу-

поглазая тварюшка с прозрачно-голубыми крыльями… Напарник чувствительно ткнул его кулаком в бок – пора опускать носилки, одновременно всем, иначе господа рисковали вывалиться.

Выбравшись из портшеза, Феодосия и ее дети в окружении служанок и слуг поднялись в дом, туда же, чуть погодя, позвали и носильщиков, естественно, не в парадные покои, но и то, что предложили, на взгляд Александра, оказалось очень даже неплохим местечком – большая тенистая комната с террасой и увитыми виноградной лозою колоннами, мраморный, с цветными инкрустациями, пол, широкие ложа, циновки. И еще – прохлада, долгожданная прохлада, и холодное, принесенное хорошенькими служанками вино, и фрукты с пшеничными лепешками, и какое-то мясо – баранина, что ли? – и острый, восхитительно острый соус.

– А неплохо, парни! – вместе с остальными носильщиками молодой человек уселся на пол, за низенький, уставленный только что принесенными яствами столик.

Все четверо ели с аппетитом, а уж пили… Охоботили по кувшину на рыло, пусть даже и сухое винище, но в каждом кувшине – литра по три минимум.

Потом, конечно, сходили во двор, в уборную – отлить. Шикарный был туалет, тоже весь мраморный, с водосливом, но без всяких там унитазов, один сплошной каменный желоб, по которому время от времени и текла водичка. Шикарно – и не только по местным меркам.

Идти в город после сытного обеда и выпивки Сашке что-то не очень хотелось, больше хотелось завалиться спать, что уже не замедлили сделать его коллеги-носильщики, и теперь оглашали всю комнату заливистым богатырским храпом.

Подумав, молодой человек тоже улегся на свободное ложе, однако не уснул, так просто лежал, уставив взгляд в потолок, расписанный какими-то фресками на весьма вольные темы – сатиры, наяды, плеяды… впрочем, Плеяды – это, кажется, созвездие… или вообще – Галактика.

– Гхм, гхм! – кто-то кашлянул на пороге.

Александр лениво повернул голову: старик. В богатой тунике, сандалиях, с выбритой наголо – или просто от природы лысой – головой. Тощий, но жилистый… и не такой уж и старый, наверное, лет пятидесяти…

– Меня зовут Бромелий, я управитель этого дома, – наклонив голову, негромко представился вошедший. – Госпожа желает говорить с тобой… Ты понимаешь латынь?

– Понимаю, – молодой человек улыбнулся, он уже и вправду много чего понимал, – а как же, если все вокруг только на этой самой латыни и говорят, да еще на каком-то жутком германском наречии, которое, кстати, Саша тоже начинал понимать, благодаря Ингульфу.

– Вот и славно, – Бромелий улыбнулся и присел рядом, на край ложа. – Прежде я хочу кое о чем спросить тебя… Ты христианин?

Саша молча кивнул.

– Признаешь ли Никейский собор? Символ веры? Единосущную Троицу? – вкрадчиво осведомился управитель дома.

– Ед-диносущную Т-троицу? П-признаю, – несколько заикаясь после трех литров сушняка, тут же заверил Александр, после чего размашисто перекрестился на потолок. Хоть что-то… за полным отсутствием в доме иконок. Нет, распятие все же где-то в коридоре висело…

– Вот и славно, – мажордом явно обрадовался. – Признаться, не ожидал такого от вар… Прошу извинить – вырвалось нелепое слово. Тебя зовут Александр, ведь так?

– Так.

– Ты из народа рус?

– Угадал, красноречивый!

– Хочу спросить, из чистого любопытства, русы – они кто? В смысле к какому большому народу относятся. Вот, к примеру, силинги и асдинги – вандалы, а все вандалы – германцы…

– А мы – русские, – скромно признался Сашка. – Славяне, в общем.

– Склавины?! О! Я слышал об этом славном народе. Тоже хотите стать федератами?

– Сам ты педе… федераст то есть, – поднимаясь с ложа, обиженно воскликнул молодой человек. – Ты сказал, меня хозяйка искала? Ну, эта, матрена…

– О да, да, матрона.

– Ну так веди! Чего рылом щелкаешь?

Управитель пожал плечами:

– Пошли… Только это… сперва переодеться надо и вымыться, а то несет от тебя, извини, как от горного козла!

– А я б на тебя б посмотрел… потаскал бы носилки!

Бромелий лишь улыбался и гадостей больше не говорил, наоборот, прямо лучился любезностью: даже простынку подал, после того как Сашка вылез из бассейна. И две туники – голубую, нижнюю и широкую, длинную, верхнюю, ядовито-желтого цвета, лютиками, что ли, красили или какими-нибудь там кувшинками. Вот в таком вот виде чистый и вымытый Александр и отправился в гости к почтенной матроне: по цветовой гамме сразу и не поймешь – то ли милиционер, то ли националист-украинец.

Шли недолго, покои хозяйки располагались на втором этаже, сразу над бассейном, огромные, как детский сад – в чем, в чем, а в квадратных метрах здешние сектанты себя не ущемляли, Сашка это давно уж приметил.

Куда делся мажордом – черт его знает? Вот только что был, что-то негромко говорил, кланялся – и вдруг как провалился! Исчез беззвучно и бесследно. Ну и ладно, не больно-то он здесь и нужен.

Феодосия возлежала на широком, устланном разноцветными покрывалами ложе, как какая-нибудь одалиска, Олимпия со скандально известной картины Эдуарда Мане, только Олимпия была голая, а матрона – одетая… в какую-то полупрозрачную хламиду с тонким золоченым поясом. Такие же

тонкие, золоченые ремни от сандалий высоко оплетали икры стройных хозяйских ножек. Под хламидой явственно вырисовывалась грудь, довольно большая и, должно быть, упругая, с небольшими сосочками… которые так и хотелось поцеловать со всем жаром, а потом долго-долго ласкать языком.

Наверное, желание сие настолько явственно обозначилось на лице Александра, что женщина вдруг рассмеялась, ничуть не обескураженно и вовсе даже не зло, наоборот… жеманно, что ли…

– Я видела, как ты бился, Рус! Славно! Ты такой крепкий, красивый… не стой же, садись вот сюда, рядом.

Ну, ясно, чего дамочка хочет – вполне.

Взглянув Феодосии прямо в глаза, молодой человек протянул руку, оголив женщине плечо… погладил, притянул к себе…

– Меня зовут Александр, милая…

Матрона припала к нему с такой страстью, что казалось, будто взорвалось небо – а это всего лишь был затяжной поцелуй. Пока еще поцелуй…

– Ах, как ты целуешься… Варвар! Настоящий варвар! – вырвавшиеся из уст Феодосии слова выражали явное восхищение и ожидание чего-то большего, чего-то того, что вот-вот – сейчас – должно было меж ними случиться. Что это случится – знали, нет, скорее – чувствовали – оба… и сознательно оттягивали момент… чтоб он был еще слаще!

– Ты… ты… – срывая с гостя тунику, шептала женщина. – Ты должен быть почтителен ко мне, помни!

– О, госпожа моя! – лаская рукой упругую грудь, Сашка от волнения перешел на русский. – Мы к вам, Матрена Ивановна, со всем нашим уважением… Как скажете! Хотите – сначала вина попьем… или сразу приступим к делу? То есть я хотел сказать – к телу… Черт возьми! Какое у тебя шикарное тело, Матрена! Тьфу… Феодосия… Ммм… Как ты красива… как обворожительно красива… Умх!

Обнаженная женщина стонала, закатывая глаза, отдаваясь новому варвару с такой непреходящей страстью, что бывает, наверное, лишь у нимфоманок. Александр тоже не скрывал своего наслаждения, это волшебное чувство, наступающее от осознания прикосновения к влекущей шелковистости кожи, от прикосновения к большой и упругой груди, от поцелуев, жарких, как знойный ветер пустыни.

Эта женщина, Феодосия, была неистовой, как океан, океан любви, океан колдовских грез и самых необузданных фантазий. Казалось, в эту ночь любовники проделали друг с другом все, что только могли проделать, но и этого матроне оказалось мало…

– Ты только не спи, Александр, только не спи!

– Ага, заснешь тут с тобою…

– О, друг мой… Как мне с тобой хорошо!

– Да и мне с тобой тоже неплохо… Ну, иди ж ко мне – поцелую…

Вот это любовница! Просто неистощимый фонтан, кладезь…

– Подожди… Мы еще с тобой кое-что попробуем… Халина, Карина!

Приподнявшись на ложе, Феодосия хлопнула в ладоши… и тут же, словно только того и ждали, в комнату впорхнули две девушки, две юные обнаженные грации, одна – с кожей белой, как снег… нет, чуть тронутой ласковой бронзовостью загара, вторая – черная, как пантера… подбежав, обе встали на колени пред хозяйкой, принялись ласкать ее, так, что даже уставший было Александр почувствовал прилив новой силы.

– Возьми их! – стеная и хохоча, выкрикнула матрона. – Возьми по очереди, обеих…

Сашка не стал строить из себя пионера: дают – бери! Вот у них, оказывается, что за секта – с эротическим уклоном. Так ведь и завербуют, сволочи… Он, Александр Иваныч Петров, уже ведь почти поддался на происки… ах, почаще бы были такие происки… А эта беленькая – ничего, ишь как выгибается… стонет… ах… Попробовать потом и черненькую? Почему бы и нет?

Впрочем, кто потом кого пробовал, сказать было трудно – скорее черненькая Халина – Александра… А две остальные – Феодосия и Карина, госпожа и служанка – смеялись, лаская друг друга…

Такая вот вышла оргия!

Один только вопрос тревожил Сашку под утро: а что, еже-

ли обо всем этом веселье прознает муж, Нумиций? Наверняка ведь среди слуг имеются стукачи…

– Нумиций? – красавица Феодосия вскинула брови и потянулась. – Он сам сейчас с другой женщиной… не хватает наложниц… грешник! Меня он давно не любит и вряд ли когда-нибудь любил.

– Вот даже так? – молодой человек покачал головой.

– О, не переживай, друг мой, – Бромелий – мой человек, как и все оставшиеся в этом доме слуги, – матрона лукаво прищурилась. – Не первый раз я здесь так развлекаюсь… не первый…

Они тронулись в обратный путь утром, рано, едва только забрезжил рассвет. В чем, в общем-то, не было ничего удивительного: Александр давно приметил, что здесь поднимались рано. Дул свежий морской ветер, развевая одежды носильщиков и охраны, впереди все так же скакал всадник на белом коне, а под ногами стелилась дорога, дорога без разметки, без дорожных знаков, без автомашин.

Неужели старик антиквар прав? Нет, это было бы слишком невероятно! И все же у Саши было такое ощущение, что вся цивилизация вдруг куда-то исчезла, причем внезапно. Или это он сам исчез?

Хотя, с другой стороны, лет пять тому назад Саша гостил у одного приятеля в деревне, в давно заброшенной, лишенной всяческих цивилизационных благ деревне, где не было

ни электричества, ни мобильной связи. Так вот там, глядя на серые избы, на смотрящий пустыми глазницами окон клуб, можно было смело представить себя жителем семидесятых или даже пятидесятых, а, ежели убрать клуб – то и вообще начала девятнадцатого века. Как вот примерно и здесь. Если уж в России-матушке таких дыр полно, то уж тут, в Африке…

Носильщики исполняли свою работу молча, а идущие позади охранники негромко переговаривались, иногда на латыни, иногда на каком-то своем языке; из этих разговоров Александр понял, что кортеж ближе к обеду должен добраться до деревни, где хозяйка и ее люди намеревались переждать полуденный зной, а уж потом, когда жара чуть спадет, продолжить путь. Что и говорить – разумно. Саша посмотрел в небо – белесое, словно бы выжженное зноем. Солнце забиралось все выше, а морская прохлада чувствовалась все меньше, и липкий противный пот уже начал покрывать тело. Да-а, переждать зной в деревне, под каким-нибудь навесом или под тенистой пальмой – это хорошая мысль.

Примерно часа через два пути показались пшеничные поля и оливковая рощица… за которой поднимался в небо серый столб дыма! Не такой уж и густой, но вполне заметный, и даже очень заметный… и еще вдруг налетевший ветер принес свежий запах гари!

Ехавший впереди всадник натянул удила, оглянулся.

– Скачи! – быстро распорядилась матрона. – Посмотри,

что там?

Почтительно кивнув, всадник умчался… и он вовсе не пользовался стременами, их просто не было – Саша очень хорошо рассмотрел. Как-то вот так обходился… циркач…

Повинуясь повелительному знаку хозяйки, кортеж между тем продолжил путь, продвигаясь все так же неспешно. Минут через двадцать вернулся всадник, что-то возбужденно сказал…

Матрона велела остановиться, сошла с носилок:

– Воины, оставайтесь здесь – с детьми. Ты, ты… и ты… – палец ее уперся в грудь Александра. – Со мной.

Да, до деревни оставалось уже совсем близко, может, метров сто, только вот выйти из рощицы. Ускоряя шаг, путники пошли вслед за всадником – Феодосия, двое вооруженных копьями воинов и Саша. Шли недолго… вот уже последние деревья… вот поворот, холм…

И ничего!

Деревни не было!

Лишь дым пожарищ, лишь сожженные дома, и вороны, деловито выклевывающие глаза у убитых – а таковых было в достатке, вся площадь была залита кровью.

– Господи Иисусе! – матрона потрясенно перекрестилась на церковь – только лишь она одна и уцелела. – Господи… Я слышала о разбойниках, их опасаются многие… Но чтоб вот так, нагло!

– Госпожа! – громко позвал один из воинов. – Я только

что слышал стон. Кажется, в тех развалинах кто-то есть.

– Посмотрите! – распорядилась хозяйка.

Охранники – а с ними и Александр – вытащили из-под обуглившихся балок мальчишку, обгорелого, с вытекшим глазом и перебитой рукой… видно было, что он не жилец уже, однако уцелевший глаз парня вдруг приоткрылся…

– Кто? Кто это сделал? – Феодосия наклонилась без всякой брезгливости. – Кто?

– Паруса… – собрав все силы, пробормотал несчастный. – Серые паруса…

Сказал, дернулся… и умер. Прямо на глазах у всех.

Особого впечатления его смерть ни на кого не произвела… разумеется, исключая Сашу – тот-то был отрясен.

– Серые паруса, – тихо повторила хозяйка. – Разбойники пришли с моря… Но как же они осмелились?! Тут же везде войска!

Глава 8. Ночные тени

…и не предвидели,
не знали витязи
судьбы злосмертной,
им уготованной…
«Беовульф»

Сентябрь 438 г. Провинция Африка

Как они посмели? Как явились?

– Да так, – месье Альфред Бади нервно передернул плечами. – Полагаю, их кто-то навел.

Александр усмехнулся: он тоже именно так и думал. Пираты – а как же еще их называть? – явились под покровом темноты, с моря, подплыли на катере, зная, куда идти… ну, а дальше уже – дело техники.

Хозяин распорядился похоронить убитых, и Саша отправился вместе с остальными слугами в сожженную деревню, отправился с радостью, надеясь, что уж теперь-то, совершенно точно, здесь будет и полиция, и пресса, и представители властей.

А вот – ничего подобного, вернее – никого! Ни полиции, ни всех прочих. Как такое может быть? А так. Одно слово – Африка!

Убитых похоронили достойно, каждого – в отдельной могиле. Пришедший из соседней деревни священник прочел молитву, потом, причмокивая, осмотрел разграбленную церковь – на этом вся церемония и закончилась. Ни хозяйка, ни хозяин при сем не присутствовали – зачем? Велели похоронить несчастных – и то хорошо, спасибо и на этом.

Управились до обеда, потом вернулись назад, на виллу, и, переждав жару, вышли на обычные работы – строить стены и башни. Размешивая приготовленный для кирпичей раствор, Саша, как всегда, размышлял обо всем случившемся и вдруг пришел к весьма неожиданному выводу, относящемуся, впрочем, вовсе не к пиратам и не к матроне, а к обыденной, ставшей уже, если можно так выразиться, привычной работе. Работа – строительство это – шла, честно говоря, ни шатко ни валко! А ведь такое, казалось бы, важное дело, особенно в свете последних событий, но вот поди ж ты – всего на строительстве стен трудилось шесть человек – сам Саша, Ингульф, кривоногий Миршак и еще трое черных парней. Шесть! И никто их особенно не подгонял. Этак можно было строить укрепления до морковкина заговенья! Странно… Странно, что один Петров это и заметил, даже господин антиквар не обратил внимание, да что ему, сам-то он, в силу своего возраста, ничего не строил, глину ногами не месил, обретался при кухне – принеси-подай. Правда, подумав, на всякий случай предупредил:

– Ты лучше о выводах своих не болтай – незачем.

Спасибо за совет! Не болтай… Интересно, с кем бы это Саша мог тут всласть поболтать, окромя вот самого антиквара? Разве что с Ингульфом… да еще вот с матроною, которая, кстати сказать, вела себя так, словно между ней и Сашей ровным счетом ничегошеньки не произошло. Иногда – не часто – встречаясь с любовником, чисто случайно, женщина даже не отводила глаза – смотрела как бы сквозь молодого человека, словно бы не замечала его, не видела… А, может, так оно было и надо? Зачем провоцировать мужа на семейный скандал? Естественно, и Александр тоже держал все случившиеся в тайне, он вообще, в отличие от многих хвастунов-мужиков, не любил болтать о женщинах и любовных победах. Об этом обычно болтают импотенты, что еще им остается делать?

И Саша молчал… и все думал, думал, думал – как отсюда, наконец, выбраться, куда? Освоив немного латынь, исподволь заводил разговоры с другими слугами, расспрашивал хитро, мол, как они тут развлекаются, да не скучно ли, да нет ли поблизости какого-нибудь уютного городка с баром или там, фитнес-центром? Напрасно старался! Слова «бар» вообще, в латыни не было, но оно ведь на всех языках одинаково понятно звучит – и тем не менее не понимали! Или просто не хотели понимать?

Ингульф – нет, он, конечно, был очень хороший парень, – но темный, невежественный, словно бы всю свою недолгую пока еще жизнь провел в какой-нибудь захолустной деревне,

в жуткой дыре, где не было даже начальной школы. Странно было даже слышать от него отрицание единосущности Троицы – ну, надо же, ни о чем понятия не имеет, а туда же, о высоких материях рвется рассуждать, теоретик хренов.

Вот как сейчас, под вечер, уже заканчивая работу, вдруг вздумал молиться.

– Эй, парень! – устало усевшись на обожженный солнцем кирпич, самим же и сделанный, Александр протянул руку к стоявшему в тени кувшину – в нем еще должна была остаться вода, еще не всю выпили. Ага… есть!

– А? – закончив молитву, Ингульф оглянулся – все такой же грязный, синеглазый, смешной…

Саша все никак не мог понять, почему этот подросток кажется ему смешным… ну, не смешным, забавным… потом понял – этому парню бы кожаные джинсы и гитару, какой-нибудь «Фендер-стратокастер» – вылитая получилась бы рок-звезда! Даже этакая, гламурная, что-то типа Джона Бон Джови в ранней юности. А ведь похож! И на Моррисона похож тоже. Правда, вот беда – гитары не было, да и кожаных джинсов – всего лишь узкие штаны из козлиной шкуры… которые соответственно и пахли. Впрочем, здесь все, исключая хозяев и управителя, пахли – затыкай нос, это сейчас Сашка привык и не обращал внимания, а вот раньше…

– Пить будешь?

– Угу, буду, – Ингульф обрадованно кивнул и прилип к протянутому кувшину губами. – Уфф… Хорошо! Возьми,

дружище, там еще осталось.

Вот эта черта Александру в парнишке нравилась – тот никогда не забывал думать о тех, кто рядом.

За холмами, за оливковой рощей, садилось оранжевое, уставшее за день солнце. Белесое небо постепенно голубело, наливаясь вечерней синью, уже появлялись и бледные звезды, и белесый месяц повис над воротной башнею мерцающей изогнутой саблей. Тихо было кругом, и уже спала дневная жара, и приятная прохлада опускалась на землю, и все дневные дела уже были закончены, а впереди ждал – пусть скудный – ужин, и сон… Но пока, слава богу, спать не хотелось, и было чертовски хорошо вот так сидеть, отдыхая, в тенечке, никуда и низачем не торопясь. Охранники – их было двое, Ониск и Артемий – неплохие, в сущности, парни, тоже присели рядом и, прислонив коптя к ограде, негромко болтали о чем-то своем.

– Хорошо! – зажмурившись, словно кот, Ингульф потянулся. – Прохладно… и работу закончили.

– Ого! – усмехнулся Саша. – Я смотрю, тебе здесь понравилось. А ведь кто-то совсем недавно собирался бежать?

– Я и сейчас собираюсь, – юноша резко повернул голову. – Но только с тобой, ведь мы же друзья, верно?

– Верно, – молодой человек расхохотался. – Кстати, ты так мне и не дорассказал до конца про свою жизнь.

– Так я хотел, – Ингульф вдруг обиженно надул губы. –

Каждую ночь… а ты все время засыпал.

– Я засыпал?! Да неужели! Чья бы корова мычала…

– При чем здесь корова? У нас в роду было много коров, целое стадо… Отец рассказывал, мы тогда жили в чудесной стране… а потом пришли готы. Мы дрались с ними, но врагов оказалось больше, хитростью и подлостью они добились победы, а мы, силинги и асдинги, вынуждены были уйти… И стали жить на берегу моря, и наш вождь Гейзерих позвал нас в новый поход, и было немало славных битв с Римом, и… а потом налетела буря… и вот… я теперь строю стены пузатому римлянину! Вместо того, чтоб проткнуть его пузо добрым мечом!

– Да-а-а, – Сашка разочарованно сплюнул.

Вот всегда так! Поди, пойми, кто он, этот Ингульф – псих? Есть такой диагноз – «вялотекущая шизофрения», когда видится и слышится то, чего нет. Если так – жалко парня. Хотя, с другой стороны, не похож он на психа, совсем не похож.

– А родители твои… ты как-то рассказывал, но…

– Мой отец – славный Гилдуин, сын Хильдебальда, сына Герульфа, сына…

– Ой-ой-ой-ой-ой! – Александр замахал руками. – Хватит, хватит, хватит. Ты мне еще от Адама своих родственников перечисли. Вот лучше скажи, чем твой отец занимался?

– О! Это был великий и храбрый воин, при одном имени которого…

– Так! На-ко, лучше попей… еще вода осталась.

– Вот так всегда! – допив воду, снова обиделся Ингульф. – Ты вот просишь рассказать… и сам же не слушаешь, перебиваешь.

– Ладно, ладно… не буду перебивать. А скажи-ка, ты ведь веруешь в Иисуса Христа?

– Ну да, – подросток важно наклонил голову. – Верую в господа нашего Иисуса, и в то, что он – сын Божий, творение Бога-отца, и…

– А вот в драке ты Иисуса не призываешь, – ехидно заметил Сашка. – Все кричишь – Донар, Водан… Это кто еще?

– Это наши древние боги, – ничуть не смущаясь, отозвался Ингульф. – Они хорошо помогают в битве. А Иисус – в загробной жизни. Один бог – хорошо, а много – лучше!

– Да-а-а, – Александр развел руками – ну, что тут можно было сказать? Христианин, блин… этот, как его… арианин.

– Слышь, Ингульф, – подумав, молодой человек решил зайти с другой стороны. – А ты «Аватар» смотрел?

– Чего? Может, и смотрел. Я много чего на своем веку видел.

– Да какой там твой век! А музыка тебе какая нравится? Рок? Техно? Рейв?

– Рок!

О, наконец-то!

– Злой рок несет нас по воле волн…

Может, Ингульф и не так вот точно сказал, не настолько хорошо Саша латынь знал, но вот где-то так, примерно.

– Да ты, парень, поэт прямо!

– Я умею слагать гимны!

Гимны…

Сашка присвистнул и повертел пальцем у виска – вот и поговорили. Не в первый раз, между прочим.

Сидевшие охранники лениво поднялись, взяли копья. Заканчивался день, в череде многих, день, в котором так ничего и не прояснилось, Сашка по-прежнему не знал – где он? Нет, предполагал, конечно, что в секте – среди сумасшедших. Вот, кстати, еще один такой же… это еще легкий случай – еще помнит про себя все, только вот на четыреста тридцать восьмом годе зациклился… интересно, почему именно на этом?

– Бон суар, месье Бади, – проходя через ворота во двор, молодой человек приветственно помахал антиквару. – Кстати, я сегодня видел в небе самолет, небольшой такой «кукурузник», «Сессна», кажется…

– Самолет? – округлив глаза, старик выронил бочонок с помоями прямо себе под ноги. – Господи… Нет, точно – это был самолет? А вам случайно не показалось?

– Да успокойтесь вы, – прищурился Саша. – Пошутил я.

– Нехорошие у вас шутки, господин Александр, – обиженно пробормотал антиквар, нагибаясь к объедкам.

Ну, вот – еще один обиженный. И чего они здесь обидчивые-то такие? И слова не скажи.

Вечером не спалось, и Саша вышел во двор, незаметно, чтоб не тревожить без особой надобности охрану. Уселся сразу за помещением для слуг, оперся спиной об теплую стену мазанки, задумался, глядя в небо, на бескрайние россыпи звезд. Вообще-то, наверное, нужно было б отсюда уйти, давно бы пора, несмотря на все разглагольствования антиквара. Чего тут выжидать-то? Лучше нигде не будет? А почем знать? По здравому размышлению, пуститься в побег было бы сейчас куда лучше, нежели жить в окружении сумасшедших. Александр усмехнулся: а что вообще сдерживало его все эти дни? Как ни странно – надежда. Надежда на то, что, может быть, удастся все как следует выяснить, узнать куда, в какую сторону бежать, чтоб уж наверняка.

Ничего не выяснил. Не узнал. И что теперь?

А ничего… просто пора сваливать. Нечего уже больше ждать, нечего выгадывать. Прихватить с собой Ингульфа и, может быть, чудака антиквара… впрочем, нет, без последнего стоит обойтись – путаться только под ногами будет.

Значит – бежать. Бежать, бежать, бежать, и как можно скорее, и так уже сколько времени потеряно зря. Лучше всего, конечно, украсть какую-нибудь лодку, желательно парусную, и отправиться вдоль побережья, уж всяко вскоре попадется на глаза какое-нибудь нормальное судно или даже пограничный катер.

Желтая полоска месяца мерцала в фиолетовой ночной тьме, слышно было, как тихонько журчит в падающий в пруд

ручей, как поют цикады…

Чу! Показалось вдруг, что-то скрипнуло. Собравшийся уж было идти спать Александр тряхнул головой, прислушался… Вот снова этот скрип. Нет, не показалось! И кто там может шататься? И – главное – что же не реагирует охрана? Не слышит? Спит?

Ага… вот уже кто-то и свистнул. Негромко так, словно бы кого-то звал. Бесшумно поднявшись на ноги, молодой человек выглянул из-за угла… а ворота-то, похоже, распахнуты! Ну да – вон как сквозь них сверкают звезды… кто хочешь – заходи, что хочешь – бери… Странно! Всадник Гай Нумиций, при всех его недостатках, вовсе не отличался беспечностью… хотя – стену строил медленно, даже слишком.

Оп! Во двор въехала повозка, завозились какие-то люди… снимали с двуколки мешки: смутные тени скользили по двору в призрачном свете звезд. Временами слышался громкий шепот… вот кто-то вскрикнул, и тут же послышалось предупреждающее – тсс!

Интересно… интересно, кто это? Какие-нибудь контрабандисты? Хм… может быть. Торговцы паленым коньяком или левыми компактдисками… Что же хозяин? Так доверяет своей охране? Или, скорее, тоже при делах?

Словно выстрелом разорвав ночную тишь, распахнулась дверь! Кто-то вышел на крыльцо черного хода, шумно рыгнул, высморкался…

– Кто это? – кто-то спросил шепотом по латыни.

Этот «кто-то» стоял совсем рядом с таившимся в темноте Александром, буквально в нескольких шагах… даже не «кто-то», похоже, ночных гостей было несколько. Трое или четверо, может, даже и больше.

– Это Электиус, повар. Он иногда страдает бессонницей.

И тут же послышался громкий самоуверенный голос:

– Эй, парни, что это у нас за повозка во дворе?

Повар… и что ему за дело до какой-то там повозки? Слишком любопытный?

– Это дрова привезли, Электиус. Господин договорился… вот и привезли.

– Дрова – это хорошо, – удовлетворенно икнул повар. – Открыть дальний сарай? Или лучше так – часть сгрузите к кухне.

– Нет уж, сначала в сарай… а потом, как будет угодно нашему господину. Ты не вникай, Электиус, и без тебя обо всем позаботились.

– Ага, справитесь вы тут без меня, как же!

– И все же прошу тебя не мешать. Это распоряжение господина.

– Ну, раз господин приказал…

С грохотом захлопнулась дверь – видать, повар был обижен подобным к нему отношением. Повар… Здоровенный бугай с воловьей шеей и короткой рыжеватой бородкой, бербер или араб, но точно – не европеец. Вольнонаемный из местных.

Ночные гости еще повозились с мешками, куда-то потащили, вот хлопнули по рукам… послышался довольный голос хозяина. Или – показалось?

Александр хмыкнул.

Показалось, не показалось – какая разница? Какое ему дело до этой чертовой секты и ее предводителя? Хотят заниматься контрабандой – флаг им в руки! Свалить отсюда поскорее! Давно пора.

Осторожно переступив через храпящего охранника – случалось здесь и такое, и довольно часто, – молодой человек пробрался в сарай на свое место, у стенки, улегся на старую циновку рядом с Ингульфом, закрыл глаза…

И проснулся уже утром, от жаркого, бьющего в широко распахнутую дверь солнца.

– Эй, лежебоки, подъем! – опираясь на копье, весело распорядился охранник.

Вчерашний соня… или уже сменившийся? А, впрочем, какая разница?

Наскоро перекусив жиденькой полбой, невольники побрели к месту работы – снова месить глину, делать кирпичи, выкладывать стену… слава богу, никто хоть особо не подгонял.

Проходя по двору, Александр заметил какую-то не совсем обычную суету – у ворот что-то деловито обсуждали охранники, взволнованно переговаривались слуги, переглядывались пробегавшие мимо служанки… одну из них – Кассию

– Сашка уцепил за локоть. Так, чисто из любопытства, спросил:

– Что тут за новости, душа моя?

– Новости? Ха! Повар наш, Электиус, помер!

– Помер?! – Сашка спросонья не сразу сообразил, о ком это идет речь. – Повар помер… ммм… Ого!!! То есть как это помер? Отчего?

– Да так, ни от чего, – девушка пожала плечами. – Вышел вот, ночью, в уборную… да и сломал себе шею.

– Сломал шею… – машинально повторил молодой человек.

Вообще-то хорошая шея была у повара, толстая… такую очень сложно сломать. Хотя, с другой стороны – кому какое дело до чьей-то там шеи, ну, сломал и сломал… бывает. Не то еще бывает.

Работали в тот день ни шатко, ни валко… как, в общем-то, и всегда в последние дни. Никто ходом строительства особо не интересовался, никаких неподъемных норм не устанавливал, даже охранники – и те разленились донельзя. Удобное для рвания когтей время трудно себе и представить… Так может…

– Ингульф? Может, прогуляемся к морю?

– Хо! Давно пора, дружище Рус! Не к лицу столь отважным воинам, как мы с тобой, месить какую-то гнусную глину!

Эх, хорошо сказал парень! Особенно это – «двум столь

отважным воинам»! Прямо поэт.

– Ладно, Ингульф, будь готов… Сейчас эти двое уснут… – со всем тщанием наполняя глиной форму, Александр кивнул на охрану.

Ингульф неожиданно усмехнулся:

– А чего ждать-то? Вон вокруг камней сколько – ты трес-нешь по башке одному, я – другому… а дальше – да помогут нам боги! Удача любит смелых!

И снова неплохая фраза. Прямо хоть сборник афоризмов составляй.

– Только… – юноша вдруг задумался и, покосившись на остальных невольников, понизил голос: – Мне не очень-то нравится Миршак… Не думаю, что нам нужно тащить его за собой. Лучше и его… того… тоже.

Сашка пожал плечами – никакой симпатии к кривоногому он, естественно, не испытывал:

– Делай, как знаешь.

– И другие мне тоже не нравятся…

– Ну, молодец… ты что же, всех их тут положить собрал-ся?

– А почему нет? – Глаза Ингульфа задорно сверкнули. – Мы с тобой с ними справимся.

– Кто бы сомневался… Правда, сегодня для этого как-то слишком шумно, ты посмотри-ка, что делается на вилле!

И действительно, слуги и охранники все так же продол-жали копошиться во дворе, у ворот, время от времени даже

сбиваясь в небольшие группы.

– Этот повар… – негромко произнес Ингульф. – Из-за него все…

– Да, из-за него, – услыхав, повернулся к подростку охранник. – Ходят слухи, что не сам он… что его убили…

– Убили?

– Ну да, убили. Разбойники с моря.

– Что, прямо здесь, на вилле?

– Могли проскользнуть… господин не зря приказал усилить охрану. Да и из столицы направлены войска… По всему побережью…

– По всему побережью, – тревожным шепотом повторил Александр.

Похоже, момент для побега был выбран как-то не очень удачно. Лучше было переждать, хотя бы чуть-чуть.

Вечером, после работы, к Саше подошел антиквар. Поставил бочонок с помоями наземь, оглянулся испуганно, дернул за локоть:

– Можно на пару слов?

– После ужина, за уборной…

Молча кивнув, старик потащил свои помои на задний двор. На вилле вовсе не поощрялось, когда невольники и слуги переговаривались на своем, не понятном никому, языке, за это свободно могли наказать, теми же плетьми, чего ни Саше, ни антиквару что-то не очень хотелось. Потому и

уговорились встретиться за уборной, как раз уже и совсем стемнеет.

Наскоро проглотив жиденькую чечевичную похлебку, молодой человек улегся в своем углу, на циновке, дожидаясь, когда невольники угомонятся – это произошло быстро, за день умаялись, Ингульф – так давно уже сопел.

Блестевшая над сараем луна явно прибавила в талии, и теперь смотрелась куда более солидно, нежели еще неделю назад. И звезды, словно видя это, с опаскою отодвинулись, гроздьями повиснув поодаль, над старой оградою.

Оглянувшись по сторонам, Александр завернул за угол…

– Наконец-то! – послышался знакомый шепот. – Я уж думал, вы про меня забыли.

Молодой человек усмехнулся:

– Как можно? Вы что-то мне хотели сказать, месье Бади?

– Да-да… – старик нервно передернул плечами. – Вот именно! Хотел предложить вам бежать!

– Бежать? – едва сдерживая вдруг накатившийся смех, удивленно переспросил Саша. – Но, позвольте, вы же все время твердили мне как раз обратное! Говорили, что именно здесь – самое безопасное место…

– Теперь – не для меня, – месье Бади сухо кашлянул. – Видите ли, молодой человек, меня принуждают занять место погибшего повара! Говорят, на время… пока не подыщут нового.

– Поздравляю! Не такая уж и плохая должность.

– Но я совсем не умею готовить! – старик поник головой. – И бежать, честно говоря, не очень-то хочется – вполне можно попасть из огня да в полымя, запросто, уверяю вас.

Молодой человек посмотрел на луну и, сплюнув, тихо поинтересовался:

– Так я не понял – мы бежим или как?

– Я… я не знаю… – растерянно развел руками старик.

Спрашивается, зачем тогда звал?

– Я не знаю – куда…

– Как это куда? Для начала – к шоссе или к железной дороге, если таковая здесь есть!

– Да нет здесь ничего подобного! – антиквар неожиданно разозлился. – Я же вам говорил.

– Четыреста тридцать восьмой год? – молодой человек снова сплюнул. – Ага… как же.

– Вы так мне и не поверили, – с грустью прошептал месье Бади. – Впрочем, я бы на вашем месте тоже вряд ли… Но прошу вас, больше не вспоминайте о цивилизации. Я все время пытаюсь представить, где бы нам было лучше… В Карфагене, некогда разрушенном римлянами и ими же потом отстроенном? В Италии? Испании? Галлии? Там сейчас черти ноги сломят – привычный римский мир рушится на глазах…

– Что-что рушится?

– Вы что-нибудь слышали о великом переселении народов?

– Знаете, месье Бади, – немного помолчав, негромко промолвил Александр. – Давайте-ка лучше вернемся к нашим баранам – так мы рвем или нет?

– Рвем? Кого рвем?

– Ну, бежим?

– Понимаете, я бы не хотел вот так, сразу… еще бы хотя бы пару месяцев здесь протянуть, понять, куда было бы лучше… но увы, увы…

– Ладно, переждем, – Саша ухмыльнулся и, неожиданно подмигнув старику, предложил: – Давайте я за вас поваром поработаю.

Антиквар изумленно захлопал глазами:

– В-вы?!

– А что? Я очень люблю готовить, и смею вас заверить, делаю это не так уж и плохо. Никто еще не отравился от моей стряпни.

– Но…

– Так предложите меня!

– Хорошо, – месье Бади вдруг улыбнулся, можно даже сказать, с облегчением. – Если вы так хотите…

– Я хочу вам помочь, похоже, вы тут один нормальный, – тихо пояснил Сашка, а про себя продолжил: «Да и то – не совсем». Впрочем, по сравнению со всеми другими психами…

Припухший месяц ухмылялся, прислушиваясь к сей странной беседе, и Александру вдруг почему-то захотелось плюнуть в эту нагло сверкающую лунную морду, плюнуть

прямо в глаза… хотя, поди, разбери, где тут у этой луны глаза?

– Короче, так, месье – завтра же я заступаю на ваше место! А там поглядим… А теперь – пора спать.

– Спокойной ночи, месье Александр.

– Спокойной…

Антиквар спроворил все неожиданно быстро: уже с утра к Саше подошел управитель – старый Василин. Ухмыльнулся:

– Я слышал, ты неплохой повар?

– Очень неплохой, смею заверить!

– Славно. Тогда с сегодняшнего дня – марш на кухню. Посмотрим, как ты готовишь… Ну? Что ты стоишь?

– Мне нужен помощник.

– Сначала посмотрим, на что ты сам гож!

Александр пожал плечами и, ничего больше не говоря, направился следом за мажордомом. На полпути оглянулся, махнул рукой Ингульфу – мол, все нормально, парень. Удивленно посмотрев на Сашу, подросток помахал в ответ и вслед за гнусно ухмыльнувшимся кривоногим Миршаком побрел к месту работы в сопровождении пары вооруженных копьями стражей.

А Саша, наконец, оказался на кухне, располагавшейся под длинным навесом сразу за господским домом, где уже пылал обмазанный желтоватой глиной очаг. На уже разведенном огне, словно дожидаясь Александра, уже стояли боль-

шие глиняные горшки с крышками в виде маленьких куполов. У длинного разделочного стола деловито суетился Альфред Бади.

– Уфф!!! – радостно воскликнул он, увидев Сашу. – Признаться, я уже думал – не вышло.

– Почему же не вышло? – молодой человек деловито потер руки. – Мне, между прочим, велено приготовить что-нибудь неимоверно вкуснейшее… пока из тех продуктов, что есть. А что у нас тут есть? Мясо найдется?

– Есть, есть мясо, – антиквар бросился к стоявшим у стены корзинам. – Как раз только что привезли: баранина, свежайшая, ммм…

– Ага… – уперев руки в бока, молодой человек обвел кухню хозяйским глазом. – Давайте, месье Бади, тащите на стол все, что есть… а там посмотрим.

Баранина, точнее сказать – мясо ягненка – пойдет на кушу, а вот из телятины – она тоже имелась – Александр решил приготовить рагу с оливками и подливкой из смеси толченого перца, тмина, чеснока и мяты. За приготовление подливки он тут же и засадил антиквара, сам же принялся пластать мясо сверкающим острым ножом. Покидал все куски в горшки – томиться, добавил курдючного жира и, утерев со лба пот, довольно уселся на низенькую скамеечку, устало вытянув ноги:

– Ну, вот, мсье Бади, теперь можем часика три перекурить – приготовление восточных блюд суеты не терпит.

– Три часа?! – удивился старик. – Так долго?

Молодой человек хмыкнул:

– Ну, все три часа мы сидеть не будем – надо еще сладкое сделать, детишкам на радость. – Сотворим-ка мы… ммм… сотворим-ка мы… Это что у нас там, во-он в том горшочке?

– Мед, месье.

– Мед… А в той корзинке, я вижу – орехи… Так! Делаем слоеный пирог с ореховой начинкой в меду. Вкус – пальчики оближете, месье Бади!

– Кто бы сомневался! – старик уже перестал удивляться, с видимым удовольствием исполняя порученные ему дела – замесить и раскатать тесто, приготовить медовый сироп – так сказать, работал на подхвате, этакий поваренок из харчевни «Три пескаря».

Когда на кухню заглянул хозяин, всадник Гай Нумиций Флор, все вокруг шкворчало, кипело, булькало, в блеклое африканское небо поднимались клубы дыма и пара, вкуснейшие запахи – тушеной баранины, соуса, мяты, базилика, гвоздики, меда – смешиваясь, наполняли все вокруг совершенно особым неповторимым ароматом, вызывающим выделение слюны уже за несколько километров… ну, если и не за километры, то за сотню шагов – точно.

И посреди всего этого великолепия, в центре, как капитан на мостике, с большой деревянной ложкой в правой руке, важно ухмылялся Александр, время от времени наклоняясь к горшкам и противням – что-то помешивал, что-то добав-

лял, пробовал… настолько увлекся, что даже не сразу заметил хозяина виллы.

– Пахнет вкусно, Рус, – подойдя ближе, негромко заметил тот. – Очень даже вкусно. Надеюсь, твоя стряпня понравится госпоже.

– Я в этом не сомневаюсь, господин Нумиций!

– Надо говорить – «мой господин»!

– Ладно… мой господин.

– Да-а… похоже, вилик в тебе не ошибся.

Нумиций ушел, довольно ухмыляясь, отправился в дом с черного хода. И тут же во двор выбежали дети – Авл с Анной. Любопытствуя, встали поодаль, принюхивались.

– Может, дать им кусок пирога? – осторожно предложил антиквар. – Ведь готов уже.

– Нечего кусочничать! – строго возразил ему повар. – Тем паче – перебивать аппетит. Сначала – рагу и куша, затем – сладкое. И никак иначе.

– Хорошо, хорошо, – старик боязливо поежился. – Я просто спросил…

Обедали, как всегда, поздно, уже после полудня. Господа расположились в саду, в уютной беседке, увитой виноградной лозой. По старому римскому обычаю – возлежали на ложах, накинув на себя легкие обеденные туники, не хватало только венков… нет, кажется, на детишках были… да-да… Саша прищурил глаза… зеленели.

Меж кухнею и садом ловко сновали служанки с серебряными подносами, средь них и красавица Кассия… ах, Кассия… Сашка ее уже позвал вечерком… покушать, что там останется… Девушка не отказалась, наоборот, радостно улыбнулась. Еще бы… Ах, какие у нее стройные бедра, какой животик, какая грудь… и смуглая – волнующе-смуглая – кожа, бархатистая, нет… шелковистая, теплая… А походка? Это ж какое-то эротическое чудо, а не походка! Нет, такой девчонке не в служанках – в Мулен Руж выступать! Да и подружки ее…

Впрочем, гм… хватит на девок пялиться, пора и распорядиться.

– Так, девчонки! – Александр хлопнул в ладоши. – Несем сначала рагу… так… потом – куш… затем – во-он ту рыбу… Эй-эй, красавица, ты что там за кувшин потащила?

– Вино, брат.

Ого, брат уже! Нет, не хотелось бы быть столь близким родственником…

– Вино? Что за вино?

– Обычное вино… – девушка растерялась.

– Я спрашиваю, белое или красное?

– Белое, кажется… да-да, белое…

– Белое – к мясу? Ну, девчонки, вы совсем с ума сошли. Красное несите! Только красное. Белое потом, к рыбе.

Распорядившись, молодой человек приложился к небольшому кувшинчику с вином, который с некоторого времени

держал под рукою – утолять жажду. Неплохое оказалось вино… уммм… очень даже хорошее.

– Хотите вина, месье Бади?

– Вина? А можно?

– Нужно, господин антиквар! А ну, подставляйте-ка кружку.

Вот такая жизнь Александру нравилась – шеф-повар, это вам не какой-нибудь там мажордом, это – величина! Важность!

– Так, что там клиенты? Ну, в смысле – хозяева? Закончили кушать? Так несите сладкое… быстрее, быстрее, девчонки! И не забудьте вино… теперь уж любое…

– Разбавлять заранее, господин?

О! Уже – господин. Уважают!

– Не стоит. У них там кувшин с водой есть – сами разбавят.

Вино тут все почему-то разбавляли водой, вот уж точно – психи! Сам-то Сашка, не будь дураком, хлебал неразбавленное – шеф-повару именно так и положено.

– Ну, что там? Доели? Пойду, взгляну…

Вслед за служанками Александр, не торопясь, подошел к беседке, встал, важно скрестив на груди руки.

– А, Рус?! – довольно кивнул хозяин. – Что ж, ты куда лучше, чем покойный Электиус. Мне очень понравилась твоя стряпня… да и госпоже тоже.

– И нам! – хором закричали детишки. – И нам тоже по-

нравилось.

Молодой человек молча, с достоинством, поклонился.

– С этого времени ты будешь жить в доме, – милостиво распорядился Нумиций. – В каморке для слуг.

Александр снова поклонился: в каморке так в каморке, все же лучше, чем в вонючем сарае на заднем дворе. Да вообще – отлично! Уж тут-то куда как легче будет кое-что разузнать. Одно лишь тревожило – не зачморили бы Ингульфа… хотя, конечно, этого парня трудно было бы зачморить, но ведь он теперь оставался, по сути, один, без всякой поддержки, – а уж эта кривоногая гнида Миршак уж не упустит случая… А, впрочем, пусть только попробует! И все же, все же нужно вытаскивать силинга на кухню… скажем – рубщиком мяса. Вполне достойная профессия.

Она прислала служанку, не Кассию, другую – чернокожую карлицу. Александр как раз продумывал меню на завтра, время от времени поглядывая на быстро темнеющее за узеньким оконцем каморки небо, на полнеющую луну, на звезды. Наверное, неплохо бы завтра сделать шурпу… Вот только чем заменить томатную пасту? Соусом из базилика, шалфея и оливкового масла? Может быть, может быть…

Кто-то царапнулся в дверь – карлица:

– Госпожа желает видеть тебя.

Молодой человек улыбнулся – ну конечно, а как же иначе? Желает… недолго же Феодосия оставалась холодной… ско-

рее, и вовсе не оставалась, лишь делала вид, играла, словно актриса бездарного водевиля.

Саша поднялся с ложа:

– Желает? Веди!

А почему бы и нет? Тем более что хозяин, прихватив с собою самых верных слуг, еще после полудня отправился в город… или куда-нибудь еще, в общем, отправился, так что ситуация, можно сказать, благоприятствовала эротическим грезам любовников, хотя, конечно, во всем этом присутствовал некий элемент опасности – стукачи-с! – тем не менее добавлявший лишь пряного вкуса в бурлящий котел желаний… со стороны Александра – не только плотских: он очень хотел поподробнее поговорить с Феодосией, женщиной, несомненно, образованной, умной, наверняка закончившей какой-нибудь европейский университет, что-то типа Сорбонны или тому подобное. Во время прошлой – чересчур уж бурной – встречи так и не удалось ее ни о чем выспросить, а вот сейчас… сейчас, как видно, настало такое время.

Хозяйка ждала его в просторном зале, вовсе не напоминающем спальню – поддерживающие крышу колонны с капителями в виде переплетенных листьев, невысокие полки с бумажными – или папирусными? или пергаментными? – в общем, с какими-то антикварными свитками, в которых уж наверняка больше смыслил бы месье Альфред Бади, нежели Александр Иваныч. Стены покрывали росписи на ми-

фические темы – Саша узнал Одиссея, Троянского коня, Ахилла с Гектором – мраморный пол с инкрустацией, не был покрыт циновками, и это придавало помещению официально-холодный вид, несколько смягченный тускло горящими светильниками, кажется, золотыми или начищенными до блеска медными. На низеньком столике в середине зала стоял высокий серебряный кувшин, кубки, золотое блюдо с орехами и прожаренным в оливковом масле хлебом, напротив столика буквой «П», по римской традиции, располагались обеденные ложа, на одном из них – среднем, средь небрежно разбросанных подушечек возлежала сама хозяйка, накрашенная, но с распущенными по плечам волосами. Всю одежду ее составляла белая туника, соскальзывающая с левого плеча, так, что почти полностью обнажалась грудь. Изящная золотая цепочка на шее, изысканные браслеты… часы? Нет, тоже браслет…

– Звали? – войдя, молодой человек сдержанно поклонился и, повинуясь повелительному жесту, уселся на ложе рядом с хозяйкой.

Томно улыбнувшись, женщина взяла Сашу за руку:

– О, Александр… Как я жаждала твоих греховных объятий! Обними же меня скорее… иди сюда!

Сашка, конечно, подумывал о стукачах и возможной опасности затеваемого действа, однако в данный момент не придавал этим своим мыслям особого значения, в конце-то концов, Феодосия, верно, знала, что делает, и вряд ли пошла бы

на откровенный риск.

– Ах…

Махнув на все рукой, Александр уже принялся ласкать упругую грудь любовницы, затем крепко поцеловал женщину в губы, прижал к себе, чувствуя, как трепещет гибкое, жаждущее любовных услад тело…

Сорванная туника неслышно упала на мраморный пол, Феодосия застонала, закусила губу, выгнулась…

С расписных стен скалились сатиры, наяды… и Плеяды…

– Как ты прекрасна, моя госпожа! Тю э манифик, мон амур!

Александр нарочно высказался по-французски, ожидая, что и Феодосия поддержит разговор на том же языке, а на каком же еще, здесь, в Тунисе, она еще могла разговаривать?

Однако, нет, хозяйка все же предпочитала латынь. Даже поправила:

– Фи, Александр! Надо говорить – «амор», а не «амур», как обычно произносят какие-нибудь вандалы. Впрочем, ведь и ты тоже варвар… извини, если обидела.

– Ничего, – Саша погладил женщину по спине. – Мы все здесь немного варвары.

– А вот это ты верно заметил! – Феодосия неожиданно расхохоталась. – Все мы – лишь осколки былого величия Рима. Император Валентиниан – тряпка, лишь смешная пародия на величественных августов древности… не такой уж и седой древности, не столь уж и далекой… О, как хотелось бы

мне жить в те времена! Когда империя была сильна, а божественная власть императора, пусть даже языческая власть, сияла, как солнце!

Саша потянулся к кувшину, наполнив кубки вином. Пошутил:

– Мы с тобой, как Антоний и Клеопатра.

Феодосия повела плечом:

– О, не говори так – все ж не хотелось бы мне повторить судьбу царицы Египта.

Молодой человек улыбнулся: ага, Антония и Клеопатру она знает, значит, помнит и знаменитый фильм…

– Все же как играла Элизабет Тейлор! Да и вообще, в те времена умели снимать настоящее кино…

Как «кино» по латыни, Александр не знал, подозревал только, что вообще – никак, потому сказал по-русски. Особого внимания на его слова женщина не обратила, лишь пригубила вино. Рубиновые капли упали на грудь – Саша тут же высушил их губами.

Женщина вновь напряглась, томно смежив веки.

– Может быть, поставим какую-нибудь музыку? – переходя к любовным ласкам, прошептал молодой человек. – «Энигму» там, Черроне…

– Музыка? Ты хочешь, чтоб я кликнула музыкантш и певуний?

– Нет-нет, достаточно просто си-ди…

И снова Феодосия не обратила никакого внимания на сло-

ва Саши. Лишь, тяжело задышав, прижалась к любовнику грудью:

– Ах, друг мой… Какой ты неутомимый… ах…

Как же ее разговорить-то, черт побери?

И снова ухмылялись наяды, сатиры, помахивая хвостами, завистливо скалили зубы, и женщина – красавица-сектантка с явно промытыми мозгами, обворожительно-чувственная сильфида эротических грез – стонала, в наслаждении закатывая сияющие сапфиры очей.

– Расскажи мне про свою страну, – отпив вина, тихо попросил Александр. – Какой город тебе больше нравится? Карфаген?

– Карфаген, да, – Феодосия улыбнулась. – А еще – Триполитания, я же родом оттуда. Отец торговал пшеницей, у него было шесть зерновозов, представляешь, целых шесть «круглых» торговых кораблей!

– Да, он был богат, твой отец.

– А потом все пошло прахом – нападения пиратов, долги и все такое прочее.

– Пираты? Он что же, торговал где-то в районе Сомали?

– И тут подвернулся этот Гай Нумиций, всадник. Он тогда командовал отрядом варваров, прибыл на помощь, подавлять бунт диких племен пустыни. Предложил мне руку и сердце… – Феодосия закусила губу, едва не до крови, и, тяжело вздохнув, продолжала: – Я его не любила, нет… И сейчас не люблю. Но это все же лучше, чем уйти в мона-

стырь. Супруга аристократа… Эх, если б не эти проклятые времена! Многие надеются, что империю… да хотя бы провинции… спасет свежая кровь – варвары: аланы, свевы, вандалы… Клянусь посохом Святого Петра, я в это не очень верю. Да, империя притягательна для всех, варварские народы хотят жить в империи, хотят жить, как живут в империи, хотят сами быть империей! И это им удастся. Только вот где потом очутимся мы – последние осколки некогда знатных и могущественных родов? И дети… мои дети, Авл и Анна – что с ними будет лет через двадцать? Аланы и вандалы защитят Африку? Ага… их же самих потеснили готы!

А ведь она, вне всяких сомнений, образованна! Ишь, как чешет… прямо как в учебниках: готы, вандалы, аланы, империя. Получила историческое образование? Магистерскую степень? Очень может быть… да так и есть, наверное… Тогда… Почему же не говорит по-французски? По-английски? Не хочет?

– А что вы скажете о Карле Великом, моя госпожа?

– О… Карле? Странное имя… оно германское?

– Да… были такой народ – франки.

– Франки? Те самые, что поселились в Галлии?

– Ну да, они самые.

Феодосия пригладила волосы. Легкая улыбка тронула аристократически тонкие губы:

– А знаешь, ты не такой тупой, как я думала!

Тупой?

Саша даже не обиделся… уж кто бы говорил-то!

– Я бы даже сказала – ты умный, – шепотом продолжила женщина. – Ты умный… и это плохо.

– Плохо? Почему плохо?

– Варвару… тем более – рабу, нельзя быть слишком умным.

– Может быть, просто нельзя показывать свой ум?

Феодосия приподнялась и посмотрела Сашке в глаза:

– Я же и говорю – ты слишком умный. Слишком много выспрашиваешь, сам же не рассказываешь ничего. Собрался в побег? А ну, признавайся.

Молодой человек пожал плечами и как можно более искренно расхохотался:

– Если б хотел – давно бы меня здесь не было.

– Что же тебя держит? – разливая по кубкам вино, ухмыльнулась хозяйка. – Я? Или, может быть, моя служанка, Кассия?

Черт… да, эта женщина вовсе не дура. Все знает! Ну, еще бы… на собственной-то вилле. В секте то есть…

– А почему вы не купите себе грузовик? И вообще, я у вас автомобилей не видел…

Слова «грузовик» и «автомобили» Александр произнес по-французски.

– Нет, правда… Я понимаю, конечно, вера, секта и все такое – экологически чистые продукты, отказ от телевидения и прочего… но от грузовиков-то – зачем? Уж так-то не нужно

с ума сходить.

Где-то рядом, за дверью, вдруг послышались шаги, мягкие, острожные, словно бы кто-то крался.

Александр непроизвольно напрягся.

– Успокойся, – повысила голос хозяйка. – На вилле остались только верные мне люди… остальным я сумела укоротить языки.

Неслышно отворилась дверь – желтое пламя светильников чуть качнулось от сквозняка, и по потолку, по разрисованным фресками стенам пробежали темные тени – словно бы сатиры с наядами вдруг пустились в пляс.

Послышался свистящий шепот:

– Госпожа… Хозяин вернулся и вскоре будет здесь.

– Благодарю, Каледона, – Феодосия вовсе не выглядела испуганной, наоборот, вела себя так, будто ничего особенного и не случилось. Неспешно оделась, с улыбкой чмокнула любовника в щеку: – Возвращайся к себе. Кстати, супруг мой в восторге от твоего поварского искусства. Мне ты тоже угодил… во всем.

Работа на кухне, тем более – в качестве шеф-повара – конечно же давала куда больший доступ к информации – слухам и сплетням, нежели тупое строительство стен. Однако и здесь особых сдвигов не было, вот уже прошло около трех месяцев с того момента, когда Александр Иваныч очутился в секте – будем пока так называть – а все ж до сих пор плен-

ник… или – узник? толком и не выяснил – где он? Кто все эти люди – тот же Ингульф, Нумиций, Феодосия? Обо всем этом молодой человек, увы, мог только догадываться, предполагать с большей или меньшей степенью уверенности.

И этот еще, «поваренок» – месье Альфред Бади, антиквар из Суса… Четыреста тридцать восьмой год… Нет, ну надо же такое придумать! Хотя, с другой стороны, если иметь в виду вот эту отдельно взятую виллу – очень на то похоже. А ничего другого Саша давно уже и не видел, если не считать того города… тоже вполне даже средневекового, или, лучше сказать – древнего.

А в общем-то, наверное, прав был старик антиквар – не так уж и плохо здесь было. Хобби вдруг стало профессией, никто теперь к Саше не придирался, не хамил, да еще и, опять же, Феодосия… и Кассия – о ней молодой человек тоже не забывал, особенно переселившись в отдельную комнатушку.

Что же касается побега… то и здесь Александр кое-что надумал. Нужны были деньги – лучше еврики или доллары, но сгодились бы и местные тунисские динары. Нанять лодку! Даже парусную рыбацкую фелюку – их тут было во множестве. Нанять и добраться до уж точно цивилизованных мест – в тот же город Тунис или Бизерту, в Сицилию, наконец! Документов, правда, нет никаких – это плохо. Так что лучше оставаться здесь, в Тунисе, в смысле – в стране. Отыскать своих чертей-киношников – они-то наверняка считают кас-

кадера утонувшим. Наверняка…

Вообще-то уже могли и закончить съемки, уехать… не очень-то хорошо, ежели так. Опять же – документы… Ну, если что не так – заявиться в посольство России, на рю Бергамотов, уж придется, уж никуда не денешься.

Поспешить? Или же подсобирать еще информации? Хорошо бы, конечно, напарника… того же Ингульфа – как раз с ним и поговорить, господин антиквар вряд ли на такое рисковое дело сподвигнется, тем более старик не совсем нормальный… впрочем, тут все – сдвинутые. Одно слово – сектанты!

Саша поймал Ингульфа перед самым закатом, сразу же после скудного ужина. Обнял осунувшегося парня за плечи:

– Пойдем!

– Куда? – тут же, откуда ни возьмись, подскочил кривоногий хмырь Миршак. Ухмыльнулся: – Я теперь на строительстве – главный. Хозяин так приказал – господин.

Ох, с какой гордостью и чванством он произнес эту фразу! Словно бы отрекомендовался лучшим дружком Абрамовича или, уж, по крайней мере, капитаном его яхты. «На строительстве – главный!» – тьфу!

Саша не стал спорить – главный и главный – лишь, скромно потупив глаза, спросил:

– А в морду?

– Куда-куда? – не понял поначалу кривоногий.

– Тресну, говорю, сейчас вот тебе по харе – до самых ворот покатишься, – с любезной улыбкою охотно пояснил молодой человек. – Ингульфа я с собой забираю – чистить котлы.

– А…

– А завтра он, так и быть, явится… Забор ваш поганый строить. Ну! Пошли, парень!

Первым делом Александр накормил приятеля ужином, настоящим ужином, не тем жиденьким варевом, какое давали рабам. Остатки шурпы, Саша сделал-таки шурпу, заменив томатную пасту собственного изобретения соусом, в меру пряным и острым.

Ингульф ел жадно и быстро, только что не чавкал. Не то чтобы он сильно исхудал – таким ведь и был, поджарым, тощим… Только вот огонь в глазах угас, то ли парень смирился со своей участью, то ли что-то еще с ним произошло не очень хорошее.

– Миршак, – поев, неохотно признался юноша, видать, не привык жаловаться на проблемы. – Наушничает. Подбивает против меня остальных, своих подпевал – а они уж вредят, как могут. И, главное, исподтишка, не напрямую! Старик Василин, вилик, уже на меня косится – чувствую, скоро пройдется по моей спине плеть надсмотрщика.

Парень передернул плечами и, оглянувшись по сторонам, прошептал:

– Помоги мне бежать, друг Александр!

Молодой человек усмехнулся:

– Я и сам с тобой убегу.

– Ты?! – Синие глаза подростка вспыхнули, как волны в лучах внезапно вынырнувшего из-за плотных облаков солнца. Похоже, Ингульф до конца не верил…

– Но… у тебя ведь и здесь все хорошо… – юноша вдруг поморщился и улыбнулся. – Нет! Не все! Спокойная жизнь не для воина, не для вождя! Я давно уже догадался – в своем племени ты был хевдингом, морским вождем. Скажешь, не так?

– Ну… – Сашка скромно потупился – он и в самом деле не знал, что на это ответить. Чуть погодя сообразил: – Ну, вообще-то, я умею управляться с парусами.

– Я так и думал! – Ингульф встрепенулся, позабыв о еде. – Мы еще с тобой повоюем, дружище! Еще познаем ратную славу, еще…

– Тихо, тихо! – молодой человек настороженно обернулся, услыхав рядом, во дворе, какой-то шум. Чьи-то приглушенные голоса, шаги, звон – оружие? золотые монеты?

Стемнело уже, и полнеющая луна, сверкая медными щеками, висела над сараем, а рядом с ней ярко сверкали звезды. Друзья-приятели засиделись, и в общем-то Ингульфу было давно пора возвращаться в барак… под страхом наказания. А впрочем, скорее всего, он и так будет наказан, о чем крас-

норечиво свидетельствовал ненавидящий взгляд Миршака, брошенный этим кривоногим хмырем на прощанье.

Парень это тоже хорошо понимал и быстро поднялся:

– Мне пора.

– Да… постой, – вглядываясь в темноту, Александр придержал приятеля за плечо, горячее и худое. Прошептал: – Кто-то ходит по двору… как у себя дома. Переждем от греха!

– Переждем, – согласно кивнул Ингульф, и оба затаились.

По двору мелькали какие-то тени, тащили за услужливо распахнутые ворота мешки, на что охрана никак не реагировала… Саша сообразил, почему, лишь услыхав знакомый голос хозяина, всадника Нумиция Флора.

– Передайте вождю – в следующий раз сто денариев будет мало! Одна Веризия стоит куда больше – думаете, так легко было отправить их воинов на побережье? Глупцы… надеялись поживиться.

– Но ведь вышло же!

– Выйдет и еще раз… только Арбаччья будет стоить двести! Да-да, так и передайте. В конце концов – это торговое селение, довольно богатое.

Странные речи… Похоже, хозяин виллы рассчитывался с торговцами. Но почему ночью, под покровом темноты?

Арбаччья – торговое селенье. А Веризия?

– Так называлась та деревня, которую совсем недавно сожгли разбойники-готы, – тихонько пояснил Ингульф.

Надо же… А он-то это откуда знает?

Парнишка пошевелился… и неожиданно уронил прислоненный к стене противень – здоровенный и звеняще-медный… Не то что вышел такой уж оглушительный грохот, так, едва гримнуло… однако в тишине…

– Бежим, – Александр быстро ткнул приятеля кулаком в бок. – В сад, кусточками…

Так и сделали – и тотчас же! Юный вандал оказался понятливым и лишних вопросов не задавал: секунды – и лишь зашуршала трава.

– Кто здесь? – Нумиций тревожно повысил голос. – Кажется, это где-то на кухне. Эй, слуги, обыщите там все!

– Да, господин…

Несколько секунд тишины. Потом резкий крик и грохот – кто-то из слуг споткнулся об упавший противень.

– Господин, здесь никого нет!

– Никого нет? Но ведь противни сами не падают! Проверьте нового повара – у себя ли?

Новый повар оказался у себя. Храпел себе спокойненько, укрывшись циновкою, и был очень недоволен вторжением:

– Кто тут? Слуги?! Какого черта ворвались ко мне? Сейчас вот возьму палку да хорошенько вас проучу, а еще – обязательно сообщу обо всем господину! Безобразие! Ночью спокойно спать не дают честным людям!

Еле угомонился. Так ведь правда и есть – совсем обнаглели бездельники.

Утром – точнее сказать, уже ближе к обеду – Саша не пре-

минул пожаловаться заглянувшему на кухню хозяину.

– Спать по ночам не дают? – рассмеялся тот. – Ничего, раб, мне тоже сегодня не дали. А ты, значит, находился в своей каморке?

– А как же, мой господин. Спал.

– Поня-а-атно… Твой помощник старик тоже спал… А вот что же касаемо других…

Последнюю фразы Нумиций пробормотал уже отходя, себе под нос, но повар все же расслышал и озаботился. Отсутствие Ингульфа в бараке вполне могли заметить. А могли и не заметить, все зависело от степени усталости невольников.

– Что сегодня будем делать, месье Александр? – отвлек от тревожных мыслей старик Альфред Бади.

– Сегодня? – Саша задумался. – Сделаем-ка седло барашка под луковым соусом с белым перцем, с шафраном, кинзою и чесноком. А на десерт наварим медовых полосок. Да, так и поступим… Не стойте же, друг мой – подайте-ка вон тот поднос.

И снова задымил очаг, зашкворчали на углях противни и глиняные горшки с крышками, и пряный запах готовящихся яств унесся высоко-высоко в выгоревшее бледно-синее небо. Сухой знойный ветер – сирокко – приносил горький запах полыни и красную песчаную пыль, слава богу, он быстро сменился свежим морским бризом.

Поглощенный любимым делом, Александр совсем позабыл о ночном происшествии, да и какое дело было ему до

всего этого? Никакого. Именно так и рассуждал Саша… и, как оказалось, напрасно.

Какую-то всеобщую нервозность он ощутил почти сразу же после полудня. Слуги и служанки перешептывались, перемигивались, и все, казалось, чего-то ждали, ждали в нетерпении, как раньше, еще в советские времена, хорошего фильма – именно так Александр охарактеризовал бы эту нервозность: все находились в предвкушении зрелища. Даже дети – Авл с Анной – прибежав на сладкое, тут же и унеслись куда-то на задний двор, а не сидели, как обычно, на лавочке, свесив ноги.

– Что там такое, месье Бади? – уже ближе к вечеру оторвался от горшков Саша, заметив, что все слуги вокруг вдруг исчезли – лишь с заднего двора доносился какой-то гомон… потом и он утих. – Посмотрите, когда будете выносить помои…

Старик явился обратно гораздо раньше, чем ожидал Александр. Смуглое лицо его казалось взволнованным.

– Ну, что? Что там такое? – обернулся молодой человек.

– Там… там бьют вашего юного приятеля вандала.

– Ингульфа?! – Александр взял в руки шкворень. – Пошли! Покажешь. Где и кто бьет?

– На заднем дворе. По приказу хозяина, так что эта железная палка вам вряд ли поможет…

– Но и лишней, наверное, не будет, – прибавляя шаг, нехо-

рошо скривился повар.

Широкая, обсаженная невысокими кустиками площадка на заднем дворе была полна народу. На специально принесенных скамеечках – хозяин с хозяйкой и детьми, – сразу за нами стояло двое чернокожих слуг с опахалами – свободные от службы охранники, служанки, даже рабы, все они пялились на деревянные козлы, к которым был привязан… Ингульф! Все спину несчастного парня, всего изумрудного змея, пересекали кровавые полосы, а палач – здоровенный верзила с кнутом, – похоже, только еще начал свое гнусное дело. Собравшиеся подбадривали палача выкриками:

– А вот, вдарь-ка ему, Махди! Покажи, как бьют у вас в пустыне!

Удар!

Ингульф дернулся, до крови сжав губы… Лежал молча, не кричал, лишь вздрагивал при каждом ударе да жмурил глаза…

Александр не думал. Он прикидывал – с какого расстояния метнуть в палача шкворень. Вот прямо сейчас, либо стоит подойти ближе…

– Хватит! – хлопнув в ладоши, неожиданно распорядился хозяин. – В эргастул его. Ну? – он поднялся с лавки. – Что столпились? Госпожа сегодня уезжает в город с детьми… Быстро собрать все в дорогу!

Ингульфа утащили в эргастул – каменное приземистое

строение в дальнем конце двора, тюрьма для непокорных невольников – и потерявшая всякий интерес толпа быстро расходилась…

– Но… я вовсе не собиралась никуда ехать, милый? – Саша услыхал возмущенный голос Феодосии. – Тем более – с детьми.

– Так надо, моя дорогая, – не терпящим никаких возражений тоном заявил Нумиций. – Я настаиваю на вашем отъезде. В море, совсем неподалеку, видели целый флот готов. Серые паруса. Думаю, это те разбойники, что сожгли соседнюю деревню. Теперь они вернулись опять.

– Господи, опять разбойники! – хозяйка перекрестилась. – А как же вандалы с аланами? Что пользы от этих новых федератов?

– И вандалы, и разбойники готы – варвары. Что, кто же мешает им договориться? Прошу тебя, поспеши, дорогая. Ради наших детей – поспеши.

Феодосия, по-видимому, убежденная мужем, больше не возражала и, взяв за руки детей, быстро пошла в дом.

Александр же отнюдь не торопился обратно на кухню. Отошел за дерево, прижался к стволу… ждал, высматривая кривоногую фигуру Миршака.

– Ты что здесь прячешься?

Черт! Заметили! Девичий голосок… Повар резко обернулся:

– Кассия! Куда-то спешишь?

– Еду с госпожой в город, – девчонка горделиво вскинула голову. – Правда, хозяйка собиралась уехать в пятницу, но раз уж тут объявились безбожные разбойники готы…

– Безбожные? Эти готы что же, язычники?

– О, куда хуже! Они еретики-ариане. Такие же, как и твой дружок… знаешь, за что его сегодня побили?

Александр скрипнул зубами:

– Интересно, за что же?

– Он добавлял в кирпичи слишком мало глины… делал почти из одного песка – вот они и разваливались. Если б не десятник Миршак…

Ах, эта сволочь уже десятник? Ладно…

– Кассия! Кассия! – на крыльцо вышла хозяйка. – Да где ж черти носят эту девчонку? Кассия!

– Я здесь, госпожа, здесь! Уже иду. Прощай, милый Рус… – оглянувшись, девушка быстро поцеловала Сашу в губы. – Надеюсь, я скоро вернусь.

Молодой человек улыбнулся:

– Я тоже надеюсь!

Значит – Миршак! Ингульф, между прочим, честный работник и вряд ли бы стал тут что-нибудь саботировать… значит, его подставили, подставил Миршак… зачем? Только ли из злобы? Впрочем, этот может и из одной злобы, вполне, сволочуга та еще!

Вот его и спросить… с пристрастием…

Александр покрепче сжал в руке шкворень.

– Эй, эй, месье! – с кухни уже махал руками старик антиквар. – Вас ищет хозяин. Велит срочно зайти, хочет распорядиться насчет завтрашних блюд.

– Насчет завтрашних блюд? – Саша положил шкворень обратно. – Ладно, сейчас зайду…

Заодно, может быть, удастся как-то обелить Ингульфа? Как-то облегчить его участь…

Явившись на зов господина, Александр с достоинством поклонился – усвоил уже местный этикет. Сидевший в низеньком кресле Нумиций, бросив на вошедшего быстрый, с нехорошим прищуром, взгляд, щелкнул пальцами – таким жестом имеющие самые смутные представления об элементарной вежливости нувориши обычно подзывают официантов…

Они и явились. В количестве пяти человек. Не официанты – крепкие молодые парни с ножами – охранники. Саша даже сообразить ничего не успел, как был тут же брошен на пол и связан тугой ременной петлею.

– В эргастул его! – повернув голову, сухо распорядился хозяин.

Один из воинов, по всей видимости, старший, несмело скосил глаза:

– Но, мой господин, там же уже есть один…

– Ничего, – усмехнулся Нумиций. – Пусть посидят вместе. Недолго, всего одну ночь.

Глава 9. В море!

…древо моря
скользнуло по волнам —
и помчалось;
ни разу над водами
непопутного не было
ветра плавателям.
«Беовульф»

Сентябрь 438 г. Провинция Африка

– Ингульф? – выкрикнул Александр, едва охранники захлопнули за ним дверь.

Сразу стало темно, душно, мерзко…

– Ингульф! – уже чуть тише повторил молодой человек. – Ты здесь, дружище?

Лишь слабый вздох был ему ответом.

Ага – значит здесь, в узилище – попросту говоря, в земляной яме, накрытой сверху деревянной крышкой с поднимавшимся, словно в подвале, люком – все же был кто-то еще. Не Ингульф? Но ведь если вспомнить слова Нумиция…

– Это ты, Александр? – наконец, послышался шепот. – Я… я ждал тебя… Прости…

– За что тебя простить? – Саша постепенно привыкал к

темноте, разглядев напротив себя лежащее на голой земле тело юноши.

– Миршак вызнал, что мы были тогда с тобой… – приподнявшись, негромко пояснил подросток. – Ну, когда по двору ходили какие-то люди. Я ему не говорил… но, может быть, был не очень-то осторожен… Это из-за меня тебя сюда бросили!

– О, друг мой, – вытянув ноги, расхохотался Саша. – Ты и впрямь полагаешь, что я здесь из-за этого?

– А из-за чего же еще? – Ингульф сел, обхватив колени руками. – Мы просто видели то, чего не надо было видеть…

– И слышали то, чего не надо было слышать, – тихо продолжил молодой человек. – Наверное, ты прав, дружище… Если б все дело было в Феодосии – было бы достаточно одного меня. Думаю, наш хозяин связан с пиратами…

– Он разоряет своих соседей, – согласно кивнул юноша. – Наводит разбойников, те захватывают рабов, продают… потом делятся… Не зря мы так долго строим стену!

– Ты тоже заметил? – Александр улыбнулся. – А я думал, это просто одному мне показалось. Что ж…

– Думаю, хозяин не оставит нас в живых, – шмыгнул носом Ингульф. – Казнит, и очень быстро.

– Я тоже так полагаю, – молодой человек кивнул и задумчиво посмотрел на своего собеседника, точнее сказать – на его силуэт, вырисовывающийся в полутьме душного подземелья. – Ты вообще как себя чувствуешь?

– Скоро мы оба будем чувствовать себя никак!

– Оптимист! – Саша снова расхохотался. – Я к чему спрашиваю – может, нам давно пора уже отсюда бежать? Помнишь, мы ж об этом уже говорили?

– Помню, – прошептал подросток. – Только… только это нужно было раньше делать. А уж сейчас…

– А сейчас – как раз самое время, тебе не кажется?

– Кажется, – Ингульф усмехнулся. – Только – как? У нас мало времени.

– Вот и я о том. Надо немедленно что-то придумать.

– Для начала хорошо бы выбраться из этой чертовой ямы!

Александр поднялся на ноги и, подняв руки, попытался дотянуться до люка… Тщетно! Там было метра два с половиной, а то и все три…

– А ну-ка, забирайся ко мне на плечи, дружище Ингульф. Сможешь?

– Запросто.

Саша уперся руками в земляную стену узилища, и молодой вандал ловко забрался к нему на плечи.

– Ну? – нетерпеливо поднял голову Александр.

– Не поддается… Видать, снаружи заперто. Хотя! А нука…

Юноша зашатался на плечах Саши, напрягся изо всех сил… Что-то скрипнуло, и в жаркую полутьму ударил узенький солнечный лучик, нежный и дрожащий вестник надежды.

– Приперто каким-то тяжелым камнем, – шепотом пояснил Ингульф. – Едва сдвинул.

– Попробуй еще… приподними, посмотри в щелочку. Тсс!!! Что там за шум?

– Слуги тащат корзины… с ними воины…

– Слезай! – быстро распорядился молодой человек. – Только осторожно, чтобы крышка не хлопнула.

Ингульф спрыгнул на земляной пол бесшумно, словно рысь. И тут же послышался слабый стон – парень не смог сдержаться.

– Ты вообще-то сможешь ли идти, парень? – настороженно поинтересовался Саша.

– Смогу, клянусь Воданом и посохом святого Петра! – с надрывом промолвил подросток и, чуть помолчав, добавил: – Тем более, другого выхода у нас нету.

Вот уж в этом он был прав. Александр больше не тратил время на разговоры – думал, время от времени произнося наиболее интересные мыслив вслух:

– Наверное, лучше дождаться наступления темноты… Эта яма – она явно не рассчитана на двоих… на таких, как мы с тобой, дружище Ингульф. Мы ведь отсюда выберемся, обязательно выберемся, парень. Вопрос в другом – куда потом бежать?

– К морю, – без всяких раздумий отозвался юноша. – Куда же еще?

– А ты сам-то вообще где раньше жил?

– Я ж говорил – в Цезарее.

– Это далеко?

– Не близко. Тем более все мои родичи… я даже не знаю, где они сейчас. Проклятые готы явились внезапно, убили почти всех… я сражался.

Готы… родичи… Саша только фыркнул – не стоило сейчас забивать голову всяким бредом.

– Значит, идти нам некуда. Ладно – пойдем к морю, а уж там… хорошо бы захватить рыбачью лодку.

Ингульф неожиданно рассмеялся, причем – довольно громко.

– Ты чего? – удивленно воскликнул Александр.

– Да так… Нам бы для начала выбраться из этой проклятой ямы!

– Выберемся… А ну, давай, заберись-ка еще раз! Тот камень… он очень тяжел?

– Очень, – честно признался юноша. – Боюсь, я просто не смогу с ним справиться. Не хватит сил.

– Посмотрим… Ну, что ты стоишь? Залезай же!

И снова шершавые пятки вандала уперлись в Сашины плечи, Ингульф поднатужился…

– Нет… никак… лишь чуть-чуть удается…

– Да я чувствую… Нет, нет, не слезай! – молодого человека вдруг озарила одна замечательная мысль. – Крышка, она какая, деревянная?

– Да, так. Сколочена из досок.

– А ну-ка, попробуй оторви парочку.

– Доски?

– Да, да, доски же!

Сверху послышался скрежет, на голову Саше посыпался какой-то мусор…

– Ну, как?

– Не идет… Вот что – я сейчас на ней повисну, на это доске, а ты тяни меня за ноги.

Так и поступили. Ингульф ухватился обеими руками за доску, Александр от души потянул его за ноги… раздался треск – и узники повалились наземь.

Произведенный шум показался Саше оглушительным… хотя, скорее всего, снаружи вряд ли его было слышно. Нет, похоже, никто к яме не подходил… пронесло?

– Эй, Ингульф… Ты как?

– Сносно. Только сильно плечом ударился.

– А доска? Оторвал?

– Да, вон она. Тут где-то валяется.

Опустившись на коленки, Саша пошарил руками… ухватил занозистую доску, крепкую, толстую, такую, какую и нужно было. Что и говорить, эргастул мастерили на совесть, точнее сказать – на века.

В ожидании темноты узники немного вздремнули, потом Александр еще раз повторил приятелю свой план, убедившись, что тот все точно понял.

Сверху доносились какие-то отдаленные голоса, ругань,

потом все стихло.

– Пора, – Саша тихонько тряхнул Ингульфа за плечо. – Ну, полезай, парень.

Вандала не нужно было упрашивать, миг – и он уже стоял на плечах Александра. Наклонил голову, упираясь плечами и шеей в тяжелую крышку люка. Поднатужился… чуть приподнял… просунул в отверстие доску.

– Как там, темно? – шепотом спросил молодой человек.

– Темно, – так же шепотом отозвался Ингульф. – Думаю, уже можно.

И навалился, повис на доске, используя ее как рычаг. Еще, еще, еще…

– Помоги…

– Ну, тогда держись крепче!

Александр ухватил парня за ноги и с силой потянул. Над головой что-то громыхнуло, и показалось, будто бы повеяло ночною прохладой… Нет! Не показалось! Подняв глаза, Саша тихонько засмеялся – сквозь распахнувшийся люк с неба в узилище щурились желтые звезды.

– Все хорошо, тихо, – повиснув на руках, сообщил Ингульф. – Я сейчас выберусь… ой! А как же ты?

– Сыщешь какую-нибудь веревку, жердь… Мы ж договаривались, забыл?

– Ах да…

Подтянувшись, парнишка ловко выбрался из ямы и исчез, тихо прикрыв за собой люк. Именно так и планировал Алек-

сандр, но, однако, сердце его все-таки екнуло. И время потянулось медленно-медленно, словно в кресле у зубного врача в далеком детстве. Впрочем, не в столь уж и далеком – не такой Саша еще был и старый. Двадцать восемь… нет, уже – двадцать девять лет, – как говорил Карлсон – мужчина в самом расцвете сил.

Черт… Где же этот Ингульф? Что же так долго-то? Предал? Бросил? Да нет – парень вряд ли способен на такую подлость. Тогда почему задерживается? Попался?! Очень может быть…

Наверху послышались крадущиеся шаги, люк распахнулся, и вниз, в яму, упал длинный шест – перекладина от корабельной мачты или что-то подобное – такие во множестве валялись на заднем дворе.

Узник поплевал на руки и в три приема выбрался наружу:

– Быстрее, Саша!

Что такое?

– Месье Бади? Вы-то как здесь очутились?!

– Тсс! Прошу вас, не говорите громко!

– А где Ингульф? Что вы хлопаете глазами? Где парень?

– Тсс! – антиквар приложил палец к губам и испуганно осмотрелся. – Давайте скорее уйдем отсюда… вон, хоть к беседке.

– Но Ингульф…

– Он в сарае… Там Миршак.

– Миршак?

– Да… кажется, он выследил вас.

– Эх, месье Бади! Что же вы тут резину-то тянете? Бежим к сараю.

В темном высоком небе сияли звезды, и похудевшая луна смутно отражалась в пруду мерцающей узкой дорожкой. Александр и едва поспевавший за ним антиквар, прячась в тени деревьев, подкрались к длинному приземистому сараю, используемому хозяином для различных надобностей – именно туда, кстати, и складывали награбленное добро, вернее, ту ее часть, что предназначалась Нумицию. А ведь неплохо устроился, гад! Пираты его владения не трогают, наоборот – даже прибыль от них, только вот… только вот – подло все это! Соседей своих закладывать – не по-людски! Он же ведь христианин, этот Нумиций, а чем занимается? Одно слово – сволочь, типа вороватых российских чиновников. Гнида гладкая.

– Месье Александр… Кажется, там они! – подбежавший антиквар отдышался, показывая рукою, да Саша и сам уже услыхал какой-то приглушенный шум за распахнутой створкой тяжелой двери.

– Ха! Мальчишка! – угрожающе кричал Миршак – кто же еще-то? Кричал нарочито громко – уж ему-то некого было бояться… в отличие от Ингульфа. – Я мог растоптать тебя, понимаешь? А могу… могу и поспособствовать кое-чему… Ты сам видел – на вилле мне доверяют. Быть может, я и сам

скоро стану виликом, вместо старого черта Василина – тот же не вечен. О, мальчик мой, ты когда-то отверг мою дружбу… – кривоногий похотливо засмеялся. – Так вот, я вновь предлагаю ее тебе! Станешь моим любовником – и не будешь знать отказа ни в хорошей еде, ни в спокойной, необременительной службе. Поставлю тебя охранять дальнюю башню, там хорошее место, спокойное… Ну, иди же ко мне, иди…

– Но, господин Миршак… – голос юноши звучал как-то подозрительно плаксиво. – Я же приговорен!

– А ты вали все на своего бывшего дружка, этого дылду! – шумно дыша, Миршак снова расхохотался. – Вот сейчас… нет, не сейчас, милый мой, чуть погодя… мы с тобой пойдем к вилику, сообщим о готовящемся побеге! А утром хозяин тебя непременно простит, а этого длинного похотливца – казнит, как и собирался. Кстати, знаешь, какая вам обоим уготована казнь?

– Какая же?

– Вас сначала кастрируют, а потом снимут с живых кожу… Так и оставят – умирать в муках!

– Но… – голос Ингульфа дрожал. – Это же не по-христиански!

Кривоногий хмырь ухмыльнулся:

– Между нами говоря, наш господин иногда ведет себя, как самый закоренелый язычник! Ну, иди же сюда, милый мой… Ах, какая у тебя нежная кожа! Что дернулся? Спина болит? Ах да, тебя ж били… И поделом – впредь не связы-

вайся со всякими гнусами!

– Это кто гнус? – Александр решил, что настала пора вмешаться.

– Что? – Миршак – гнусная ухмылка его была хорошо видна в свете луны и звезд – обернулся. Глаза его округлились… сейчас закричит, позовет на помощь! Хм… если успеет!

Саша подкинул на руке подобранный рядом с сараем камень…

Впрочем, метнуть не успел – Миршак как-то странно дернулся, икнул… и тяжело повалился наземь, осторожно придерживаемый Ингульфом.

– Больше этот похотливый гад никому не причинит зла! – парень выпрямился и улыбнулся. – Ну, что, пошли?

Александр удивленно покачал головой:

– Чем это ты его?

Ингульф горделиво показал зажатую в правой руке металлическую штуковину, темную от крови:

– Наконечник копья. Тут таких целый мешок, можете тоже вооружиться.

– О боже! – антиквар испуганно перекрестился. – Только убийства нам и не хватало.

– А вы что же, хотели, чтобы завтра убили нас? – обернувшись, ухмыльнулся молодой человек. – Да и вообще, откуда вы здесь взялись?

– Мне не спалось… вышел во двор. Увидел Миршака – показалось, он за кем-то следил.

– Понятно. Так вы с нами, месье Бади?

– А куда ж мне теперь? – антиквар обреченно развел руками, в темных, глубоко посаженных глазах его, отражалась луна и звезды, седая растрепанная шевелюра и небольшая бородка делали его чем-то похожим на Эйнштейна.

И снова Саше показалось, что… Впрочем, сейчас некогда было предаваться воспоминаниям – не тот случай.

– Поспешим же, друзья! – оглянувшись по сторонам, молодой человек взмахнул зажатым в руке наконечником, тускло блеснувшим в призрачном свете далеких звезд. – Утром хорошо бы добраться к морю.

– К морю, к морю, – поспешая следом за беглецами, себе под нос пробурчал старик. – Впрочем, может, оно и к лучшему? Спрашивается, кого бы заставили быть поваром? И что потом?

Словно невесомые тени, все трое прокрались по обширному двору и вышли в сад, тянувшийся по склону холма почти до самой дороги.

– Осторожней, на углу должен быть часовой! – обернувшись, предупредил Александр.

Ах, вовсе не зря молодой человек все примечал на этой вилле, каждую мелочь.

– А второй – там, в беседке у южных ворот, – шепотом сообщил Ингульф. – Но под оградою есть подкоп – его устроили сами же воины, ходят по ночам к девкам, в деревню.

Однако! Саша хмыкнул – не один он, оказывается, такой вот приметливый и умный.

– Ну и где твой подкоп, парень?

– Там… за смоковницей. Тсс!!!

Беглецы замерли, услыхав, как – казалось, совсем рядом – что-то звякнуло. Кольчуга? Случайно стукнувшееся о щит копье? Часовые на этой вилле, как приметил Александр, тоже были ряженые. Как и все здесь. Придурки! Сектанты долбаные, интерпола на вас нет!

– Сюда, – проверив подкоп, тихонько позвал подросток. – Ползите за мной, бесшумно, как змеи.

– Ага, как змеи… – сварливо прошептал антиквар. – С моим-то радикулитом…

И тем не менее пополз – а куда ему было деваться?

Лаз оказался достаточно широким – еще бы, охранники копали для себя – однако вокруг шуршала сухая трава…

– Кто здесь? – вдруг послышался окрик.

Саша замер, едва выбравшись.

– Это я – Оникс. Сальве!

– Сальве и вам, – часовой тихонько засмеялся. – Что, все ж таки решились по девкам пройтись? А говорили – завтра.

– Завтра тоже пойдем, – Ингульф даже повысил голос. – Хочешь, возьмем и тебя?

– Конечно, хочу! – часовой явно обрадовался, видать, не так часто его и брали ушлые охраннички на всякие там развлечения. – Только вы это… потом не отказывайтесь. Сами

ведь предложили!

– Ладно, уговорились, – вандал рассмеялся, словно ни в чем не бывало. – Если что, сошлись на меня.

– Обязательно сошлюсь, друже Оникс. Счастливо вам прогуляться! Да… передайте там привет Виринее Капустнице. Скажите – завтра приду, пускай ждет.

– Эка ты замахнулся! Виринея!

– А чего же?! Что она, не женщина, что ли?

Никем не преследуемые, беглецы вышли на дорогу и, миновав оливковую рощицу, резко повернули на север – к морю.

– Что это за Виринея Капустница такая? – негромко поинтересовался Саша.

Ингульф шмыгнул носом:

– Какая еще Виринея?

– Да про которую ты только что говорил!

– Так это не я говорил… – резко остановился вандал. – Это тот воин.

– Ах да…

И оба – Александр и Ингульф – резко расхохотались.

– Ну-ну, – зашипел антиквар. – Угомонитесь вы…

Так вот, прямо по дороге и пошли – в ночи покуда некого было таиться. Добропорядочные обыватели наверняка спали, а недобропорядочные… недобропорядочные беглецов не пугали. Главное сейчас было – добраться до моря, отыскать лодку…

Южная бархатно-черная ночь окутывала пшеничные поля, виноградники и оливковые рощи. Пахло какими-то цветами… клевером, что ли? Ну да, сладковатый такой запах, значит – клевером… растет, интересно, тут клевер? Саша усмехнулся – наверное, не растет. А, впрочем, почему бы и нет-то?

Дорога вела точно на север, к морю, к какой-нибудь расположенной на самом побережье деревне, быть может – к небольшому городу. Почта, телеграф, мотели… Полицейский участок тоже б не помешал. Кстати, а документиков-то ни у кого из троих беглецов нету. Ладно, уж Александр Иваныч как-нибудь с властями договорится, он-то человек нормальный… в отличие от всех прочих. Ингульф… нет, парень замечательный, но… дикий какой-то. И Миршака прибил – словно курицу зарезал. Это в неполные шестнадцать. А что, спрашивается, дальше будет? Головорез, одно слово. А уж об антикваре… он, конечно, человек рассудительный, даже слишком, что, в общем-то, вполне обычно для такого возраста, но… всерьез утверждать о четыреста тридцать восьмом годе? Свихнулся старичок на почве своих антикварных вещичек! Старичок… не такой он и старичок, впрочем…

– Месье Бади, не сочтите за навязчивость… Сколько вам лет?

– Пятьдесят пять, а что?

– Да так… Можно сказать – юбилей, – Саша пожал плечами и рассмеялся. – Как вы думаете – скоро ли море?

– Я не думаю, я знаю, – антиквар скривил губы в улыбке. – Еще примерно полтора часа ходу.

– Ого! Мы так быстро идем?

– Не так уж и быстро, взгляните на небо – светает!

Александр повернул голову, увидев, как на востоке, далеко-далеко над Триполи, уже алел самый краешек неба. Не черного, ночного, усыпанного блестящими звездами, неба, а уже начинающего синеть, светлеть, голубеть – прямо вот так, на глазах, быстро.

Беглецы поднялись на холм, немного постояли, переводя дух, спустились… и вдруг услышали лай собак. Где-то впереди, не так уж и далеко, можно даже сказать – совсем рядом.

– Деревня, – замедлив шаг, обернулся идущий впереди Ингульф. – И вон… море!

Да, та чернота впереди, это было не небо, а волны. Аспидно-черные, блестящие, как антрацит, с мерцающей лунной дорожкой, они казались кожей какого-то ужасного ящера.

– Море, – снова повторил юный вандал. – Мы все же дошли!

– А ты сомневался? – Александр со смехом ткнул парня в бок.

– Я? Нет! – весело рассмеялся тот. – Просто нам помогли Иисус и Водан.

– Да уж, да уж, именно так…

– На вашем месте я бы не особенно веселился, месье, – скривился антиквар. – Лучше бы подумали – что теперь де-

лать? Ну, вот оно, море. А дальше что? Между прочим, скоро уже будет совсем светло. И вполне возможна погоня – прошу об этом не забывать!

– Да уж, забудешь тут, – Саша хмуро кивнул и посмотрел на Ингульфа. – Надо поискать лодку.

– Осторожней – собаки!

– Слышим.

Свернув с дороги, они пошли на шум прибоя. Небо на востоке уже было темно-голубым, с широкой, оранжево-золотой полосою, сверкающей предвестьем рассвета. Еще вот-вот – и за холмами покажется солнце, и все вокруг проснется – птицы, цветы, деревья и звери… и люди, само собою… Старик прав – следовало спешить!

Они отыскали подходящую лодку, наверное, через полчаса. В ряду других, лежащих на берегу килем вверх, словно огромная, выброшенная на песок, рыба. Сторожей нигде вокруг было не видно, может быть, спали, а, скорее всего, их просто не выставляли – зачем? Кому нужны столь убогие посудины? Пиратам? Жителям соседних деревень, таким же нищим? Воровать у своих же? Вряд ли… Они же просто бедняки и наверняка имеют совесть… В отличие от этого гада Нумиция!

Поднатужившись, беглецы перевернули челнок, столкнули с места…

– А весла? – Александр озадаченно почесал затылок.

– Я поищу! – тут же откликнулся Ингульф. – Они, должно

быть, где-то здесь в кустах… Ага, вот! Смотрите-ка, тут и парус!

– Парус?!!! Отлично! – обрадовался Саша. – А ну, слушай мою команду… Ингульф – оттолкнись веслом от берега… Сильнее… вот так! Месье Бади – поднимайте мачту… теперь парус… шкот… А вы неплохой моряк, месье!

Хлопнул над головой наполнившийся свежим утренним ветром парус, и тотчас же, словно специально поджидая этот момент – из-за холма показался краешек солнца. Показался, быстро вырос, растекаясь по воде расплавленным золотом…

– Смотрите-ка, кто это? – привстав на корме, Ингульф показал на берег.

С десяток всадников сломя голову выскочили на пляж, рядом с лодками, спешились… Грозили кулаками, ругались… А что им еще оставалось делать? Подхваченное ветром суденышко, набирая ход, уходило в море.

Глава 10. Это правда!

Они вступили
на борт, воители, —
Струи прилива
Песок лизали…
«Беовульф»

Осень 438 г. Провинция Африка – Средиземное море

Огромный город вставал из-за темно-голубых волн, сверкающий на солнце мрамором цирков и храмов. Раскидистые сосны, стройные кипарисы, пальмы зеленели на улицах и в садах, мощная стена из желтовато-серого кирпича преграждала путь врагам, лишний раз напоминая о могуществе и богатстве города.

Туристский центр! Грандиозный туристский центр!

Сашка откровенно радовался, перекладывая галс, еще бы – она уже была совсем рядом: свобода и привычная жизнь, киношники, друзья – совсем рядом, осталось лишь протянуть руку, точнее сказать – просто доплыть.

– Карфаген! – с какой-то непонятной гордостью произнес антиквар. – По сути, заново отстроенный город.

– Карфаген? – Александр усмехнулся. – Позвольте вам не

поверить! Если это Карфаген, то где ж тогда волнолом, мол, прогулочные яхты? Тут все больше фелюки да копии древних судов… похоже, что неплохие копии.

– Да что вы – они настоящие! – месье Бади покачал головой. – Самые что ни на есть настоящие, смею вас заверить, друг мой!

Молодой человек не обратил на его слова никакого внимания. Ага, конечно, настоящие – четыреста тридцать восьмой год! А вот сейчас прогуляемся в Тунис! До Французских ворот, по авеню де Франс, авеню Хабиба Бургиба… Многолюдные, полные туристов и машин, улицы, ничуть не уступающие знаменитым парижским бульварам, какому-нибудь там Монпарнасу или Распаю. Вот тогда посмотрим, как заговорит господин антиквар!

Ловко лавируя среди судов, Александр приткнул лодку среди подобных ей суденышек. Ингульф, выпрыгнув на причал, подхватил брошенный конец, привязал.

– Ну вот, – покидая лодку, довольно улыбнулся Саша. – Выбрались, наконец! Слушайте, месье Бади, перестаньте вы кривиться. Лучше поищите такси!

– Ха! Такси?!

– Только не говорите, что его здесь не поймать… Черт! – молодой человек хлопнул себя ладонью по лбу и громко расхохотался. – Конечно, вы правы, месье Бади! Какое такси? У нас же совершенно нет денег! Придется идти пешком, что поделать?

Александр пропустил мимо себя полуголых носильщиков, тащивших на смуглых плечах какие-то увесистые мешки, радость переполняла его, выплескиваясь наружу в виде беспричинного смеха и громких слов. Свобода! Свобода! Правда, у беглецов не имелось ни документов, ни денег.

– Для начала зайду в российское посольство на рю Бергамотов, – вслух рассуждал молодой человек. – А уж там… Там поглядим! А вы что планируете, мсье Бади? Вернетесь к себе в Сус? Снова будете торговать в своей лавке?

– Может, и придется, – хмуро отмахнулся старик. – Всем нам придется чем-нибудь заниматься, попомните мое слово. Меня бы вполне устроил какой-нибудь тихий оазис… или даже монастырь.

– Монастырь? – Саша снова расхохотался. – Только не говорите, что женский!

Все вокруг: и эта гомонящая толпа, и море, и стоящие у причалов суда, и городские стены с воротами и башнями – радовало беглеца, и долгожданный ветер свободы наполнял его сердце.

Путники прошли широко распахнутые ворота – стоящие на часах воины с длинными копьями – туристская достопримечательность! – покосились на них, но ничего не сказали. Никем не задержанные беглецы вошли в город через ворота торгового порта… и сразу попали на заброшенную, поросшую колючим кустарником площадку с серыми камнями-жертвенниками – тофет.

– Здесь рядом – рю Виржиль! – радостно потер ладони Александр. – За ней – железнодорожная ветка… О! Слышите, как сигналит локомотив?

– Локомотив? – снова нахмурился антиквар. – А мне кажется, это кричит боевой слон!

– Слон, ага… – молодой человек сплюнул – по всей видимости, психическое состояние его спутников по-прежнему оставляло желать много лучшего. Впрочем, это, скорее, касалось только месье Бади, Ингульф вообще ничего не говорил – помалкивал да настороженно посматривал по сторонам, словно бы в любой момент ожидал нападения. Ну, конечно же – у этого парня наверняка проблемы с полицией! Нехорошо будет его подставлять – друг все-таки.

– Ну? Что скуксились? – Саша хлопнул Ингульфа по плечу и, обернувшись, подмигнул антиквару. – Сейчас зайдем в один пансион, его хозяин – месье Ашкензи – мой хороший знакомый. Думаю, он не откажется нас покормить и одолжить немного денег. Столько, чтобы вы смогли добраться до Суса. Ингульф! Все забываю спросить – а ты-то сейчас куда?

Парнишка неожиданно приложил руку к сердцу и поклонился:

– Я туда же, куда и ты, мой хевдинг!

– В Россию, что ли захотел? – ухмыльнулся молодой человек. – А там скоро зима, мороз, снег. Слышь, Ингульф… документов, я так понимаю, у тебя нет и не предвидится?

Слово «документы» Александр произнес по-французски.

– Нет, – добродушно улыбнулся Ингульф. – Не знаю, о чем ты спрашиваешь, мой вождь, но у меня сейчас ничего нет, кроме рук, ног, умения сражаться и желания служить тебе, хевдинг Александр Рус!

Хороший паренек этот Ингульф, в который раз уже растроганно подумал Саша. Жаль только – псих. Да и старик антиквар, честно говоря, от него не далеко ушел. Во, компания подобралась, кому рассказать – не поверят!

– Вот он где-то здесь должен быть, чертов пансион…

Да уж, пансион почему-то никак не хотел отыскиваться – вот тут, напротив тофета, должны были находиться автостоянка, за ней – залитая асфальтом улочка, магазин, почта… Ничего этого не было! Стояли какие-то укрытые высокими глинобитными оградами особняки, чуть в стороне ютились убогие хижины, по соседней – широкой – улице, ничем не замощенной, поднимая пыль, сновали туда-сюда какие-то люди, полуголые, босые, редко кто в сандалиях…

Александр ухватил за руку пробегавшего мимо мальчишку с высоким кувшином за спиной – разносчика воды:

– Эй, гаврош… На рю Виржиль как пройти?

Юный водонос непонятливо заморгал:

– Что, господин?

– На рю Виржиль. Неужели не знаешь? – Саша перешел с французского на латынь. На «кухонную» латынь – так лучше будет.

Мальчишка все равно не понял, и Саша махнул рукой.

Ощущение дежавю нахлынуло на него вдруг с необычайной силой, все это – древний город, крепостные стены, маячивший вдалеке амфитеатр – молодой человек уже видел, видел, когда его и Ингульфа привез в лодке устроивший кораблекрушение черт. Именно сюда и привез. Карфаген? Древний Карфаген? Четыреста тридцать восьмой год, если верить старику антиквару? Неужели это правда?!

Александр, как и любой другой, нормальный, в здравом уме, человек, не мог поверить в подобное. Да, вокруг не было ни автомобилей, ни рекламных вывесок, никаких других примет современности, но может быть – это только здесь? Вот еще чуть-чуть пройти – и будет железная дорога, а потом – стоянка такси. Вон там, за углом… Чу! Ну, вот опять – пронзительный сигнал локомотива! Скорее туда, уединиться наверняка, иначе ж можно сойти с ума…

Не говоря ни слова, молодой человек вдруг бросился на крик, бегом, едва не споткнувшись, завернул за угол…

Слон!!!

Это был слон!

Серый, устрашающе огромный, с желтыми заскорузлыми бивнями и лопушистыми ушами, с хоботом! И вместе с тем – весь какой-то обыденный, покрытый желтоватой пылью. На спине животного было укреплено нечто вроде беседки, в которой сидело двое смуглых парней в сверкающих касках… в шлемах? Один был голый по пояс, на втором имелись какие-то латы, похожие на древний римский доспех – лорика

сегментата.

Кто эти люди? Циркачи? Каскадеры? А, может быть, здесь просто снимают очередной фильм? Тогда где камера? Где режиссер, осветители, ассистенты, актеры наконец? Где?

– Никогда не видел слона? – спросил подошедший Ингульф. – А я видел, и не один раз. Вообще-то, справиться с ними довольно просто – надо лишь создать панику, и это чудище запросто потопчет своих. Так когда-то поступил Вульфард, хевдинг асдингов. Местные римляне бросили на него слонов… Собаки! Ведь сами же сначала и позвали, их правитель Бонифаций пригласил нас, вандалов. А так же еще и аланов. Сам император признал нас! И вот, послали слонов – думали нанести удар, подло, исподтишка…

Александр удивленно посмотрел на подростка: тот что-то слишком уж разговорился. Правда, все не по делу – хевдинги, вандалы, император. Мания величия у пацана?

Или… или все так, как он говорит? Ингульф – действительно вандал, юный воин, угодивший в плен? Тогда что же, выходит, старик антиквар прав?! Быть такого не может, потому что не может быть никогда! Скорее, они все тут сбрендили. Придурки.

– Ты, кажется, говорил про какой-то постоялый двор, хевдинг? – негромко напомнил Ингульф. – Мол, у тебя там знакомый хозяин. Так, может, у него найдется для нас кувшин воды и какая-нибудь пища?

– Ты прав, дружище, – Саша отвлекся от нахлынувших

мыслей. – Я бы тоже сейчас чего-нибудь съел. И выпил. Боюсь только, знакомых мне здесь не найти. Все так изменилось… Эй, месье Бади, что вы на это скажете?

– Насчет чего?

– Насчет поесть и выпить. Можно ли нам рассчитывать на какую-то благотворительность? Нет? Так я и думал. Тогда надо что-нибудь продать на местном блошином рынке… А что мы можем продать? Ты что смеешься, Ингульф? Вот твое копье и продадим… и мое. Оба наконечника. Ну-ка, месье Бади, оцените опытным взглядом – сколько за них дадут?

– Сколько? – антиквар недоуменно скривился. – Вообще-то это хорошая бронза…

– По пять евро за штуку дадут? Ну хотя бы – по три? Или что тут у них… нет, не евро – динары. Ну, что встали? Пошли поищем толкучку.

Рынок нашелся быстро, первый же водонос тут же указал дорогу. Торговали там всем – какими-то горшками, кувшинами, золотыми и серебряными блюдами, украшениями, самой разнообразной едой… странно, но ворованных мобильников нигде видно не было. Опасались полиции?

Отыскав антикварно-оружейный ряд – римские мечи, круглые и овальные щиты, шлемы, доспехи, – Саша предложил торговцу наконечники копий. Вот ведь, хорошо, что не выкинули их, заткнули за пояса в надежде – авось пригодятся. Пригодились.

Торговец – тучный кривоносый араб или бербер – пона-

чалу скривился и показал один палец. Александр не очень-то любил торговаться, да и не умел, честно сказать… А вот Ингульфу, похоже, это дело нравилось. Он и вступил, сразу показав обе пятерни – десять.

– Дециm? – торговец презрительно сплюнул. – Так они же старые, эти ваши наконечники, к тому же – медные, мягкие… Никто такое оружие не купит!

– И вовсе они не медные, – усмехнулся юный вандал. – Бронза! Очень хорошая закаленная бронза.

– Ну, бронза. Было бы железо – был бы и разговор.

– И просим мы немного – всего восемь денариев. Маленьких серебряных денариев…

– Уйди с моих глаз, парень!

– Ну, хорошо – семь.

– Три! И ни монетки больше!

Согласились на четырех – и на эту сумму, в пересчете на еду, оказавшейся не такой уж и маленькой, начали шиковать в ближайшей таверне, накупив жаренной на вертеле рыбы, каких-то пирожков, сильно перченное мясо, овощи, три… нет, потом – и четыре – кувшина вина, очень даже неплохого вина, терпкого, красного, чем-то напоминающего очень хорошее бордо урожая девяносто восьмого года.

Насытившись, Саша наконец-то осмотрелся по сторонам: кроме трех беглецов, в небольшом полуподвальчике, уютном, прохладном и неожиданно чистом, находилось еще с десяток человек, по виду – весьма колоритных личностей,

матросов или даже актеров. Кто-то был в сандалиях, кто-то бос, кто-то – в длинных футболках без всякой рекламы, типа древних туник, а кто и в жилетках из козьих шкур, наброшенных прямо на голое тело. А сколько было украшений! Браслеты, цепочки, серьги! Чернобородые, горбоносые, смуглые, обладатели всех этих сокровищ чем-то напоминали пиратов. Им еще б песню спеть.

– Йо-хо-хо! И бутылка рому!

– Ну? – сыто рыгнул Ингульф. – Как вам здесь нравится? Мне – так очень. Так бы никуда и не уходил.

Александр ухмыльнулся:

– Ага, не уходил… А деньги? Копья мы проели, и дальше что? Вообще, не знал, что здесь ходят такие антикварные монетки. Надо было б хоть одну оставить, на сувенир, как вы считаете, месье Бади?

Антиквар ничего не ответил, лишь хмуро отмахнулся. И что он все хмурится? Будто даже не рад.

– Сидели бы себе спокойно на вилле, – наклонив голову, тихо пробормотал старик. – Ну, раз не вышло, надо искать другое убежище…

– Убежище? – Саша поднял глаза. – О чем вы говорите, месье Бади? Уже не хотите возвращаться в свой Сус?

Антиквар устало прищурил глаза:

– Я уже устал вам говорить, Александр, – этот мир не наш. Мы в нем – незваные гости. И было бы лучше получить хоть какое-то прибежище… Монастырь!!! Вовсе не худший ва-

риант!

Александр обернулся, перехватив устремленный куда-то взгляд старика. В таверну как раз вошли какие-то люди в длинных черных хламидах, многие – седобородые, с покрытыми морщинами лицами. Двое – явные берберы, остальные – явно европейского облика, ну разве что слишком уж смуглые.

Так и сам Саша, и Ингульф, да и месье Бади тоже, как-никак, загорели, не слишком-то отличаясь от местных!

– Патер ностер! – перед началом скромной трапезы вошедшие громко читали молитвы.

Антиквар оказался прав – монахи!

Вот, помолившись, уселись.

– Да поможет вам Иисус, – обернулся к странникам месье Бади. – Далеко ли держите путь?

– Идем на юг, в пустынь к Ливийским болотам, – вежливо и важно отозвался благообразный старик, крепкий, плечистый, с окладистой седой бородою. – Здесь много сторонников Ария, а мы… мы ревнители истинной веры.

– И мы тоже признаем единосущную Троицу! – обрадованно проговорил антиквар. – Ищем пристанища, где можно было бы спокойно собраться с мыслями, помолиться в тиши…

– А вы кто такие, позвольте узнать? – монах прищурил глаза, неожиданно светлые, серые или голубые.

– Мы? Тоже странники. Философы. – Месье Бади улыб-

нулся как можно приветливее.

– Ты – может быть, и философ, мил человек, – улыбнулся монах, похоже, он был в своей братии главным – остальные держались скромно и в разговор не вступали. – А вот твои друзья, не в обиду будет сказано… Впрочем, зачем обижать подозрениями добрых людей? Если вы хотите пойти с нами – что ж, пусть так, возражать не станем. Но имейте в виду, пустынь это не таверна с веселыми девками, а место для служения Господу. Там надобно молиться и работать. Работать, для того, чтобы выжить, – а это даже в оазисе тяжкий труд. Вы готовы к нему?

– Готовы, готовы, отче! – к большому удивлению Саши и Ингульфа, антиквар умильно сложил руки на груди и чуть было не разрыдался. – Наконец-то! Наконец-то мы обретем пристанище в этом злобном и неуютном мире. Пристанище среди святой братии – молиться и работать в тиши, что может быть лучше? Отче! Как я рад, что повстречал вас… Нет, это вовсе не случайная встреча, а провидения Божие! Да-да, именно так! О, отче…

– Меня зовут отец Филарет, – монах улыбнулся, показав крепкие зубы, и пристально оглядел Ингульфа и Сашу. – Я вижу, вам досталось. Вы тоже хотите пойти с нами в обитель, как ваш сотоварищ?

– Мы?! – Александр поперхнулся вином. Уход в монастырь как-то не входил в его жизненные планы… как – судя по лицу – и в планы молодого вандала.

Но, с другой стороны, эти странники-монахи могли хоть куда-то вывести. Тем более, по пути они наверняка жили за счет подаяния – вот и проблема пищи снималась.

– Я же говорил, мы идем в Нумидию, к Ливийскому болоту, – предупредил новоявленных послушников отец Филарет. – Путь будет непрост – повсюду еретики-ариане.

– Ничего, – месье Бади улыбнулся. – Как-нибудь выберемся, ведь так?

– Все в руках Божьих.

Саша терялся в догадках – это вот они на полном серьезе? Монастырь, еретики, болота какие-то… С ума можно сойти!

– Я в монастырь не пойду, – опустив голову, неожиданно заявил Ингульф. – Что мне там делать? Я воин, а не монах.

– У каждого – свой путь, – отец Филарет пожал плечами. – Мы никого не неволим. Не хотите идти – не идите.

– Нет-нет! – испуганно возразил антиквар. – Я-то как раз пойду. Ну, а остальные мои товарищи… Да благословит их Иисус!

– И вас так же, – Александр выплеснул из кувшина последние остатки вина. – Удачи, месье Бади. И в самом деле – у каждого своя дорога. Идите в свой монастырь, а мы… Куда пойдем мы, дружище Ингульф?

– Конечно же, встанем под знамена какого-нибудь славного хевдинга! – ничуть не задумываясь, выкрикнул юноша. – Но это до тех пор, пока сам Александр не станет знаменитым морским вождем! Я верю – у нас будет свой корабль…

корабли – пенители моря!

– Тише, тише, не кричи так, – заволновался антиквар. – На нас уже и так оглядываются.

И правда – оглядывались. Впрочем – не только оглядывались, кое-кто даже встал… здоровенный детина, косая сажень в плечах, в длинной темно-синей тунике с затейливой вышивкой по подолу и рукавам, в узких коричневых штанах, заправленных в короткие сапоги, при мече в красных узорчатых ножнах, привешенных к такой же роскошной перевязи. Через плечо был небрежно перекинут короткий парчовый плащ, заткнутый на правом плече золотой фибулой, искусно выполненной в виде какого-то фантастического зверя – не то дракона, не то вепря. Мощные запястья парня украшали массивные золотые браслеты, в ушах сверкали серьги, на пальцах – кольца и перстни, лохматая шевелюра незнакомца напоминала прическу рокера. Вот еще бы бороду подстричь или вообще сбрить… Несмотря на бороду, этот человек был молод, лет, наверное, двадцати пяти или чуть старше…

Встав, он подошел к столу, за которым сидели беглецы и, положив руку на плечо Ингульфа, спросил:

– Слышал, вы ищете славного хевдинга?

Саша пожал плечами:

– Может быть. А что?

– Могу вам в этом помочь. Меня зовут Орестус Тибальд, торговец…

– Странное имя, – вскользь заметил Ингульф.

– Ничего странного, – детина расхохотался. – Орестус – под таким именем меня знают здесь, в Карфагене, как, впрочем, и в Равенне, и в Константинополе. А вот пенители морей называют меня по-другому – Тибальд!

– Ты гот, Тибальд? – прямо спросил юный вандал.

– Да, гот. Но не из тех готов, что поселились в Тарраконской Испании или Бетике. Я вообще не любитель жизни на суше, море – моя стихия, добрый корабль – жилье!

– Не верьте ему, – по-французски зашептал Александру старик антиквар. – Он пират, самый настоящий пират, это же видно…

– Я сам пират, – неожиданно ухмыльнулся Саша. – По крайней мере, достаточно много изображал пиратов во всякого рода фильмах.

– Я вижу, ваш спутник хочет идти с монахами, – Тибальд (или – Орестус) ухмыльнулся в усы. – А вы двое – сильные парни. Зачем вам монастырь? Молодости нужна сила и честь, нужен соленый ветер, а молитвы… ими можно заняться и в старости. Если, правда, доживете.

– Вот именно! – возмущенно закивал антиквар.

– Садитесь за мой стол, парни… Выпьем за нашу удачу!

Александр с Ингульфом переглянулись: да, вот именно – каждый сейчас выбирал свой путь. Антиквар Альфред Бади – монастырь, остальные двое – свободное дыхание моря.

– Куда все ж таки идет твой корабль, Тибальд? – пересев

за чужой стол, немедленно поинтересовался Саша.

– Сначала в Гиппон Регий, потом на Сицилию… а дальше – как скажет судьба. Я торговец, а найти сейчас попутный груз ох как непросто. Ну? Так идете ко мне на корабль? Он называется «Золотой бык» – самое могучее судно в Гиппоне!

– В матросы вербуешь? А ведь обещал свести с каким-то хевдингом…

– Я сам хевдинг, дай бог всякому! – гулко расхохотавшись, Орестус Тибальд мигнул трактирщику. – Эй, Илия, а ну, тащи сюда свое лучшее вино.

– Соглашайся, соглашайся! – умоляюще шептал Ингульф. – Неужели мы будем просить подаяние здесь, в Карфагене? Куда лучше быть пенителем морей!

– Ладно, согласны, – Александр махнул рукой и хлопнул нового знакомого по плечу. – Но уговариваемся пока только до Сицилии. А там – поглядим. Кстати, до Сицилии мы готовы работать бесплатно – только за еду и каюту.

– Хорошо, – немедленно закивал Тибальд. – Я так и знал, что мы сговоримся. Хватких парней видно сразу. Эй, Илия! Ну, где там вино?

Они все простились с месье Бади – антиквар даже пустил растроганную слезу:

– Удачи вам и счастья в этом гнусном мире…

И коротко добавил уже по-французски:

– И все ж таки я вижу, вы так и не поверили мне, месье Александр. Ни мои слова, ни ваши собственные глаза так и

не смогли вас убедить… жаль. И все же – удачи! Надеюсь, мы еще свидимся.

– Обязательно свидимся! – на прощанье обняв антиквара, молодой человек махнул рукой и даже проводил монахов до самого выхода. Ингульф тоже подошел. Так и стояли вдвоем на улице, пока монахи и примкнувший к ним месье Бади не скрылись за углом.

А когда приятели вернулись в таверну, вино уже лилось рекой.

– Пью за наших новых друзей! – подняв к потолку объемистую глиняную кружку, громко возопил Тибальд. – За наших новых спутников. Завтра… слышите, уже завтра… вы увидите море!

– Море – это хорошо, – ухмыльнулся Саша. – Но лучше б – на Сицилию.

Уж на Сицилии-то всяко есть хоть какая-то цивилизация! Вот как только пробраться туда без документов. Ладно… добраться бы. Потом сдаться пограничникам… или карабинерам. А уж там видно будет! Же суиз этранже! Же суи рюс!

Александр очнулся утром. Вот именно – очнулся. Прикованным к длинному веслу узкого, низко сидящего в воде судна, идущего сейчас под косым парусом… под двумя парусами – на каждой мачте. Голова болела так, что едва не взрывалась – видать, вчера в вино что-то подсыпали… Подсыпали… Подсыпал! Орестус Тибальд! Чертов торговец! Но, ка-

жется, он сдержал свое обещание – пристроил беглецов матросами. Гребцами, каких тут насчитывалось – Саша осмотрелся – человек двадцать. И столько же – с другого борта. Весла с длинным вальком-равновесом сейчас аккуратно лежали на специальной палубе для гребцов, судно довольно ходко шло под парусом и в дополнительном двигателе не нуждалось.

Гребцы… шиурма… откуда здесь все эти люди? И почему прикованы? Ведь достаточно повстречать любой пограничный катер или вертолет. Снова какое-то жуткое кино? Историческая реконструкция для богатых туристов? Или… Или все же прав был старик антиквар, четыреста тридцать восьмой год – это правда!

Нет… слишком уж невероятно, хотя похоже на то…

Стояло раннее утро, солнце едва взошло, и свежий морской ветер холодил плечи. На носу судна был укреплен таран, обитый блестящими металлическими пластинами, на корме виднелась небольшая каморка – каюта. Матросы… или – воины? – спали прямо на узкой палубе, корабль имел метра четыре в ширину и около четверти сотни – в длину. Косые паруса, весла… И все же он мало походил на классическую галеру, скорее уж на древнее римское или греческое судно – либурну, или, как ее стали именовать чуть позже – галею – «кошку». Все это Александр знал, со времен службы на знаменитом бриге «Товарищ» интересовался парусным флотом. Вот это вот узкое, с хищными стремитель-

ными обводами, судно, на котором сейчас находился молодой человек, явно относилось к классу военных кораблей, никак не к торговым – «круглым» скафам. Повернув голову, Саша присмотрелся внимательней – паруса на задней мачте – бизани – тоже показались ему немного странными, какими-то несуразно широкими, в виде перевернутого основанием вверх треугольника… именно так выглядел римский парус – акатий. Арабский смотрелся бы куда изящнее. На передней мачте парус был обычный, прямоугольный.

Зачем военному судну косые паруса? Добраться к месту сражения можно и под прямыми – куда быстрее при попутном ветре – в крайнем случае – на веслах. А вот пиратам – им косой парус – спасение. Гребцы нужны лишь в сражении либо для того, чтоб скрытно подкрасться к прибрежному селенью в полнейший штиль. Зачем кормить лишних людей, на которых тем более нельзя полностью положиться, ведь, кто знает, что может прийти в головы рабам? Насколько Александр помнил, обычно разбойники-варвары – аланы, готы, вандалы, склавины и прочие – управлялись с веслами сами.

Вот и остальные гребцы вовсе не были прикованы. Обычные загорелые парни, многие даже с золотыми браслетами на руках – уж точно не рабы! – спали себе сейчас, похрапывали, и думать не думали о каком-то там надсмотрщике-подкомит с длинной плетью в руках, без которого не обходилась ни одна галера, ни одна греческая бирема или триера.

Только один он, Александр Иваныч Петров, и прикован!

Вот уж невезуха, черт бы ее побрал. Ну, Тибальд, у, гад торговый! Купец, говоришь? А больше похож на пирата…

Нет! Нет! Нет! Саша вдруг с ужасом поймал себя на мысли о том, что начал рассуждать в категориях раннего средневековья или вообще – седой древности: пираты, рабы, купцы… Да, скорее всего, этот чертов Тибальд – просто молодой бездельник, достаточно богатый, чтобы иметь свою яхту, выстроенную под древнее судно. Наверняка имеется и дизельный двигатель, небольшой такой, на всякий случай…

Черт! А где Ингульф? Где этот парень?

Александр, как ни старался, а все никак не мог обнаружить юношу среди спящих. Так, может, он – по другому борту? Также прикованный к тяжелому веслищу. Знать бы наверняка…

Спереди, с юта, вдруг послышался какой-то звук – кто-то звонко мочился в воду прямо с тарана. Пленник вскинул голову: Тибальд! Орестус Тибальд, собственной персоной. Интересно, как настоящее имя этого чертова парня, и в каких отношениях он с Интерполом?

– Сальве, наута! – закончив туалет, Тибальд поправил тунику и усмехнулся. Слово «наута» – моряк – он произнес с явной издевкой. – Как видишь, я выполнил свое обещание.

– Qui es tu? Who are you? Кто ты?

Александр спросил на трех языках – и не получил никакого ответа. То ли Тибальд не знал никакого нормального языка, то ли просто притворялся, не считая нужным вступать в

беседу.

А если поговорить с ним на смеси латыни с тем варварским наречием, которому научил Ингульф?

– Сальве, сальве, – молодой человек улыбнулся, всем своим видом показывая, что ему на все сейчас наплевать – и на кораблик этот, и на ухмыляющегося Тибальда, и на цепь – на всё. Наплевать абсолютно! – Что ж ты меня к веслу-то приковал? Боишься, что сбегу?

Александр сплюнул в воду, он и не ждал ответа. Однако пират-торговец оказался любителем поболтать.

– Боюсь, – все с той же никак не сползающей ухмылкой кивнул Тибальд. – Я же тебя не знаю. А у меня, между прочим, каждый человек на счету – «Золотой Бык» уж такое судно, нежелательно его перегружать… как, впрочем, и недогружать.

– Понимаю – таран, – с усмешкой кивнул пленник. – При перегрузке – уйдет под воду, при недогрузе – бесполезно пробьет вражеский фальшборт.

Собеседник удивленно моргнул:

– А ты и в самом деле моряк, парень!

– Зачем мне тебя обманывать?

– Хорошо, хорошо, – Тибальд пригладил растрепавшиеся на ветру волосы – рокер хренов! – Посмотрим, как ты покажешь себя в бою…

– Да хорошо покажу, – звякнул цепью Саша. – Что я, сражаться не умею? Да получше многих.

– Ты, я смотрю, смелый парень, – задумчиво произнес торговец-пират. – Если еще и дружок твой таков…

– Таков! Еще и смелее, можно сказать – полный отморозок, на всю голову.

– Кто-кто?

– Храбрый, как черт! Кстати… а где он?

Тибальд усмехнулся:

– По левому борту. Отсыпается, как вот и ты. Спите, спите… сегодня к вечеру будет вам работенка!

Захохотав, варвар – нет! Не варвар! Просто – молодой бездельник-миллионер – повернулся и быстро зашагал к корме.

– Эй, эй, постой, – закричал ему вслед Саша. – Ты не мог бы перекинуть моего дружка на этот борт? А то и поболтать не с кем.

– Поболтаете еще, – на ходу отмахнулся Орестус. – Успеете.

Уже стало припекать поднявшееся почти в зенит солнышко, не такое жгучее, как летом, но все же, все же… Народ по-прежнему спал – этакие бездельники – все, кроме нескольких присматривающих за парусами вахтенных, а судно шло себе, как и шло, под парусами-акатиями, на корме трепетал какой-то непонятный вымпел с изображением золотой бычьей головы, над мачтами кричали белокрылые чайки. Значит, суша рядом… Впрочем, она в эти местах везде рядом. Не Африка, так Италия, Сицилия, Сардиния, какие-нибудь

мелкие островки. Здесь вообще людные места, и средоточие морских трасс… Однако, ни одного кораблика на горизонте, ни одного дымка, даже самолеты – и те не летают. Не летают… Так, может, их и нет? Если возможно сжатие вселенной, то почему бы и не быть провалу во времени? Александр вовсе не был таким уж поклонником научной и ненаучной фантастики, так, кое-что читал, а больше смотрел в виде всяческих, хороших и не очень, фильмов. Некоторое представление о машине времени все же имел – опять же, чисто фантастическое. И сейчас, от нечего делать, принялся вспоминать, а как она, эта машина времени, выглядит? Первым на ум, конечно же, пришел странный, чем-то похожий на самогонный, аппарат на транзисторах, с разноцветными колбами и змеевиками из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию», на втором месте оказалось приснопамятное брутальное авто – изобретение сумасшедшего профессора в картине «Назад в будущее», на третьем – колдовское снадобье, отправившее в наши дни средневекового французского рыцаря в исполнении Жана Рено и его слугу-проходимца Жакуя. На четвертом месте… Дальше оказалось еще много чего из различных книг и фильмов, но все это было так, совсем ненаучно, если же приблизиться чуть ближе к науке, то тут Саше вспомнилось искривление пространства-времени вокруг или вблизи так называемых «черных дыр»… Черт побери!!! Судно!!!! То самое странное судно… научно-исследовательский корабль… и вырвавшийся из его антенны

зеленый луч! И волны с десятиэтажный дом! А после… А после вот – рабство.

Судно!!! Быть может, именно в нем причина? Если допустить… вот просто так, пусть на несколько минут, допустить, что старик-антиквар месье Альфред Бади прав, то… то все становится вполне логичным. И древние города, и рабство, и вилла, и полное – полнейшее! – отсутствие каких-либо примет цивилизации – автомобилей, мобильников, рекламы… Господи… неужели правда?!

Если так, то месье Бади, он… он, наверное, мог бы кое-что объяснить… Хотя нет – если б мог, объяснил бы. Так он, Александр, и не спрашивал, наоборот, ухмылялся – не верил! Да кто ж в такое поверит, будучи в здравом уме и твердой памяти?! Провал во времени! Из двадцать первого века – в четыреста тридцать восьмой год.

Схватившись за голову, молодой человек немного посидел, стараясь ни о чем таком не думать… не получалось! Как-то вот само собой думалось… Почему ж раньше не думалось? Ведь вроде бы все было столь очевидно – особенно в Карфагене. И что? Почему верная мысль – допустим, что она верная – была с негодованием отброшена Сашей? Да потому что люди – все люди вообще – привыкли жить в плену собственных предрассудков, часто даже навязанных извне. Если что-то происходящее настолько невероятно, что не укладывается в голове, значит, его и быть не может! Как говорилось у Чехова – не может быть, потому что не может быть

никогда. Да и сам Александр всегда был человеком недоверчивым, циничным, быть может, даже чересчур. Верить какому-то сумасшедшему старику? Да упаси, боже!

И все же старик, наверное прав… Господи… Четыреста тридцать восьмой год! Но ведь это может оказаться и неправдой. Может. Но, если мыслить логически, принимая во внимание окружающую среду, где никаких признаков двадцать первого века нет совершенно, то лучше подготовиться заранее… подготовиться к чему? К встрече с варварским миром? Так Саша с ним давно уже встретился и ничего, не умер. Вот только – опять в рабстве.

Четыреста тридцать восьмой год… кстати, интересно, откуда антиквар установил эту дату? Да, легче легкого – просто спросил у любого, сколько лет прошло от рождения Иисуса Христа. Кстати, вот и нужно спросить… хотя бы у соседа – крепкого светловолосого парня со смешными веснушками. Явно не африканец, скорее, какой-нибудь швед… германец – варвар! Что там в истории было-то в это время? Да, насколько Александр помнил, ничего хорошего! Откровенно говоря, Саша мало что из этой истории помнил, в школе сей период как-то плохо объясняли, довольно туманно, хорошо хоть к фильму, к съемкам, удалось кое-что почитать. Так, весьма поверхностно. В общем, все сейчас куда-то переселялись, в основном – германские племена: франки, готы, вандалы, лангобарды, бургунды, маркоманы всякие… Вандалы – асдинги и силинги – уже успели пожить в Испании,

оставив о себе память в виде названий одной из провинций (Андлалусия – «Вандалузия»), и вот, вытесненные вестготами, подались в Африку. В римские, сомнительной управляемости из центра, провинции – Мавританию Цезарею, Нумидию, Африку. Не сами по себе подались, а по приглашению римского наместника Африки Бонифация, надеявшегося с помощью новых федератов справиться с пиратами. Вот и позвал вандалов, аланов, свевов… Пустил лисиц в курятник! Впрочем, не позвал бы – так сами пришли б. И так-то захватили Гиппон Регий – кстати, родной город знаменитого раннехристианского философа Августина Блаженного, сочинения которого «О Граде Божьем и Граде земном» Александр как-то почитывал еще в юности, намереваясь куда-нибудь поступить. Кроме Гиппона и многих других городов, вандалы не добрались только, пожалуй, до столицы провинции – Карфагена. Вандалы… уже не просто сами по себе вандалы, имелось уже и королевство, и честно – куда денешься? – признанный римским императором Валентинианом король – тот самый Гейзерих, роль которого играл липовый гомосексуалист-суперзвезда Лешенька Стрепов и иногда подменявший его Сашка. Такой вот расклад получается. Вандалы и все прочие без конца пиратствовали, грабя не столько купеческие суда – таковых становилось все меньше, кому же охота подвергаться совсем уж неразумному риску? – сколько прибрежные города и селения. Прибрежные – по всем берегам Средиземного моря. Балеарские острова, Сардиния,

Корсика буквально на глазах превращались в пиратские базы, одиночные корабли сбивали в волчьи стаи морские разбойничьи вожди – хевдинги, из которых король Гейзерих, вне всяких сомнений, являлся самым крутым паханом. Ему б еще Карфаген захватить – военно-морскую базу – и прибрать к рукам тамошний флот… Круче никого бы и не было! Правда, имелись еще ромеи – Восточно-Римская империя, Византия. Эти пока крысятничали по мелочи, занятые внутренними проблемами – всякими там народными восстаниями, наглыми поселениями славян и прочим. Звезда Византии по-настоящему вспыхнет лет через сто – при Юстиниане. Да… Рим скоро падет. Всё! Конец эпохи. Правда, и сейчас столица Западной Римской империи вовсе не Рим, а Равенна.

Да уж… Александр передернул плечами – угораздило же попасть в такое неуютное время! Господи… Вот опять! Да ведь быть такого не может… Потому что не может быть никогда? А вдруг – может? Ведь, если поразмыслить, сопоставить факты – именно так все и выходит. Чего ж раньше не размышлял? А некогда было. То одно, то другое – то рабство, то девчонки, то кухня, – когда уж тут с мыслями-то собраться?

Сашка вдруг вздрогнул, заметив устремленный на него взгляд – это проснулся сосед, веснушчатый парень со светло-рыжими космами и редковатой бородкой.

– Сальве! – звякнув цепью, вежливо поздоровался плен-

ник. – Не скажешь, когда тут выдают вино? Забыл вот спросить у Тибальда.

– Вино? – парень нагнулся и, пошарив рукой под низенькой корабельной скамьей – банкой, – извлек оттуда початый кувшин, заткнутый тряпичной пробкой. Вытащив тряпку, протянул кувшин Александру: – На! Только все не пей – оставь мне немного.

– Ну, конечно.

Вино оказалось не очень-то хорошим, к тому же еще и теплым, да и по вкусу сильно смахивало на уксус, но тем не менее уж все лучше, чем ничего.

Сделав пару долгих глотков, Саша поблагодарил и вернул кувшин хозяину, припавшему к сосуду с ничуть не меньшей жаждой, чем – вот только что – пленник.

– Ты, я вижу, из новеньких? – снова протягивая кувшин, парень кивнул на цепь. – Это ничего, проявишь себя – снимут. Мы многих местных так набирали – и ничего. Парочка, конечно, сбежала, зато остальные и назад домой не хотят. К чему дрожать перед поганой имперской властью, когда тут – свобода?!

– Ага, свобода, как же, – саркастически хмыкнул молодой человек. – Это с цепями-то?

– Ну, ты это… подожди чуток, – незнакомец обиженно хмыкнул. – Не все сразу. Вина будешь еще?

– Так кончилось же!

– Сейчас еще спросим! – парень повернулся и хлопнул

рукой по плечу храпящего соседа. – Эй, Видибальд! Видибальд! Да проснись же… Да-а… чувствую, никак нам его не разбудить. Придется ждать до обеда.

– А когда обед? – заинтересованно спросил Саша.

Варвар посмотрел на небо:

– Скоро.

Потом немного подумал и представился:

– Меня Эрлоином зовут.

– Очень приятно. Александр.

– Ты гот или римлянин?

– Ни то ни другое. Русский. Склавин – слыхал о таких?

– Слыхал… О русах тоже слыхал.

– А ты сам-то кто? И все вы?

– Я – алан, но есть среди нас и вандалы, и готы, и римляне, и египтяне. Вообще – кого только нет.

– Понятно, – хмыкнул в усы пленник. – Полный пиратский интернационал.

– Что-что?

– Ничего. Говорю – это хорошо, что нас так много.

– Увы, не так много, как хотелось бы, – Эрлоин усмехнулся. – Приходится даже пополнять свои ряды и таким способом… – он снова кивнул на цепь.

Вскоре принесли еду – вареные овощи с рыбой, очень даже неплохой, и снова дали вина, на этот раз разбавленного. Народ вокруг проснулся, ожил – кто-то ругался, кто-то пе-

рекидывался шуточками, а кое-кто – остервенело точил меч. По узкой палубе сновали матросы, один из молодых воинов забрался на мачту, уселся на рее, свесив вниз босые ноги, и, приложив руку ко лбу, зорко всматривался вдаль. Складывалось впечатление, будто Тибальд и его люди к чему-то готовились, чего-то ждали.

Чего-то? Все сомнения пленника рассеялись при виде паруса, показавшегося в синеватой дымке неба и волн у самого горизонта, далеко к югу. Сидевший на мачте парень что-то громко закричал. Кормщик навалился на румпель, поворачивая тяжелое рулевое весло, одновременно с ним моряки взялись за шкоты, перехватывая косым парусом ветер – прямой, теперь больше мешающий, был тут же спущен и вместе с мачтой уложен вдоль левого борта. Пираты проделали этот маневр настолько умело и ловко, что, быстро поменяв направление, судно вовсе не потеряло скорости, только шло теперь фордевинд, впритирку к ветру.

Изумрудно-голубые волны вырастали прямо на глазах, и «Золотой Бык» взбирался на них, словно на пологие холмы, и, зарываясь тараном в белые шипучие брызги, стремительно скользил вниз, в пучину, чтобы через несколько секунд снова взмыть в гору. Гребцы еще так и не брались за весла, но были уже наготове, а Саша вдруг ощутил неизвестно откуда идущую радость – настолько захватывающим было это ощущение: море, волны, парусное судно… Бриг «Товарищ», конечно, был в разы больше… но все-таки…

Чужие паруса между тем быстро приближались, вот уже можно стало рассмотреть и корабль – вместительный торговый керкур, отдаленно напоминавший будущие двухмачтовые каракки или каравеллы, только что корма не была такой же высокой. Присмотревшись, Александр заметил еще и третью мачту, на самом носу, круто наклоненная, она несла еще один квадратный парус. На более поздних годах он назывался бы – блинд, а вот как здесь? Хотя – какая разница? И все же, было бы интересно узнать, так, чисто из любопытства.

Да – керкур, – насколько помнил Саша, именно так именовалось данное судно, пригодное и для торговли, и для дальних экспедиций. Две палубы, просторные трюмы, каюты для вип-персон на корме. Очень даже неплохой корабль, этакий морской аристократ… а галея «Золотой Бык» – крадущийся к добыче волк, больше было не с чем сравнить. Вот так и крались – быстро, незаметно, словно бы вжимаясь килем в упругие спины волн.

На купеческом судне, наконец, заметили преследователей, видно было, как по палубе забегали смешные маленькие фигурки.

– Никуда они от нас не денутся! – крикнул сидевший позади Эрлоин. – Им не взять круто к ветру, а весла… далеко ли они уйдут на веслах? Этакая-то пузатая громадина?

– Так у них есть и весла? – обернувшись, спросил молодой человек. Спросил просто так, лишь бы поддержать разговор в надежде вызнать еще немало интересного.

– Конечно, есть, – тряхнув рыжей шевелюрой, презрительно расхохотался парень. – Римляне имеют такую привычку – таскать с собой весла повсюду – мало ли, сгодятся. А вот сейчас не сгодятся! Никак! Клянусь древними богами, тебе несказанно повезло, новичок, – чувствую, добыча сегодня будет богатой! Давно уже не попадалось такого. Вот это корабль!

– На нем должно быть немало охраны, – охолонул собеседника пленник. Или… уже не пленник? Матрос?

– Немало. Но мы же сильнее! И бьемся, как волки! Одинокое судно… даже такое большое, как это – наша добыча!

Одинокое… Александр непроизвольно поджал губы. С чего бы это одинокому судну так спокойно фланировать в кишмя кишащих пиратами водах? Без всякого конвоя… просто так. Бери – не хочу! Бесплатный сыр…

– Что ты говоришь, друже?

– Говорю, бесплатный сыр только в мышеловках бывает!

– Хм… что-то я не возьму в толк – а при чем тут сыр?

Да-а… Сашка покачал головой: тяжелый случай.

– Вообще-то я сыр люблю…

– Я тоже, дружище Эрлоин. Мировой закусон, особенно – под красненькое.

На носу судна возник Тибальд. В развевающемся за спиною красном плаще, в чешуйчатых – лорика скуамата – доспехах, в сверкающем округлом шлеме с широким наносником, он напоминал сейчас какого-нибудь варяжского ярла.

Часть воинов с мечами и копьями, в таких же доспехах, столпились за хевдингом, часть – с луками, дротиками и абордажными крючьями – укрылась за вывешенными по бортам щитами. Подскакивая на волнах, словно дрожа от нетерпения, «Золотой Бык» стремительно приближался к жертве.

Вот Тибальд вытащил из ножен меч, обернулся:

– Спустить парус… Весла на воду!

И тотчас же помощник кормщика ударил коротким мечом о звеняще-медный диск, задавая темп гребле.

Саша поначалу замешкался – и тут же получил валиком заднего весла в спину – а не зевай! Быстро поднялся, ухватил весло за специальную скобу… погрузил в воду одновременно, вместе со всеми… Не особенно-то и сложно, греб ведь когда-то на шлюпках, призовые места занимал… Уфф!!! Только вот брызги…

Брызги… И волны! И парусный корабль! И снова – щемящая радость!

– Пригнись!!!

Эта команда напрямую касалась гребцов – с керкура полетели стрелы. Вообще-то, попасть с качающейся палубы в другой корабль достаточно сложно, но… исполняя команду хевдинга, гребцы разом пригнулись… Следующего выстрела не последовало – «Золотой бык» содрогнулся всем корпусом, врезавшись тяжелым тараном в борт торгового судна. Послышался противный треск, и подняв голову, Саша уви-

дел, как Тибальд и последовавшие за ним воины тучей хлынули на керкур.

И в устах их, устах разбойников и пенителей моря, звучали не христианские молитвы, а имена древних жестоких богов!

– Донар! Водан! Тюр!

С этим кличем разбойники ворвались на палубу несчастного корабля, сокрушая на своем пути все и всех! Стоны раненых, звон мечей и свистящий в ослабевших снастях ветер слились в тупую симфонию боя.

Пленник скосил глаза – эх! Эрлоин уж точно – так и рвался в битву! Даже вытащил из-за пояса нож! Однако никуда не лез, как и все прочие гребцы… видать, они должны были еще понадобиться, и, зная это, сейчас спокойно – в разной степени спокойно – сидели, смотрели, держа наготове весла…

На керкуре что-то запылало – с кормы вдруг повалил густой черный дым. А сеча все не прекращалась, но видно уже было – нападавшие теснят купцов и команду, сбрасывая в воду убитых и раненых. Вот уже кто-то принялся рубить мачту устрашающих размеров секирой… Удар! Удар! Удар! Ну, дровосек – что тут скажешь?

Хевдинг Тибальд появился внезапно – перепрыгнул на ют «Золотого Быка» с лицом, черным от копоти и сажи.

– Весла назад!

Тут же зазвенел диск.

Вспенившие волны лопасти весел, подняв буруны, резко бросили судно обратно.

– Разворот! Левый борт – табань!

Развернулись лихо, так никакой шлюпке не удастся.

– Поднять мачты! Паруса на рей!

Это уже распоряжался кормчий – высоченный дядька с худым смуглым лицом и недобрым взглядом – Тибальд был занят другим: давал указания вернувшимся воинам.

Вернулись, впрочем, не все… И почему вернулись? Ведь вроде бы победа уже была так близка!

Не переставая грести, Александр обернулся – на корме керкура вовсе не было видно никакого пламени. Но дым? Откуда тогда дым? Густой, черный… Откуда? Неправильный вопрос, правильный – зачем? А затем, чтоб подать кому-то условный знак… Кому-то? А вон они – чужие серые паруса! Их вполне можно было уже разглядеть… шесть вражеских кораблей, преследующих судно Тибальда. Так вот почему хевдинг вернул своих людей с керкура! Вовремя заметил опасность, просек тему…

Уйдем? Вообще-то «Золотой Бык» – ходкое судно. Но таран наверняка поврежден от удара. Да и пока поднимали мачты и паруса, ловили ветер… потеряли время. Такое драгоценное время.

Задающий темп гребле диск звучал все чаще, вот уже и паруса наполнились ветром, судно сразу пошло ощутимо быстрее, настолько быстро, что теперь гребцы стали мешать, и

была получена команда сушить весла. Что Сашка с большим удовольствием и выполнил. Запыхался с непривычки. Впрочем, не один он – с Эрлоина пот тоже лил ручьями… или то была соленая морская водица?

– Паруса долой!

Что за нелепость? Что, Орестус Тибальд сошел с ума и хочет принять бой с преследователями?

Так и есть – хочет! Только не с преследователями – впереди показался скалистый остров или мыс, из-за которого, словно почуявшие добычу гиены, выскочили еще три узких приземистых судна, чисто гребных или тоже с опущенными мачтами.

– Хильперик, мхх, – гнусно выругался Тибальд. – Это все его штучки. Нам от них не уйти… К бою! Лучники – на борта. Гребцы – бросить весла.

Вражеские суда уже зажали «Золотой Бык» в клещи – так, что не вырвешься. Да-а… Александр усмехнулся: этот лихой пират оказался заложником собственной самонадеянности и, можно даже сказать, глупости – ну, надо же, польстился на одинокое судно. Показали детинушке игрушку, он и рад лоб расшибить! И что ж теперь – погибать по его милости? А, похоже, не было иного выхода!

Черт… Сашка снова поймал себя на том, что рассуждает сейчас в русле того, о чем говорил антиквар. Четыреста тридцать восьмой год! Пираты… А эти, видать, конкуренты. Другая банда. И, похоже, они не горят желанием договорить-

ся.

Пленник повернул голову:

– Что это за суда, Эрлоин?

– Хильперик, – коротко пояснил алан. – Флот Бонифация.

– Ого? – Александр тут же выказал знакомство с местными реалиями. – Что, наместник все ж таки решился показать зубы?

– Наместник – одно… Хильперик… О, этот хитрый черт пестует флот для себя! Говорят, он сильно поссорился с Гейзерихом, королем вандалов. Говорят… но я не верю! Впрочем, что те, что другие – наши враги. Здесь все враги.

– Да-да, вот именно!

Бросив весло, Эрлоин взобрался на палубу и оглянулся:

– Ну? Что ты тянешь?

– Цепь!

– Цепь? Хевдинг! Хевдинг!

Александр скривился, все понятно – никак нельзя освобождать пленника без санкции отца-командира. Даже вот в таких экстремальных условиях.

– Тибальд!

Немного покричав, Эрлоин умчался выполнять приказ какого-то хмурого бородача в серебристом шлеме – десятника или как он там у них назывался. Тибальд тоже был занят подготовкой обороны – расставлял метателей дротиков и лучников, все были заняты своим делом, и до пленника не оказалось дела никому. Погибнет – и черт с ним. А погиб-

нуть – раз плюнуть! Не достанет вражеская стрела, так срубит голову меч – просто так, походя – а не это, так вполне можно пойти ко дну вместе с тонущим судном. Или сгореть в пламени пожарища, если конкуренты решат поджечь «Золотой Бык». В общем, хрен редьки не слаще… Четыреста тридцать восьмой год – что поделать?

Между тем вражеские корабли сошлись, сдавили корпус судна Тибальда, один – третий – ударил тараном. А позади поспешали еще шесть галей.

На этот раз военное счастье изменило Тибальду. Теперь он уже не атаковал – защищался, а враги наседали, врываясь на обреченную галею со всех сторон. На носу уже кипела схватка, звенели мечи, раненые и убитые падали в воду, поднимая пенные брызги. Несколько вражеских воинов в коротких туниках перепрыгнули на постис – брус, к которому крепились уключины, им навстречу полетели стрелы, трое со стоном упали в воду, но их сотоварищи все прибывали, прибывали…

Навстречу им – сюда же, к постису, к банкам гребцов и сложенным веслам, вылетел, кипя злобой и ненавистью здоровяк Видибальд – косматый детина с огромной двойной секирой в руках. На первый взгляд – не очень-то удобная штука, того и смотри, чтоб не зацепить самого себе, однако в умелых руках – оружие страшной силы. Что и демонстрировал сейчас Видибальд, с воем круша врагов направо и налево:

– У-у-у-у!!! Хэк! Хэк! Да проклянет вас Донар и Святая Дева!

Поначалу все происходившее казалось для впавшего в некий ступор Саши каким-то кошмарным сном, чем-то ненастоящим, вроде тех же киносъемок. Вот так же весело звенели мечи, кричали и ругались актеры, каскадеры прыгали с корабля на корабль, некоторые из них, не долетая, с восторгом падали в море. И как славно лилась бутафорская кровь! Живенькими такими брызгами.

Александр невольно поискал глазами камеру – может быть, она установлена на каком-нибудь катере, его сейчас не видно… или, нет – конечно же, на этом вот скалистом островке, у которого, собственно, и разворачивалось морское сражение.

Ввухх!!!

В очередной раз махнув секирой, Видибальд смахнул с плеч голову опасно приблизившегося врага – молодого светловолосого парня в старых римских доспехах. Это случилось совсем рядом с пленником. Алые горячие капли окропили его лицо, а голова, удивленно улыбающаяся голова, упав на соседнюю банку, подпрыгнула, словно мячик, и, перевернувшись, устремив мертвеющий взгляд на застывшего в ужасе Сашу.

Обезглавленное тело, по инерции пробежав метра три, с шумом свалилось в воду. А сеча продолжалась, никто и внимания не обратил на этот ничем не примечательный эпизод

– ну, срубили голову и срубили, – ловкач этот Видибальд, ничего не скажешь, видно, ворожат ему древние боги.

Александр медленно вытер с лица кровь. Чужую кровь. Кровь человека, которому срубили голову вот только что, прямо на глазах.

Еще пара вражеских воинов с длинными однолезвийными мечами-ножами – скрамасаксами – перепрыгнула на «Золотой Бык». Один из них оказался совсем рядом с Сашей, ухмыльнулся, взмахнув мечом…

Молодой человек дернулся, уклонился и, резко нагнувшись, дернул врага за ноги, выбрасывая его за борт. Туда тебе и дорога, собака!

Так-то оно так… Но вот тут их было слишком много, врагов, и Видибальд, похоже, утомился уже махать своей грозной секирой, а кто-то из своих – кажется, Эрлоин – уже лежал, перевалившись через борт, и руки его недвижно свисали в воду.

Вот еще один вражина решил достать Александра копьем. Просто так, чтоб не путался под ногами. Первый раз промахнулся, и, обозленно занес копье снова – в серых, чуть прищуренных глазах варвара Александр вдруг увидел свою близкую смерть. Увидел и закричал:

– Цепь! Видибальд! Цепь!

Видибальд оглянулся вовремя, не тратя лишнего времени, метнул секиру и тут же выхватил из ножен меч, отбиваясь от наседавших врагов.

С перебитой башкой копьеносец повалился на Сашу, разбрызгивая вокруг мозги пополам с белыми осколками черепа и кровью. Что и говорить, секира – оружие мощное! И шлем не помог – развалился надвое.

Цепь! Господи… Цепь!

– Рус, ты жив?

С секирой – на этот раз одинарной – в руке прыгнул на постис рыжеватый воин с непокрытой окровавленной головой. Эрлоин! Значит, тот, убитый… это был не он.

– А ну-ка!

Просвистев в воздухе, блестящее лезвие секиры с силой ткнулось в скамью, разрубая цепь.

Ну, наконец-то! Освобожденный пленник обрадованно потер руки, оглянулся… вот тот, валяющийся шагах в пяти, меч очень даже подойдет.

Меч оказался как раз по руке – почти что без перекрестья и с маленькой гардой – типичная римская спата, что ж, можно было действовать и таким… тем более что нападавшие не оставляли времени для долгих раздумий.

Перед Сашей очутились вдруг сразу двое – здоровые молодые воины, один – так вообще безусый, еще совсем мальчишка. Убрать кожаные, с нашитыми бляшками, панцири и плащи – так получатся совсем обычные парни, этакие хиппи.

«Хиппи» напали сразу, вдвоем – один действовал мечом, второй – тот, что помоложе – коротким копьем или дротиком.

Оп! Молоденький едва не поразил Александра в бок! А второй взмахнул мечом, целя в шею… или даже в грудь – Саша-то был голый по пояс, безо всяких доспехов.

Еще удар! Кровавая царапина пересекла грудь пленника.

Ах, вы так?!

Молодой человек быстро парировал следующий удар врага, и сам перешел в контратаку, подбадривая себя подслушанными у варваров криками:

– До-нар! Во-дан! Пал-лучи, фашист, гранату!

Удар! Удар! Удар! От встретившихся с жутким скрежетом клинков полетели искры. Отбив! Еще удар… А теперь – уколоть, конец лезвия – острый.

Резко выбросив руку вперед, Александр поразил противника в ногу чуть выше колена!

Пусть пока так…

Черт!!!

Никак нельзя было забывать о том, что с копьем.

Саша едва успел уклониться от направленного прямо в грудь острия. Уклонился и, пользуясь тем, что меченосец несколько поумерил свой пыл, перехватил свободной рукой копье, дернул… и, подставив клинок, просто насадил молодого на меч, словно шашлык. Ударил в пах, никак не защищенный коротким панцирем… Парнишка сразу сделался бледным, выкатил глаза и, захватав ртом воздух, выпустил копье…

Без всяких особых сантиментов – не до того – Александр

просто сбросил его ногой в море. И, высвободив меч, отбил летящий удар. Второй, недобитый, все еще злобствовал… Господи! Да тут вообще вражин был слишком много!

Взмахнув окровавленным мечом, молодой человек бросился на палубу, туда, к правому борту, быть может, удастся спасти Ингульфа. Небось, сидит сейчас на цепи, бедолага…

Вокруг ширилась сеча – мелькали мечи, секиры и копья, свистели стрелы и дротики, и раненые, стеная, падали под ноги дерущихся или вообще летели в воду. Звон. Крики. Проклятия.

Наперерез Саше вдруг ринулся молодой воин с дротиком, растрепанный, голый по пояс… Александр взмахнул мечом… и едва успел убрать лезвие.

– Ингульф! Ты?

– Рус?! Дружище!

– Ты свободен?!

– Как и ты… Повсюду враги, Александр. Так умрем же с честью!

– Умрем? А не рановато-ли?

Вообще-то, при других обстоятельствах Саша бы хорошенько подумал – стоило ли ввязываться в драку на стороне заведомо проигрывавших пиратов. В конце концов, тот же Орестус Тибальд ему не сват и не брат, да и на друга тоже вряд ли тянул. Так какая разница, за кого биться – за Тибальда или за этого… как его? Хильперика?

Лучше, конечно, вообще – ни за кого, но это, похоже, сей-

час никак бы не прокатило. Впрочем…

Отбив вражеский наскок, Саша уперся спиной к мачте, чувствуя рядом с собой горячий локоть Ингульфа. Этот парень собирался стоять насмерть, оп! Вот ударил копьем… вражина упал, зажимая окровавленную шею.

Умереть с честью… Наверное, это тоже выход. Но… Умирать нам рановато, есть у нас еще дома дела!

Мачта! Ее так и не успели убрать перед боем.

Александр повернул голову:

– А ну-ка, Ингульф, давай-ка наверх. Осмотримся.

– Наверх? Но…

Еще двое вражин, потрясая секирами, бежали прямо на двух приятелей.

– Лезь! А я уж как-нибудь с ним справлюсь.

– Мххх!!! – с рычанием метнув копье, подросток ловко полез на мачту.

Молодец! Не спрашивал – зачем, – просто подчинился старшему другу. Доверяет. Ну, хоть кто-то…

Брошенное парнем копье неожиданно для Саши сослужило очень даже хорошую службу, воткнувшись в круглый вражеский щит – красный, с медными, позеленевшими от воды накладками и массивным умбоном.

Вражина замешкался, вытянул руку, пытаясь перерубить древко… Тут-то Саша его достал – прямиком в шею!

Попал в артерию – фонтаном хлынула кровь… не вызывавшая уже совершенно никаких эмоций. Ну, кровь… Тут

везде кровь. Вся палуба – скользкая.

Со вторым врагом тоже повезло – тот поскользнулся на чьих-то сизых кишках, лопнувших с мерзким хлюпающим звуком. Сразу запахло дерьмом, а растянувшегося на палубе неудачника походя пришиб палицей пробегавший мимо Тибальд.

Еще один вражеский отряд прорвался с левого борта – и побоище вспыхнуло с новой силой.

– Да уж, мы чужие на этом празднике жизни! – поплевав на руки, Саша задумался – куда бы пристроить меч, вдруг да еще сгодится?

Наклонился, снял с валяющегося рядом трупа – похоже, того самого, чьи были кишки – пояс.

Очень хорошо! Как раз впору пришелся. Молодой человек приосанился:

– Ну, ты, Сашка и мародер!

Сунул за пояс меч, снова поплевал на руки и, оглянувшись по сторонам, быстро полез на мачту. Что неожиданно для него оказалось не таким уж и трудным делом – на мачте были устроены специальные выемки, чтоб, в случае необходимости, легче было бы подниматься вахтенному или впередсмотрящему.

Через пару секунд молодой человек уже сидел на небольшом насесте – не очень удобно, и, честно говоря, тесновато вдвоем, но… хотя бы можно было осмотреться.

Хорошо было видно, как бьющиеся, словно львы, люди

Тибальда теснят врагов с корабля. Сам хевдинг в красном плаще умело орудовал дубинкой, время от времени останавливаясь и отдавая какие-то распоряжения лучникам – те осыпали пытавшихся перебраться на «Золотой Бык» вражин градом стрел. Выходит, еще имелись запасы. Да и вообще, если бы не те шесть, уже подходивших, судов, военное счастье бы непременно склонилось на сторону Тибальда… если бы не эти шесть кораблей!

А они быстро приближались, пожалуй, даже слишком быстро… Сколько времени прошло с момента освобождения Саши? Минут семь… вряд ли больше. А казалось, что – целая жизнь.

Нет, если бы не эти суда, у пиратов Орестуса Тибальда, конечно же, был бы хороший шанс.

Ветер… Ишь, как дует, даже холодно стало!

Александр поднял глаза, с тревогой посмотрев на бегущие по небу тучи. Ну, вот – еще только бури и не хватало!

– Кормщик, похоже, убит, – кивнув вниз, громко промолвил Ингульф. Громко – чтобы перекричать усиливавшийся на глазах ветер.

А он нес все корабли прямо на скалы!

Между Сциллой и Харибдой – кажется, так?

– Ингульф, ты про Одиссея слышал?

– Про хитрого грека? – юноша рассмеялся. – Слышал. А при чем тут он?

– Да так… ситуация уж больно похожа. Такая же поганая.

И все же…

Всмотревшись в приближающийся берег, в черные, окруженные грязно-белыми бурунами скалы, Саша вдруг заметил сразу за скалами бухточку, вполне даже тихую и спокойную.

Ну, бухточка… и что? Нет… это просто безумие! И на хорошей моторной яхте – вряд ли пройдешь, а уж на этой посудине… Хотя «Золотой Бык» – доброе верткое судно. А треугольный акатий хорошо ловит ветер.

Вот если его – на переднюю мачту! Просто взять рей и перетащить…

Молодой человек опустил глаза вниз, на палубу. Ха!!!

– А ведь наша взяла! – довольно расхохотался Ингульф. – Нет, ну, ты взгляни только, друже, на этих трусов!

Он кивнул на вражеские корабли, отошедшие в сторону. Нет, вражины вовсе не были трусами – они просто были расчетливы, и сейчас, пользуясь случаем, просто дожидались подмоги. А зачем зря переть на рожон?

Воинской удаче Орестуса Тибальда осталось доживать последние минуты. И это, похоже, понимали все, но сдаваться отнюдь не собирались, а собирались умереть. Умереть весело, со славой и честью!

Многие – тот же здоровяк Видибальд, или Эрлоин, еще какие-то молодые парни – понимая это, шутили, смеялись, всем своим видом выказывая презрение врагам и неминуемой гибели. Нет, молодцы – просто здорово держатся! Эту

бы энергию – да в мирных целях.

– Вниз!

Александр, а следом за ним и Ингульф быстро спустились на палубу и бросились на ют, к Тибальду.

– А, вы еще живы? – удивился тот. И тут же добродушная улыбка высветлила на миг его жестокое, с окровавленной бородою, лицо. – Я видел, как вы оба сражались! Слава!

– Слава!!! – потрясая оружием, хором откликнулись остальные пираты.

– Рад, что в вас не ошибся, – ухмыльнулся хевдинг. – Все, что вам теперь осталось – умереть с честью.

– У нас, русских, говорят – на миру и смерть красна, – не преминул заметить Саша. – Только, может, нам не стоит так торопиться на тот свет? Может, пожить еще, на горе врагам?

– На горе врагам! – громыхнув секирой, с хохотом повторил Видибальд. – Клянусь Донаром, хорошо сказано!

– Плохой ты христианин, раз клянешься языческими богами, – Орестус Тибальд издевательски покачал головой.

Чем вызвал еще один приступ хохота у детинушки Видибальда.

– А я и не говорю – что хороший. Так, молюсь время от времени Иисусу и всем святым… но ведь и старых богов забывать – не дело!

– Верно сказано! – одобрительно кивнул Эрлоин.

Тибальд отмахнулся:

– Не время для споров. Кажется, ты что-то хотел сказать,

Рус?

– Остров! – Александр показал на скалы. – Ветер. Лагуна. Мы можем проскочить под парусом.

– Можем? – предводитель пиратов задумчиво закусил губу. – А ведь и правда – есть смысл попытаться. Что мы теряем? Лишь глупую гибель. Но… наш бедолага кормщик…

– Я много ходил под парусами, – усмехнулся молодой человек. – Просто доверься мне, вождь!

– Командуй! – Тибальд тут же принял решение и, повернувшись к своим, объявил: – Слушать его, как меня.

– Акатий на переднюю мачту! – быстро распорядился Александр. – Поднять… Воины – на корму. Все! Я сказал – все! Нужно максимально облегчить нос. Таран снимается?

– Нет.

– Жаль… Ладно. Пятеро самых дюжих… Тебя тоже касается, Видибальд… На левый шкот. Пятеро – на правый.

– На что?

– Держите вот эти веревки. Будете управлять парусом по моей команде. Ингульф – быстро на ют!

– Куда?

– На нос, черт побери! Увидишь камни – подашь знак рукой. Вы все… Я тоже буду подавать знаки. Если подниму вверх левую руку – тащите левый шкот… ну, вот эту веревку… Если правую – правый. Хевдинг! Кто-нибудь управится с рулевым веслом?

– Я сам встану!

– Ну, тогда… – Александр улыбнулся. – Как вы там говорите? Да поможет нам Донар и Святая Дева Мария!

Он быстро взобрался на мачту и, усевшись на рее, махнул руками – пираты дружно отпустили шкоты, парус хлопнул, затрепетал и вот поймал ветер, раздулся, потащив за собой судно все быстрее и быстрее!

Враги недоумевали. Некоторые корабли разворачивались, естественно, на веслах, никто не поднимал паруса – на море уже начинался самый настоящий шторм. Крутоспинные волны разбрасывали суденышки, словно детские игрушки…

А вот не подставляйте волне борта!

«Золотой Бык» вот не подставлял – и мчался на скалы, словно пущенный под откос курьерский поезд!

Скалы стремительно приближались, острые, словно зубы сказочного дракона. В снастях свистел ветер, еще больше усилившийся, и едва не срывавший Александра с мачты. Огромные волны угрожающе выгибали свои покатые спины, в любую секунду грозя разбить корабль о скалы.

А между ним был, был проход! Кипел, исходил брызгами, и можно было пройти, успеть, прыгнуть на гребень волны… Только б не промахнуться.

Стоявший на носу Ингульф, вынырнув из тучи брызг, поднял левую руку – камни! Сашка на мачте повторил его жест – пираты послушно натянули шкот, и судно пошло вправо, благополучно минуя опасность… Теперь правую руку – вверх! Резко вскинуть… как в нацистском приветствии,

только выше.

Вот она, волна – успеть… успеть… Ну! Дуй же, дуй, ветер!

Лишь бы не треснула мачта…

Александр вздрогнул, услыхав треск… Нет, трещала не мачта – корпус судна. Видать, зацепил-таки камень… Но волна, огромная, шипящая и злая, вынесла на своей спине «Золотой бык», буквально втянула в лагуну…

И сразу стало тихо. Спокойно. Лишь крупная рябь раскачивала кораблик да где-то высоко, в скалах, яростно свистел ветер.

Саша соскользнул с мачты на палубу:

– Парус долой! Все – на весла.

И, устало опустившись на мокрые от крови доски, грустно опустил голову.

Четыреста тридцать восьмой год. Похоже, это и в самом деле оказалось правдой!

Глава 11. Дождь. Ночь. Волны

…и в путь желанный
понес дружину
морской дорогой
конь пеногрудый
с попутным ветром.
«Беовульф»

Осень 438 г. Средиземное море

У них оставалось очень мало времени для того, чтобы починить корабль и попытаться уйти от погони, в которой никто из спасшихся пиратов не сомневался. Шторм скоро закончится, и преследователи вновь примутся за дело. Войдут в лагуну… почему бы и нет? В спокойную воду это очень даже просто сделать. Значит, надобно перекрыть им вход… а как? Артиллерия еще не изобретена. Поставить по краям узкого пролива лучников? И что? Враги просто укроются от обстрела за повешенными вдоль бортов щитами. Нет, это не выход, нужно было срочно придумать что-то другой, что-то такое, необычное, что давало бы возможность спастись – ведь, по сути, незадачливые пираты Орестуса Тибальда получили лишь временную передышку. Да, именно так – временную.

Хотя шторм вполне мог затянуться, ведь стоял уже октябрь, месяц, так сказать «сомнительного мореплавания». Если верить Ингульфу – а не верить ему у Саши не было оснований, – таким вот образом характеризовали этот сезон римляне… никогда, впрочем, не являвшиеся хорошими мореходами. Все их морские победы это обычный абордажный бой – мощь легионов, а не судов.

Выставив охранение у пролива, люди Тибальда развели на берегу костер и, набрав из ручья воды, варили в котелке вяленое мясо. По небу бежали низкие сизо-голубоватые тучи, иногда хлеставшие дождем, довольно, кстати, теплым, Александр – так был даже рад подобному душу. Стоял, подставив тугим струям лицо, словно старался смыть с себя кровь… чужую кровь… кровь врагов.

– Я говорю, у этих трусов римлян сезон мореплавания уже закончился, – подошедший Ингульф уселся рядом на камень.

Хоть один родной человек… Александр уже воспринимал парнишку словно младшего братца.

– Римляне только и плавают от восхода Плеяд до восхода Арктура, – к удивлению Саши, «братец Ингульф» показывал недюжинные для варвара знания в области навигации. – То есть с конца мая и до середины сентября, – потянувшись, уточнил парень. – С середины ноября по середину марта они вообще стараются не выходить в море, ну а в остальное время – как когда.

– Значит, вскорости мы останемся без добычи! – ухмыльнулся Саша. – Уж по крайней мере до марта месяца некого будет грабить!

– Как это некого? – подросток удивленно моргнул. – А прибрежные города?!

– Города?!

– Ну, ладно, ладно, так и быть – селения.

– А много ль добычи можно взять в нищих рыбацких деревнях? – Саша нахмурился: не очень-то ему улыбалось грабить и убивать ни в чем не повинных людей. А ведь к тому все и шло, похоже.

– Добычи мало, – согласно кивнул Ингульф. – Но там можно взять рабов!

Рабов… Вот и поговори с ним! И этот – еще из самых лучших. Прямой, добрый и честный парень. Только варвар. Вандал – одно слово.

Четыреста тридцать восьмой год, однако!

Саша уже убедился в верности своих подозрений – проверил дату, спросив сразу у нескольких. Детинушка Видибальд ответить затруднился, а вот Эрлоин назвал дату сразу, не раздумывая – именно четыреста тридцать восемь лет и прошло с момента рождения Иисуса Христа.

– Гляди-ко! – удивился Александр. – Ты прямо этот… вундеркинд, во!

– Просто я собирался принять монашество, – потупив глаза, скромно признался парень.

– Монашество?! А что не принял? Из монастыря выгнали?

– Выгнали, – моргнув, Эрлоин неожиданно улыбнулся. – А я всего-навсего выбил зубы одному монаху… много из себя строил. А когда уходил, поджег монастырь…

– Поджег монастырь?!

– Ну, чтоб помнили, чтоб знали… Ух, как лихо горело!

Разговаривать с подобным святотатцем Александру что-то враз расхотелось. Ему вообще сейчас разговаривать не хотелось. Ни с кем, даже с Ингульфом. Хотелось просто побыть одному, подумать. О жизни подумать, о том, как выжить, чем заняться в этом жутком молодом мире! Ведь не в разбойники же идти, право слово!

А что тогда?

Наверное, прав был старик антиквар Альфред Бади – ушел себе в монастырь, и никаких забот. И крыша над головой, и пища, в том числе – и духовная. Черт! Вот же никак не надо было расставаться с антикваром! Все же – единственный человек оттуда… оттуда… оттуда… Черт побери, ну и бред!

В какой же монастырь подался старик? А черт его, не вспомнить. Может, Ингульф знает?

– На юг они пошли, те монахи, – «младшенький братец» задумчиво взъерошил затылок. – Может, в Нумидию, может, дальше, в пустыню, а может – и в Триполитанию.

Обязательно, обязательно отыскать месье Бади! Впро-

чем… на кой хрен? Старик трусоват, занудлив. Пусть себе сидит в своем монастыре, молится.

– Что будем делать, вождь? – собравшись с мыслями, Александр подошел к Тибальду.

Хевдинг сидел у костра среди соратников, задумчиво потягивая еще остававшееся вино.

Эрлоин посмотрел на небо:

– Шторм продлится всю ночь… а вот, что будет утром, не знает никто. Может быть, будет ясно… и тогда…

– У нас есть одна ночь! – поправив съехавший с плеча плащ, изодранный и кровавый, предводитель разбойников неожиданно улыбнулся. – Целая ночь! Так что же вы сидите? За работу! Вперед! Надо починить корабль, а дальше… Рус, Ингульф, Эрлоин! Пройдитесь-ка по бережку, осмотритесь.

– Сделаем, вождь! – встрепенувшись, хором отозвались все трое.

Глотнули на ход ноги вина и ушли в дождь.

Серая мгла, быстро темнеющее небо окутывали весь островок туманными мглистыми сумерками, хотя до вечера вообще-то было еще далеко. Дождь то кончался, то вновь припускал с новой силой, однако голубых лоскутков в небе постепенно становилось все больше. Тибальд оказался прав – у загнанных в ловушку пиратов имелась только одна ночь, что еще раз подтвердил проворно забравшийся на вершину высокой скалы Ингульф. Осмотрелся, склонился вниз, крик-

нул:

– Они там! Корабли Хильперика стоят с подветренной стороны.

Ну, конечно, куда же им еще деться? В шторм-то им не подойти к берегу, а вот утром… утром будет видно.

Посланцы хевдинга обследовали весь остров довольно быстро – не таким уж он был и большим – управились часа за полтора. Скалы, галечный пляж, лагуна, небольшая рощица раскидистой средиземноморской сосны, орешник. На скалах имелось множество птичьих гнезд, в ручье должна была водиться рыба, так что, если пришлось здесь задержаться надолго, пиратам никак не грозила бы голодная смерть. Если б пришлось задержаться… Кто б только позволил?! Уязвленный Хильперик наверняка не собирался так просто сдаваться.

Когда разведчики вернулись, уже стемнело, и в небе зажглись огоньки… нет, не в небе, на скалах, в кустах… слишком яркие, слишком низко, чтобы быть звездами… Светлячки!

– Светлячки… – негромко произнес Александр. – Светлячки… Вот что, парни, на корабле найдутся корзины или мешки?

– Да найдутся.

– Тогда наловите их… ну, вот этих самых, светящихся…

– Но…

– А с Тибальдом я сейчас поговорю.

Услыхав предложенный недавно освобожденным пленником план, Орестус Тибальд сначала расхохотался, а потом призадумался. Подозвав какого-то высокого воина, поинтересовался, как долго затянется ремонт судна, и, получив ответ, удовлетворенно кивнул. Ремонтники уже зажгли факелы и теперь деловито стучали топорами. Двое ныряльщиков заводили под дно концы крепких канатов, стягивая треснувший ют. Хоть так… выйти бы… уйти бы… а уж потом можно будет и отремонтироваться как следует.

– Кто пойдет? – поджав губы, негромко поинтересовался хевдинг. – Опасное дело: камни скользкие, а волны бушуют…

– Я пойду, – быстро кивнул Александр.

– И я! – Ингульф встал рядом.

Рыжий Эрлоин улыбнулся:

– И я, пожалуй, тоже. Клянусь Иисусом Христом и Тором – это дело как раз по мне!

– Тогда да поможет вам Иисус… и все наши древние боги!

Вся троица вернулась уже ближе к ночи, мокрые, усталые, но довольные, а самое главное – с чувством исполненного долга. Снова пошел дождь, но сквозь прорехи черных бархатных облаков там и сям уже проблескивали желтые холодные звезды.

Что и говорить – погода благоприятствовала задуманно-

му.

Поднявшись на корабль, хевдинг взмахнул рукой с зажатой в ней плетенкою, наполненной светлячками. Гребцы взялись за весла, ориентируя темп гребли по этим световым значкам… Александр взялся за румпель… или как здесь назывался длинный, упирающийся в рулевое весло, рычаг… Тибальд стоял рядом, у мачты, а Ингульф пристроился на носу, до боли в глазах вглядываясь в ночную темень.

«Золотой Бык» крался по лагуне мягко и осторожно, как волк, крадущийся к овечьей отаре. Казалось, весла едва касались воды, и судно скользило по волнам, словно гигантский жук-плавунец.

– Влево!

Светлячки в левой руке хевдинга плавно качнулись, и корабль, быстро сработав веслами и рулем, изящно обогнул скалу… на вершине которой, в плетеной корзине, горели точно такие же светляки! Светлячками были помечены все, представляющие опасность, камни! В этом и заключалась безумная идея Саши… и она срабатывала!

Неслышно вынырнув из лагуны, никем не замеченный «Золотой Бык» взял курс в открытое море. А как только небо очистилось от туч, повернул на юг, к Африке.

Ветер постепенно стихал, волны делались все меньше и меньше, на судне подняли оба паруса – квадратный, главный – велум, и треугольный акатий. Корабль резко прибавил хода, но гребцы не отходили от весел, готовые в любой момент

исполнить приказ кормчего… Александра.

Небо на востоке светлело, голубело, рыжело – скоро, уже совсем скоро, должно было показаться солнце. Вот показалось! Ударило по глазам сверкающим шаром, зажгло мерцающей бирюзой волны, отразилось в шлемах и металлических накладках щитов.

– Ушли! – подойдя к Саше, усмехнулся Тибальд. – А ты приносишь нам счастье, Рус!

Глава 12. Арника

…корабль стоит,
причаленный к берегу,
широкогрудый,
на тяжком якоре.
«Беовульф»

Осень 439 г. Вандальская Африка

Город вставал из воды чудесным голубовато-зеленовато-белым садом. Мощные зубчатые стены, холм с базиликой и цитаделью, красные крыши домов, мраморные колоннады храмов. И порт. И сотни кораблей – от совсем уж мелких челнов до огромных грузовых зерновозов, водоизмещением в триста тысяч тонн. Южное косматое солнце пылало над городом сверкающим шаром. И гул разноязыкой толпы был слышен даже здесь, у причала.

– Гиппон! – с улыбкой произнес Тибальд. – Гиппон Регий! Город короля Гейзериха… столица… Пока столица. Пока не взят Карфаген!

– Он будет взят, я уверен! – ухмыльнулся в рыжие усы Эрлоин. – А в Гиппоне нам некого опасаться… разве только таких же, как мы!

– Что ж, – хевдинг повел плечом. – В трюмах еще осталось

немного серебра… а это что значит, парни?

– Это значит – надо сегодня же прокутить все в портовых тавернах! – радостно осклабился здоровяк Видибальд. – Все, до последней монеты! Иначе не видать нам удачи.

– Верно, есть такая примета, – расхохотался Ингульф.

– Все-то ты знаешь,

Пираты Тибальда гулеванили в портовых тавернах Гиппона три дня, после чего хевдинг сказал – баста! Хватит пить, пора и заняться делом.

– Сезон мореплавания кончается, – собрав опухших от пьянства соратников в одной из харчевен, на всякий случай напомнил Тибальд. – А у нас пока только один корабль, который скоро не сможет вместить всех наших людей. Эрлоин, ты говорил о каких-то лихих парнях?

– Да-да, – приосанился парень. – Все мои родичи. И хоть сейчас готовы влиться в наши ряды. Только свистни!

– Вот видите? А вы пустились в загул! – мягко укорил хевдинг.

Детинушка Видибальд хохотнул:

– Да не на что особо гулять-то, вождь! Разве что немного расслабиться после всего.

– Некогда и расслабляться, – предводитель шайки нахмурился, поправив на голове серебряный обруч, сдерживающий буйную шевелюру. – Надо искать купцов! И как можно быстрее. Эрлоин, Видибальд, Герульф!

– Да, вождь?

– Пойдете сегодня в порт. Оденетесь в лохмотья, наймётесь грузчиками… то есть попытаетесь наняться, думаю, там уже и без вас все схвачено, – хевдинг задумчиво погладил бороду. – Походите там от корабля к кораблю, вызнайте – кто, когда и куда отправляется, какой груз, сколько на борту воинов, ну, все, как обычно. Эрлоин – старший. Да-да! Именно Эрлоин! Слишком уж тонкое дело. Вот, если б надо было набить кому-нибудь морду, я бы полностью доверил это дело тебе, Видибальд! Так… – пиратский вождь хлебнул из кубка вина и, утерев рукавом туники усы, продолжил: – Теперь вы… Винегар и все остальные – займитесь наконец кораблем! Все, кроме тебя, Рус. Я заметил – ты умеешь пить, не пьянея – похвальное качество.

– Просто напитки не те! – Александр ухмыльнулся. – Какое-то кислое винишко – тьфу!

– Поэтому ты и продолжишь пьянствовать… на ту толику серебра, что еще осталось.

– А что, у нас еще что-то осталось? – с надеждой в голосе спросил Видибальд. – Клянусь Тором и всеми древними богами, неплохо было бы…

– У тебя, любезнейший мой, своя задача! – в голосе хевдинга зазвучал металл. – И от того, как ты ее выполнишь, зависит всё. Понимаешь?

– Да понимаю, – детинушка смущенно потупился. – И все ж… может, от меня было бы больше толку в напарниках у

Руса?

– Ага, – скептически ухмыльнулся Тибальд. – Чтоб вы на пару уничтожили все запасы вина в этом городишке. Нет уж…

– И все же мне нужен напарник, – твердо заявил Александр. – И желательно – малопьющий. Ингульф как раз подойдет.

– Хорошо, – хевдинг согласно кивнул. – Бери парня. Начнете с «Пегой лошади» – это самая большая таверна в порту, вы ее уже знаете.

– Таверна… – Саша поскреб заросший затылок и задал вождю вовсе уж неожиданный на первый взгляд вопрос: – А есть в Гиппоне термы?

– Термы? – пираты озадаченно переглянулись. – Ты что же это, дружище, решил предаться разврату по примеру старых римских патрициев?

– Я просто решил, что именно там, в термах, и можно встретить богатых судовладельцев, а не какую-нибудь шушеру из портовых таверн. Ведь среди купцов много римлян, а ты сам говорил, вождь, что в королевстве Гейзериха их не очень-то жалуют. И что же римлянам делать в тавернах – ждать, когда кто-нибудь из вандалов или аланов начистит им морды?

– Да, – согласился хевдинг. – Я давно приметил – ты очень неглупый человек, Александр, хоть, наверное, и эллин.

Саша недовольно поджал губы:

– Сколько раз уже говорить – русский я! Рус!

– А имя у тебя – эллинское! Александр – так звали их знаменитого царя, когда-то завоевавшего полмира.

– О, ученейший вождь наш! – не выдержав, ухмыльнулся здоровяк Видибальд. – Все-то ты знаешь.

Эрлоин хохотнул:

– Ну, про Александра Македонца всякий знает. Разве что, кроме тебя, дубинушка ты наша заскорузлая. Ну-ну, не обижайся, дружище!

– Ладно, – добродушно усмехнувшись, детина поднялся, с шумом задвинув скамью. – Ну? Так мы пошли, что ли?

– Удачи, – махнув рукой, хевдинг снова повернулся к Саше. – А про термы спросите-ка лучше у служки.

– И то верно, – Ингульф тотчас же подозвал пробегавшего мимо кабатчика. – Эй, любезнейший. Не скажешь ли, где в городе термы?

– На виа Сатурналий… ну, так когда-то звалась эта улица. Сейчас там, на площади – базилика Святого Петра. Но и термы остались, хотя епископ уж сколько раз грозился закрыть сие гнездо порока… – Круглое, лоснящееся от жира и пота лицо кабатчика озарилось лукаво-похотливой улыбкой. – Что, господа мои, решили попробовать старых римских развлечений?

– Помыться просто решили – вот что! – Александр допил остатки вина и, посмотрев на Тибальда, протянул руку. – Прошу выдать серебришка на баню.

– Много не дам, – достав из объемистого кошеля разномастные монеты, хевдинг высыпал их на стол и старательно отсчитал небольшую кучку. – Хватит с вас и десяти денариев.

– А на одежду? – Саша вскинул глаза. – Не можем же мы пойти в термы… в термы! в этаких лохмотьях!

– Ничего, – ухмыльнулся хевдинг. – Там все равно все голые ходят.

Термы напарники отыскали сразу – не пришлось долго расспрашивать. Дошли до базилики Святого Петра, а там дорогу показал первый же встреченный на паперти нищий. Правда, заглянул в глаза с этакой надеждой – подайте, мол, милостыни… Не подали. Денег и у самих, считай, не было. Даже в церковь не зашли, хотя возможность такая имелось – оба вовсе не являлись такими уж ревностными христианами: Саша иногда даже считал себя агностиком, а Ингульф был наполовину язычником. Какая тут церковь? Вот в термы сходить – совсем другое дело! И не для разврата, как, вне всяких сомнений, подумали и трактирщик и нищий, и даже не столько ради дела – просто Саше уж очень хотелось помыться! Когда в последний раз в бане-то был? У-у-у-у… Нет, конечно, в море купался… но это ж разве мытье? А так, чтоб на полке, да с веником… В термах, конечно, веников тоже нет, но хоть парная имеется. Хорошо Ингульфу – привык ходить грязным, раз в год в речку бултыхнется – и то за

счастье.

– Говорят, там, в термах, очень много падших женщин, – на ходу фантазировал варвар. – Наверное, есть и молоденькие.

О! И этот туда же. Тоже еще – похотливец. В церкву вот, небось, не зашел.

– Не забывай, парень – мы с тобой не по девкам идем, и не купаться – а дело делать, – резко охолонул приятеля Саша.

– Но ведь одно другому не помешает, верно?

Африканский город Гиппон Регий (некоторые произносили – Иппон), будущая Бизерта, родина знаменитого философа Аврелия Августина, к этому времени, правда, уже лет восемь, как почившего в бозе, в центре своем имел вид типичного позднеримского поселения с широкими, сходящимися под прямыми углами, улицами, акведуком, цистернами для воды, шикарными общественными зданиями с тенистыми портиками, увы, ныне быстро приходившими в полный упадок, за неимением «общества», точнее – ввиду его распада. Суровые базилики, большей частью превращенные в церкви, а иные – и выстроенные специально для этой церкви, сильно контрастировали с остатками былой римской роскоши – теми же колоннадами портиков, еще оставшимися кое-где статуями, амфитеатром. Гладиаторские бои там, конечно же, давно уже не проводились, в лучшем случае – просто бега, состязания колесниц.

На бывшей виа Сатурналий, кроме базилики Святого Петра, располагалось еще множество церквей и даже, как пояснил все тот же нищий, один монастырь – Святого Луки, – как и все восточные монастыри отличавшийся чрезмерной строгостью жизни послушников и монахов. Собственно говоря, западных монастырей – в Европе – еще и не было, первый будет основан через несколько десятков лет в Монтекассино святым Бенедиктом.

По пути часто встречались монахи в черных, надвинутых на глаза капюшонах и в подпоясанных простыми веревками рясах, куда-то тащившие длинный деревянный брус подмастерья, водоносы, громко расхваливающие свой товар, спешащие на рынок служанки с большими корзинами, почтенные матроны в окружении слуг, стайки школяров-латинян в коротких туниках. Этот городской район, похоже, был чисто римским, и, завидев двух варваров, прохожие испуганно замолкали и прибавляли шагу. Вандалов Гейзериха здесь побаивались, и вовсе не зря – вели они себя достаточно жестко, почти как завоеватели, которыми, несомненно, и стали бы, ежели б их вовремя не пригласил правитель провинции Бонифаций.

– Чего они нас так боятся? – искренне недоумевал Ингульф.

– Чего? – Александр громко расхохотался, так, что и без того испуганные школяры, резко оглянувшись, тут же и разбежались по сторонам. – А ты себя-то со стороны видел?

– Ну…

– Ну? – Саша пригладил волосы и ухмыльнулся. – Хочешь, опишу? Волосы у тебя, друг мой, не стрижены и не чесаны, этакие грязные, сосульками, патлы, туника – рваная, тело грязное, черное даже, хоть ты никакой и не негр, штаны… даже говорить не хочу, башмаки, правда, крепкие, это да… и золоченый пояс, и меч в шикарных ножнах, и ожерелье на шее, – но вместе с в твоей одежонкой это все смотрится, извини меня, как на корове седло. Ладно, ладно, не обижайся, я и сам выгляжу ничуть не лучше. Так что – как же нас не бояться? Этаких-то немытых чертей! В баню, скорее в баню!

Термы – старые римские термы – неказистые с виду, внутри оказались выше всяких похвал – с просторной раздевалкой, бассейном и всеми прочими помещениями. Стены были отделаны мозаикой, а кое-где покрыты явно языческого содержания росписями и позолотой. Ингульф, открыв рот, рассматривал обнаженных наяд и облизывался.

Заплатив на входе по три денария, приятели поднялись по широкой лестнице в раздевалку. Вандал таращился во все глаза – теперь уже на статуи. Шепнул даже:

– Слушай… а чего у них все каменные девки – голые?

– Для красоты, – ухмыльнулся молодой человек. – Разве женское тело не красиво?

– Красиво, – юный варвар закивал. – А… интересно, жи-

вые, настоящие девки… они тоже тут голые?

– Боюсь, женские дни тут в другое время…

– Сальве, любезнейшие господа! – выбежал навстречу клиентам служитель – смуглый малый с лысой головой, в длинной тунике, в сандалиях. – Вот ящички для одежды… пожалуйста, раздевайтесь.

– Что, совсем надобно раздеваться? – обернувшись к Саше, озадаченно шепнул Ингульф.

– Совсем, совсем. Ты же в баню пришел!

– А… ладно.

– Вот, этот шкафчик нам подойдет…

– Нет, нет… я лучше в том уголку разденусь… там потемнее.

– Ну, как знаешь, – пожав плечами, Александр быстро разоблачился, сунул завалявшуюся в кошеле медную монетку подскочившему чернокожему рабу – чтобы присмотрел не столько за одеждой, сколько за мечом и перевязью, и поискал глазами Ингульфа… Нашел… И не выдержал, расхохотался.

– Что такое? – обидчиво вскинул глаза варвар. – Что ты смеешься-то?

– Ты хоть меч-то сними, – справившись с хохотом, посоветовал Саша. – Это ж тебе не веник!

– Веник? – Ингульф непонимающе хлопнул ресницами. – А при чем тут веник?

– Ладно, – дождавшись, когда подросток положит, наконец, меч в шкафчик, Александр ухмыльнулся. – Идем!

Служитель услужливо распахнул дверь: и Ингульф едва не отпрянул – клубы горячего пара поднимались к высокому потолку, висели вдоль стен, так, что остальные посетители парной – кальдария – едва проглядывали сквозь всю эту мерцающе-горячую мглу, маячили этакими смутными тенями.

– Пойдем во-он на ту скамью, – Александр без лишних церемоний ткнул своего испуганно застывшего на пороге спутника в бок. – Посидим, погреемся. Эх, хорошо-то как, верно?

– Не люблю жару, – с видимой неохотой варвар уселся на горячую мраморную скамью и тут же вскочил. – Ой! Жжется!

– Привыкай, черт бы тебя… Ладно, не хочешь сидеть, так походи тут, послушай, о чем говорят.

– Ага! – получив конкретное задание, Ингульф явно обрадовался и, буквально восприняв приказ, принялся кругами ходить по кальдарию, где, кроме только что вошедших приятелей, находилось уже человек двадцать, судя по разговорам – торговцев и приказчиков. Не самая бедная публика. Как раз такая, какая и нужна. Александр невольно прислушался.

– Так ты, дружище Валент, думаешь, мне стоит купить те ливанские доски?

– Ну да, из самого лучшего кедра!

– Но это слишком дорого.

– Зато надежно! Хотя, если хочешь сэкономить, можешь брать и сосну…

– Да-да, верно, я так сделаю.

– Только весной. Сейчас-то навигация уже кончилась.

– А я слыхал, кормчий Каллист из Гадрумета как раз собирается в Александрию.

– В Александрию? Каллист? Вот уж неправда! Тебе кто-то солгал, дружище. Я слыхал, «Амелия» идет в Константинополь.

– «Амелия»?

– Ну да – это самое большое судно в Гадрумете – трехмачтовая корбита с двумя палубами, с просторными трюмами да еще и местами для пассажиров.

– Не боится же этот Каллист плыть в такой сезон!

– «Амелия» – очень надежное судно.

– А пираты? Эти разбойники вандалы?

– Тсс!!! Прошу тебя, друг мой… Давай-ка лучше сменим тему. Хорошо в этом году уродилась пшеница!

– Да, слава Иисусу, неплохо.

Александр давно уже не слушал – просто расслаблялся, сидел, мечтательно прикрыв глаза… вдруг вспомнилась обычная русская баня, с полком, с веником, с водочкой… не какая-нибудь там сауна с проститутками, нет, просто баня. Небольшая компания близких друзей, шашлычок…

– Эй, эй, Александр! Ты что, уснул, что ли?

Усевшись рядом, Ингульф тряхнул приятеля за плечо:

– Ты тут еще не умер?

– А? Сейчас пойдем… обмоемся…

– «Амелия», – оглянувшись по сторонам, прошептал варвар. – Это судно через пару-тройку дней отходит в Александрию. Пожалуй, больше никто и не осмелится никуда плыть до самой весны. Ну разве что – в хорошую погоду, и то только вдоль берега, до Карфагена или Гадрумета, в крайнем случае – в Триполитанию.

– Ладно, – давно покрывшийся грязным потом Саша поднялся на ноги. – Идем, еще послушаем.

В следующем помещении – теплом тепидарии – стояли большие бочки с водой и каменные чаши с золой… точнее сказать – с зольным мылом… или все-таки – с мыльной золою? Тут же лежали и специальные скребки – соскоблять с тела грязь, вот они-то пришлись сейчас как нельзя более кстати.

– А ну-ка, поскребемся! – Александр обрадованно потер руки. – А потом – в бочку с водой.

Схватив скребок и золу, он принялся яростно тереться, вызывая самое искреннее недоумение своего неотесанного спутника… которого все же заставил хотя бы намылиться.

А потом – в бочку, а после – во фригидарий, в холодный бассейн… где уже купалось чертова уйма народа – откуда и взялись-то?

Люди весело переговаривались, судя по всему, большинство посетителей были здесь добрыми знакомыми, или просто явились своей компанией и теперь расслаблялись по пол-

ной.

Вынырнув, Саша фыркнул и, выбравшись из бассейна, развалился на широкой скамье:

– Уфф! Хорошо! Ну, что скажешь, парень?

– Хорошо, – согласился Ингульф, глазея на огромные, с цветными витражами, окна.

Проникавший с улицы солнечный свет раскрасил мокрый мраморный пол разноцветными – синими, красными, желтыми – зайчиками, таких же цветов были сейчас и мокрые, выбирающиеся из бассейна люди. Словно арлекины в трико.

– Живут же люди! – завистливо прошептал юный варвар. – В термы ходят… Не пойму, правда, где же тут девки?

– Так сюда мыться ходят, общаться, а не развратничать, как тебе почему-то кажется.

– Ничего и не кажется…

– И вообще, – Саша прищурился. – Тебе-то кто мешает вот так жить? Накопил серебришка, купил домишко, женился…

– Ага, накопил. Ты думаешь – я умею копить? Я что – еврейский торговец?

– Ну, тогда как знаешь, – молодой человек пригладил мокрые волосы и, подозвал крутящегося у бассейна цирюльника с бритвою и ножницами.

– Сколько стоят твои услуги, старик?

– Нисколько, мой господин, вы ведь уже заплатили при входе.

– Тогда подровняй мне волосы… и бороду тоже.

– Может быть, завить?

– Нет уж, обойдусь как-нибудь.

– Тогда прошу вон в тот угол, где статуя.

Старик тут же приступил к своей работе. Сморщенный, длиннорукий, сутулый, он управлялся с ножницами настолько быстро, что Александр уже стал всерьез опасаться, как бы этот ухарь не отхватил ему ухо.

Нет… цирюльник оказался ловок. Быстро управившись с делом, улыбнулся и, наклонившись, вдруг прошептал:

– Девочку не желаете? Есть молоденькие, умелые, и на разный вкус – нубийки, египтянки, эллинки с Лесбоса.

– Нет уж, с Лесбоса как раз не надо.

– Ну, не надо так не надо… Может быть, господин хочет мальчиков? Тоже имеются, только, конечно, дороже.

Да-а… а ведь «неотесанный вандал» Ингульф оказался прав! Действительно – гнездо порока.

– Нет, нет, старик – мы возьмем девочек! Веди!

А этот парень – не промах! Пока Саша раздумывал, он уже тут как тут – девочек подавай!

– Давай, давай, старик, не тяни же! – Ингульф, похоже, совсем освоился в термах… в том, что, в общем-то, никак не касалось собственно мытья.

– Идемте! – ухмыльнувшись, цирюльник протянул обоим по куску белой ткани – что-то типа узеньких простынь. – Пройдемте через раздевалку, господа мои!

Ну, ясно, зачем через раздевалку – оплата сразу или даже вперед!

А почему бы и нет? – на ходу рассуждал Александр. Он не женат, не помолвлен – никому не изменяет, если уж брать моральную сторону дела. Никого не обманывает – просто честно покупает все, что надо. Интересно – каков здесь прейскурант?

– О, не так уж дорого, господа мои, – лебезил хитрый старик. – Всего по пять денариев – за нубиек, о, уверяю вас, они очень страстные, вам очень понравится!

– По пять денариев? Да ты в своем уме, дед? Да за такую цену можно купить шесть амфор самого лучшего родосского вина или даже короб вкуснейшей жирной трески! Пять денариев за черноногую худую нубийку? Ищи дураков за пять денариев!

Александр только диву давался, слушая слова Ингульфа. А этот парень не промах… и вполне способен скопить на домик, и еще на кое-что… Так что зря он с такой завистью говорил про еврейских купцов!

– Что, кроме нубиек никого нету, старик? – продолжал торговаться варвар. – Ты же, кажется, говорил про эллинок и египтянок?

– О, боюсь, они обойдутся вам еще дороже, мои господа.

Незаметно подмигнув Саше, Ингульф распахнул шкафчик и с угрозой в голове произнес:

– Видишь этот меч, старик? Он очень острый!

– Не острее моей бритвы, – цирюльник, похоже, ничуть не испугался, из чего Александр тут же сделал вывод о существовании у сего интересного заведения не менее интересной «крыши». И кто б мог оказывать такое покровительство, заодно поставляя девочек… и мальчиков… и все прочие развлечения? Ясно, кто. Тот, у кого сила. А у кого в этом городе сила? Думать долго не надо – у варварского короля Гейзериха и его вандалов, кстати, соплеменников Ингульфа.

– Ну, так подешевле-то что, никого нет? – не отставал от цирюльника молодой варвар.

– Да есть, – старик махнул рукой и хитро прищурился. – Правда, из новеньких… необъезженные еще, непокорные…

– Так это же хорошо!

– По три денария!

– Старик! Давай – по два, а?

– По два? – старый сводник почесал бороду и, наконец, согласился. – Хорошо, только ради вас! Очень уж вы мне понравились, такие красивые молодые парни… умм…

– Эй, эй, ты не очень-то! – попятился Ингульф. – Веди давай к девчонкам – и дело с концом.

– Сначала – денарии.

Александр быстро отсчитал деньги:

– На! Получи.

– Слышь, старый, – варвар снова подошел к цирюльнику. – Нам бы это… пухленьких.

– Пухленькие – по три денария! А вы ведь заплатили по

два. Уж ничего не поделаешь, мои господа.

– Ладно, – махнул рукой Саша. – Веди, уж каких приведешь, только не старух и не совсем уж страшных уродок.

– Обижаете, господа мои! Прошу вас, сюда…

Сводник услужливо распахнул дверь, украшенную красивым позолоченным рельефом в виде переплетенных женских тел. По широкому коридору слева и справа тянулись двери, куда более скромные, нежели входные.

– Тебе туда, господин, – взглянув на Сашу, старик показал рукой направо… – А тебе, о, мой юный друг, вон туда…

Приятели переглянулись… и вошли каждый в свою дверь.

Узкий луч солнца, проникая сквозь приоткрытые ставни, выхватывал из полутьмы невысокое ложе на деревянных позолоченных ножках в виде львиных лап, накрытое темно-голубым покрывалом с каким-то мелким рисунком по краю. На ложе, скрестив ноги, сидела молодая девушка, полностью обнаженная, если не считать узкой золотой цепочки на шее и тоненьких браслетиков в виде змеек.

Александр сразу отметил, что девчонка – по-настоящему красива: брюнетка с ярко-голубыми глазами и нежной, покрытой золотистым загаром, кожей. Тонкие, явно европейские, черты лица, чуть вздернутый носик, губы, не сказать, чтоб тонкие, но и не такие пухлые, какие любят накачивать силиконом псевдокрасавицы из московских борделей или стареющие дивы Рублево-Успенского шоссе.

Глаза… Господи, какие глаза! Такой непостижимо сияющей голубизны, наверное, не бывает даже в небе! А ресницы? Это же чудо, а не ресницы – черные, загнутые, совершенно нереальной длины! И тщательно выщипанные полумесяцем брови, крутая линия бедер, упругая молодая грудь с изящными коричневыми сосками, плоский животик с темной ямочкою пупка, крутые бедра – господи, вот это красавица! Откуда она здесь? Хм… откуда… Откуда угодно! Дочь рабов, или пленница, или проданная в рабство за долги, или вообще свободная и просто зарабатывающая таким способом деньги, или… вариантов масса.

– Ты красивая! – от волнения Александр едва подобрал нужные латинские слова, чего при встрече с женщинами у него отродясь не бывало… запнулся даже. – Как тебя зовут?

– Арника, – девушка отозвалась отрешенно, даже как-то сухо, едва взглянув на присевшего рядом клиента.

Нет… она не брюнетка… просто – темно-русая.

– А меня – Александр, – тихо промолвил молодой человек.

– Мне совершеннейше все равно, как там ваше имя. – Глаза Арники вдруг распахнулись, широко-широко, чуть было не окатив посетителя смесью презрения и гнева… не окатили. Вовремя спрятались за густой сенью ресниц.

Ишь ты…

– Я… я заплатил за тебя.

– Я знаю, – девчонка послушно растянулась на ложе. –

Ложись и делай свое дело. Только ради бога, не спрашивай меня ни о чем!

Саша поправил на плечах простынь – почему-то не очень хотелось никому демонстрировать свои особые приметы в виде татуировки на левом плече – бриг «Товарищ». Наколол на службе по глупости, заодно с дружками, потом вот хотел свести, да все руки не доходили. Да и жалко, честно говоря, было – все ж таки память.

– Ну? – Арника дерзко сверкнула глазами. – Чего ж ты ждешь, варвар?

– Почему – варвар? – удивился молодой человек.

– С такой светлой кожей – и не варвар? – девушка неожиданно расхохоталась. – Поверь, я знаю жизнь. Небось, старый Селевдр сторговал меня за одну серебряную монету…

– За две…

– Ого? За две? А мне сказал – за одну, – Арника горько усмехнулась. – Что ж, придется его проучить… как – не сомневайся, придумаю.

Она прищурилась, неожиданно твердо и зло, и снова уселась, притянула коленки к груди, обхватила руками.

У левого локтя Александр заметил белесые следы ожога.

– Что это у тебя? Клеймо?

– Не твое дело, – девушка моментально опустила руку и все так же злобно снова посмотрела на Сашу. – И долго ты намерен трепать языком?

– На все два денария, – улыбнулся молодой человек. – Ты

и в самом деле красивая девушка…

– Многие так не считают!

– Значит – они слепые. Что это у тебя в кувшине, вино? – Александр кивнул на низенький, стоявший в самом углу столик, который даже не заметил при входе. Уж конечно, как тут заметишь, ведь совсем не туда и смотрел.

– Да, вино… Кислое и дешевое. Будешь?

– Не отказался бы. После парной, знаешь ли, очень хочется пить.

– Изволь, я принесу.

– Нет, нет, я сам.

Саша просто притащил к ложу столик с кувшином, двумя кружками и солеными оливками на большом глиняном блюде. Разлив вино, протянул кружку девчонке:

– Не откажи, красавица, выпей со мной. Ну, пожалуйста… Не могу пить в одиночку.

– Я тоже не могла… раньше… Впрочем, – Арника вдруг улыбнулась. – А ты слишком уж вежлив для обычного варвара. Какого ты рода? Вандал? Гот? Алан?

– Ни то, ни другое, ни третье, – широко ухмыльнулся Саша. – Я – склавин!

– Склавин?!!! – девчонка рассмеялась. – А что? Есть такое племя?!

– Конечно, есть… Я ж оттуда!

– Ах да, да… – Арника пригубила вино. – Пей же, склавин, не жди.

– Только вместе с тобой!

– А ты мне нравишься, – поставив опустевшую кружку, неожиданно промолвила девушка. – Нет, в самом деле, нравишься. Обычно варвары бросаются сразу, едва только не рычат…

– А местные? – Саша вдруг обиделся за «варваров», в конце концов, ими были все его теперешние друзья-приятели. – Потомки римлян. Они что же – все как на подбор вежливы и дружелюбны? Даже со жрицами любви?

– Ну ты скажешь, – гулко хохотнула Арника. – Местные римляне гады те еще! По крайней мере те, кто сюда приходят… Тупые свинячьи морды! Видел бы ты!

– Тупые?

– А те, кто поумней, через одного – содомиты, – отрезала девчонка, протягивая руку к кувшину с вином. – Пей, давай, варвар! Пей, веселись… Я действительно тебе нравлюсь?

– Конечно! – Александр осторожно взял девушку за руку.

– Тогда что же ты сидишь? – цинично ухмыльнулась та. – Возьми же меня, брось на ложе, и…

– Позволь для начала поцеловать тебя, Арника…

– Ты просишь позволения? – пушистые ресницы удивленно дрогнули. – Варвар! Ведь ты же меня купил. Правда – не полностью… и не надолго. Так спеши же, о глупый склавин!

– У нас говорят – спешка нужна лишь при ловле блох, – нежно обняв девчонку за талию, усмехнулся Саша.

Арника снова вздрогнула.

– И вправду так говорят? Вот именно так? Уже… Я закрою ставни… Не люблю, когда слишком светло.

– Так ты разрешаешь… – прошептал молодой человек.

– Целуй! – девушка вдруг прижалась к его груди решительно и сильно, обняла за шею…

Ощутив кожей быстро твердеющие соски, Александр с жаром поцеловал Арнику в губы, руки его жадно шарили по теплой девичьей спине, по плечам, по груди, бедрам…

– Ах, какой ты нежный… – опускаясь на ложе, с пылом прошептала девчонка. – Ах…

Такого наслаждения Саша давно уже не ощущал! С Кассией, а потом – с матроной, это все было как-то не так, подругому, что ли… А, может быть, это сейчас так просто казалось? Молодой человек чувствовал, как сходит с ума от этих чувственных губ, от бездонно-голубых глаз, от нежной шелковистости кожи… Странное чувство нахлынуло на него, словно бы он давно знал эту девушку, знал в какой-то другой жизни, где они были вместе, долго, давно, и счастливо, а потом вдруг почему-то расстались и вот сейчас снова сошлись, отыскав наконец друг друга.

– Арника… – меж поцелуями жарко шептал Саша. – Арника… Почему я не встречал тебя раньше?

И он мог бы поклясться, что девушка испытывала сейчас те же чувства! Об этом говорили ее глаза, ее губы… Все…

Узкая комнатенка сейчас казалась императорским залом, а неказистое ложе – троном. Троном, одним – на двоих.

– Мы с тобой прямо как король с королевой, – усевшись, с улыбкой произнес Александр. – Арника…

– Что? – девушка расслабленно улыбалась.

– Ты самая красивая. Просто чудо!

– Рада, что тебе понравилось… Не пожалел двух денариев?

– Да ладно тебе! Хочешь еще вина?

– Давай…

Оба выпили. Снова поцеловались в губы.

– Почему ты здесь? – погладив девушку по плечу, тихо спросил Александр. – Ты – рабыня?

– Теперь уже почти нет, – на этот раз Арника не ерепенилась, похоже, отвечала честно. – Я больше почти ничего не должна Селевдру.

– Так это этот старый козел тебя сюда затащил?!

– Тсс!!! Если б не он… я вряд ли б вообще была сейчас в живых.

– А…

– Не спрашивай! – жалобно попросила Арника. – Пожалуйста, ни о чем больше не спрашивай.

– Хорошо. Ты не хочешь отсюда уйти?

– Пока нет.

– Хм… Тогда… Я могу хоть чем-то помочь тебе?

– Можешь, – немного подумав, тихо отозвалась девчонка.

Саша почувствовал, что воспаряет душою:

– И как же? Говори, знай, Арника, я все для тебя сделаю!

Девушка улыбнулась, вроде бы и радостно, а вместе с тем – и печально, вернее, с какой-то затаенной, глубоко запрятанной грустью. Вздохнула, взъерошила Сашке волосы:

– Ты знаешь Каллиста из Гадрумета?

– Кормчего? – молодой человек тут же вспомнил недавно подслушанный разговор. – Его судно скоро отправится… куда-то далеко, в Константинополь, кажется…

– Да-да! Я именно о нем и говорю, о Каллисте и его корабле, – Арника встрепенулась. – Константинополь! Это город спокойствия, не то что здесь… или даже в Италии. И это город больших денег и больших возможностей… Даже для таких, как я! Нет… не так сказала… Тем более – для таких, как я!

– Так ты собираешься…

– Нет! Сейчас у меня нет для этого денег, – а набиться в любовницы к кормщику я уже не успею… Увы!

Саша не признался бы сейчас даже самому себе, но эти слова Арники почему-то сильно его задели, словно бы эта голубоглазая девчонка приходилась ему близкой родственницей, за которую он, именно он, отвечал…

– Я знаю, Каллист вернется весной, – снова улыбнулась девушка. – К этому времени я буду готова…

В дверь неожиданно стукнули, напористо и громко.

– Это Селевдр, – Арника вздрогнула. – Напоминает о времени.

– Как все быстро прошло… жаль…

– В следующий раз захвати с собой побольше монет!

– Послушай-ка, Арника… А давай мы с тобой встретимся. Нет, не здесь, где-нибудь в другом месте, на улице, в саду, у моря…

– Встретиться с тобой? Что ж, – девушка неожиданно согласилась. – Знаешь заброшенный сад у старого цирка.

– Найду!

– Там многие гуляют. Приходи. В воскресенье, в полдень, я буду ждать тебя у статуи Аполлона… Если, конечно, приду.

Снова настойчивый стук в дверь. Громкий… как стук сердца.

– Я ухожу, – накинув на плечи простыню, Александр поднялся с ложа.

– Прощай… – прошептала Арника.

Молодой человек покачал головой:

– Нет, не прощай… До встречи в заброшенном саду!

– До встречи!

– Постой…

Вскочив с ложа, девушка подбежала к Саше и, обняв его, крепко поцеловала в губы:

– Вот теперь – до встречи.

– В воскресенье, в полдень, у статуи Аполлона.

Арника широко распахнула ставни. Яркий солнечный свет, ворвавшись в комнату, плеснул в глаза резким горячим сиянием, осветив всю убогую обстановку… и золотистое те-

ло юной красавицы…

Александр оглянулся на пороге, заметив на спине девушки яркую цветную татуировку – синего улыбающегося дельфина.

Разве дельфины умеют улыбаться?

Глава 13. La Isla Bonita

…и пир возгорелся,
Как в дни былые…
«Беовульф»

Осень – зима 438 г. Средиземное море.

Она не пришла в воскресенье, зря Александр прождал в старом саду почти полдня. Арника… Что же ты? Обманула? Зачем? Сказала бы сразу, что не придешь…

Эта девчонка, голубоглазая фея, никак не хотела выходить из головы. Странная девушка… Заниматься проституцией… и при этом носить золотую цепочку и браслет. Хотя и то, и другое могло быть просто подарком.

Арника…

Термы! Надо срочно пойти в термы, взять за жабры старого сводника Селевдра и…

Не успел!

Уже вечером Тибальд собрал всех в старой таверне у южных ворот и сказал одно слово:

– «Амелия»!

Разбойники разом заулыбались – поняли, лишь Саша что-то тормозил, однако сидел молча, стыдно было спрашивать

у других, лишь потом поинтересовался у Ингульфа.

– Ну, ты даешь, дружище! – весело расхохотался тот. – «Амелия» – это судно Каллиста из Гадрумета. Большая такая корбита. Завтра поутру она отправляется в Константинополь… да-да – не взирая на угрозу штормов! Богатенькие пассажиры, битком набитые трюмы… ммм!

Александр хмыкнул: теперь понятно, почему пираты так радовались.

– Выходим в море утром, сразу после «Амелии», – деловито распоряжался хевдинг. – А сейчас – всем срочно на склады за провизией и пресной водой. Поторапливайтесь – там уже будут и наши друзья, люди Вульфарда и Алагиса.

– Вульфард и Алагис?! – возмущенно переспросил здоровяк Видибальд. – На что нам эти крысы, вождь? Неужели мы не справимся сами?

– Вот именно, что не справимся, – хевдинг гневно сверкнул глазами. – Нас всего три дюжины, а на корбите – сотня опытных воинов, плюс полсотни моряков, привычных к морским битвам. Это не считая переселенцев, которые тоже постараются подороже продать свои жизни. К тому же не забывайте, у корбиты высокие борта – их лучники нас просто перестреляют, мы не успеем даже подойти. А вот, если зайдем с трех сторон… Три охотничьих пса, при удаче, могут загрызть и медведя.

Остаток ночи пираты провели в харчевне, пили вино и орали песни. Тибальд этому не препятствовал, хорошо зная,

что во время плавания еще будет время выспаться.

Ранним утром «Амелия», подняв паруса, оранжевые в лучах восходящего солнца, медленно и величаво отвалила от причала Гиппона и вышла в открытое море. Прямые паруса корбиты быстро наполнились ветром, впереди громко хлопнул блинд. И сам Александр, и другие пираты невольно залюбовались судном – мощным, красивым, большим… прямо-таки огромным, с высокой кормою и четырьмя мачтами. Да, конечно, такой корабль был очень неповоротливым и плохо держал ветер – парусная оснастка этого времени, увы, не позволяла совершать крутые маневры. Однако «Амелия» имела весьма внушительный вид, на корме и на юте были установлены стрелометы – вещь устрашающе нужная, но при качке – почти бесполезная. Как и онагры, катапульты, баллисты – когда-то Саша читал про все эти орудия в книгах: якобы мореходы древности их часто устанавливали на кораблях. Вместо пушек. Ага, как же! Молодой человек пока что не видел подобных устройств ни на одном корабле, и, по здравому размышлению, понял – что и не увидит. Все эти катапульты и прочие, установленные на качающейся палубе корабля, – совершенно бесполезные вещи. Когда нет никакой возможности прицелиться, куда полетит камень или огромная, похожая на бревно стрела? Правильно – в белый свет как в копеечку, и никуда больше! Все эти громоздкие боевые механизмы эффективны лишь при штурме крепостей, а

на корабле – как пятое колесо в телеге. Ладно еще стрелометы – закрепленные в направляющих стрелы, в основание которых бьет оттянутая доска… покуда не отсыреет. Одним выстрелом вполне возможно смести с юта бросившихся на штурм врагов. А потом долго заряжать… Второго выстрела, как правило, сделать уже не успевали.

Когда паруса корбиты уже маячили где-то у горизонта, Тибальд подал знак, и команда «Золотого Быка» дружно опустила на воду весла. Вспенив воду, галея отошла от причала и, развернувшись, направилась в море. По команде хевдинга, пираты подняли мачты и паруса – прямой, точнее сказать – прямоугольный, много позднее его бы назвали – фок – на передней мачте и перевернутый треугольный акатий – на задней, бизани. Гребцы положили весла и, весело переговариваясь, потягивали вино из прихваченных с собой запасов, пили по-варварски – неразбавленное, впрочем, точно такими же вкусами отличались и жители столичного Константинополя, давно снискавшие себе сомнительную славу самых известных пьяниц.

Сам хевдинг, положив руку на румпель, замещал погибшего кормчего. Конечно, Александр был очень неплохом моряком, но, увы, пока еще не знал местных условий. Ингульф вот знал, но Орестус Тибальд не имел привычки доверять важное дело молокососам, в чем был, конечно же, прав.

– Глянь-ка назад! – Ингульф толкнул приятеля в спину.

Александр оглянулся, увидев приближающиеся суда,

быстро догонявшие галею. Похоже, это были новоявленные соратники Тибальда – хевдинги Вульфард и Алагис.

– Вон там, слева – либурна «Голубой волк», видишь на мачте волчью голову?

Саша присмотрелся:

– Ну да. Это кто у нас там – Алагис?

– Нет – Вульфард, – Ингульф усмехнулся и смачно сплюнул в воду. Да, уж этот парень, по всему видать, совершенно не верил в морские приметы…

– Поплюй в волну, – неожиданно попросил юный вандал.

– Зачем? – удивился Саша.

– Чтобы умилостивить всех… мало ли, кто там есть?

Да-а… логично.

Исполнив требуемое, Александр оглянулся:

– Ну, так что скажешь ты о Вульфарде, друг мой?

– Гад, каких мало, – ни капельки не сомневаясь, тут же отозвался Ингульф. – Правда, Алагис Желтая Рука еще похуже будет. Тот еще пройдоха!

– Желтая Рука?

– Ну да, кораблик у него так именуется… ну, и он сам. Желтая – якобы потому, что золото к ней прилипает… ну, к руке его.

– Ага, значит, это его суденышко слева?

Ингульф неожиданно расхохотался:

– Его. Именно что суденышко, римляне называют такие суда – актуарии. Палубы нет вовсе, зато очень верткое, быст-

рое… однако – плохо держит волну. Плыть на таком в рябь – большое искусство… Кстати, у Алагиса есть и еще один корабль, купеческий, «круглый», куда крепче «Желтой Руки»… но он, конечно, вряд ли догнал бы корбиту.

– Да. Корабль Вульфарда куда как лучше…

– «Голубой Волк»? – парнишка скептически хмыкнул. – Скажешь тоже! Наш «Золотой Бык» даст всем им хорошую фору! Нет, римская либурна, конечно, хорошее судно, но только не такая старая и много раз чиненная.

Ингульф замолчал, глядя на волны, не шибко-то и большие, но и не маленькие, как раз такие, что делают жизнь моряка полной восторга.

Александр бросил взгляд вперед и встревожился, не увидев там вообще ничего – ни парусов, ни точки. Не то чтобы он так уж переживал за исход плавания… как-то не по себе становилось от мысли о том, что придется убивать ни в чем не повинных людей… да-да, именно так – придется, и ничего с этим не сделать: уж назвался груздем, так полезай в кузов.

И все же…

Молодой человек снова оглянулся:

– А где же корбита?

– Да никуда она не денется, – весело хохотнул Ингульф. – За ней можно плыть с закрытыми глазами! Сейчас хороший ветер – после полудня «Амелия» зайдет в Карфаген – у Каллиста хорошие отношения с Хильпериком – там и заночует, и мы, конечно, в гавань заходить не будем, даже не бу-

дем ждать корбиту, просто пойдем в Гадрумет – именно туда «Амелия» явится к вечеру. Ну и дальше пойдем вдоль берега – Триполитания, Киренаика, а уж потом придется пересечь море курсом на Крит, а там уж и до Константинополя не так далеко. Думаю, хевдинги решат напасть на корбиту где-нибудь в Триполитании – а чего тянуть-то? Не так уж много у нас кораблей, да и погода… В это время года могут налететь шторма, слава Господу, хоть сейчас пока спокойно и тихо.

– Видать, сильно приспичило этому Каллисту, коли он решился на плаванье в мертвый сезон, – с усмешкой бросил давно прислушивавшийся к беседе Эрлоин. – Или, может быть, ему очень хорошо заплатили.

– Скорее – последнее, – кивнул юный варвар. – Но это значит, что тот, кто заплатил, знает что-то такое, чего никто еще не знает.

– Мудрено говоришь! – расхохотался Саша. – И что же такое здесь может случиться?

– А, не знаю, – парнишка махнул рукой. – Может, Гейзерих-кениг решился-таки захватить Карфаген и обрушить последний римский оплот? Вот кое-кто прознал… и теперь бежит в Константинополь.

– О! – захохотал Эрлоин. – Этот «кто-то» – очень умный человек, я вам скажу! Боюсь только, ум его все же окажется не таким уж крепким… и виной тому будем мы.

На подходе к Карфагенской гавани хевдинги взяли мори-

стее – никому не хотелось встречаться с морским охранением наместника Бонифация, точнее – его верного пса Хильперика, с которым почти у всех пиратов имелись и личные счеты. Далеко обогнув столицу провинции, разбойничьи суда причалили к берегу за мысом, там и заночевали, выставив охранение, а с первыми лучами солнца взяли курс на Гадрумет – так в эти времена именовался Сус.

Альфред Бади, антиквар из Суса – положив весло, в который раз уже вспомнил Александр. Жаль, жаль, что он так поздно поверил старику… слишком поздно. Все же нужно попытаться его отыскать – хоть одна живая душа… оттуда! Эх, старик, старик… жив ли ты еще?

Саша вдруг задумался о том, что, может быть, кроме него самого и месье Бади, здесь, в этом варварском времени, есть еще люди из далекого будущего. А почему бы и нет? Можно будет попытаться их как-нибудь отыскать… как? Об этом надо просто подумать. А вот – зачем? Вопрос интересный…

Надпись!

Молодой человек едва не подавился вином, вспомнив надпись, выцарапанную на стене того сарая, в котором держали рабов… тогда, сразу после кораблекрушения. Кто-то написал по-французски – «Я был здесь». Кто-то написал… Кто? Наверное, это мог быть и антиквар… надо бы его спросить… если отыщется.

И вообще – хватит плыть по течению! Карьера пирата – вовсе не то, на чем надо строить жизнь, а ее ведь надобно

как-то устраивать, раз уж все так вышло. А на всякую жизнь нужны средства! Откуда, спрашивается, их брать? Да, сейчас, в случае удачного исхода рейда, таковые средства появятся – и надо ими распорядиться четко, с умом. Купить, наконец, дом – не век же кантоваться в тавернах – и… И, может быть, жениться?

На той самой, голубоглазой…

Черт! Надо же, как запала в душу эта девчонка! Словно бы чем-то приворожила, примагнитила… Может, она и вправду – ведьма? Ладно – после набега уж ее-то запросто можно найти все в тех же термах.

Арника… Кажется, она неплохая девушка… Что же касается рода ее занятий, то Сашу такие мелочи давно уже не смущали, в конце концов, чем отличались от обитательниц веселых домов иные деятельницы бомонда, так называемые «светские львицы» – да, по сути, ничем, чего уж…

На следующей после Гадрумета ночевке вожди собрались на совет. Орестус Тибальд накинул на плечи новый шикарный плащ с затейливой золотой фибулой, вещью в высшей степени изысканной, кстати – произведением мастеров-вандалов, отнюдь не римской, как можно было бы ожидать – приоделся и, прихватив с собой верных людей в лице Александра, Ингульфа и детинушки Видибальда, направился в специально разбитый шатер с волчьей шкурой на верхушке.

Почему хевдинг взял с собой именно этих? Ладно Види-

бальд – с ним-то как раз все понятно, но Саша с Ингульфом, которые были с Тибальдом, откровенно говоря, без году неделя? Что, хевдинг не доверял своим? А очень похоже, что так! Да и, что уж тут говорить, Александр и его юный приятель были весьма представительными, не то что прочая рвань, особенно сейчас, облаченные в новые туники и кожаные, с металлическими бляшками, панцири. Конечно, лучше бы – сверкающую кольчугу… но, увы, пока это дорого. Да, еще имелись и длинные плащи из добротной ткани, у Саши – сиреневый, у Ингульфа – темно-голубой. И фибулы… Бронзовые, зато начищенные – сияли, больно глазам!

Солнце уже скрылось за дальним мысом, когда разбойничьи вожди собрались, наконец, в шатре. Вульфард оказался настоящим варваром, какими их любили изображать в школьном учебнике истории древнего мира в разделе «Падение Римской империи». Приземистый, буйно-рыжий, растрепанный, с кудлатой – во всю грудь – бородищей и ручищами, словно кузнечные клещи, Вульфард Голубой Волк выглядел устрашающе, сразу было видно – авторитет! Второй член триумвирата – Алагис – по внешнему антуражу не годился ему и в подметки – маленький, плюгавенький, лысоватый… этакий живчик с хитрым лисьим лицом и пегой редковатой бородкой. Одет скромненько – затрапезная римская туника, башмаки с обмотками, темненький плащик, застегнутый простой медной булавкой, посмотришь, скажешь – простота-простинушка! Однако и Вульфард, и Тибальд

держались с Алагисом подчеркнуто уважительно, отнюдь не введенные в заблуждение его простецким видом.

Оба тоже явились в сопровождении воинов – по трое у каждого, видно, именно так и договаривались. Охрану в шатер, естественно, не позвали, все девятеро вольготно расположились на вольном воздухе, у шатра. Кто-то из людей Вульфарда, с усмешкой вытащил плетеную фляжку, предложил…

А вкусное вино! Ну, вот нисколько не кислое, приятное такое, терпкое… Что-то типа бордо, что ли…

Саша, конечно, пытался прислушиваться, интересно было – о чем там говорили в шатре? Увы, доносились лишь отдельные слова и вырванные из контекста фразы… по которым, впрочем, можно было кое о чем догадаться: Тибальд предлагал не тянуть время зря и напасть на корбиту прямо в море, еще до триполитанского города Большой Лептис, куда «Амелия» наверняка зайдет. Алагис же настаивал на прямо противоположном – атаковать корабль Каллиста на рейде, у берега, во время ночевки.

– Мы явимся под утро, как волки, – как мог, убеждал соратников хитрый лысеющий хевдинг. – Никакого риска! Никаких стрел… Мои пловцы скрытно проникнут на корбиту… уберут стражу… Я знаю весьма подходящее место для такого дела – сразу за Триполитанским валом, именно там и встанет на ночевку Каллист.

– А, если не встанет?

– А куда же он денется-то? Встанет, и именно там, где мы и рассчитываем.

Убедил! Вульфард поначалу сомневался, больше склоняясь к идее Тибальда, но, все-таки убежденный красноречием Алагиса, сдался:

– Ладно, думаю, стоит поступить, как ты сказал.

Орестус Тибальд тоже махнул рукой:

– Ладно. За валом так за валом.

Высокие мачты корбиты чернели на фоне светлеющего неба, на море царил полный штиль, и было вообще непонятно – как это могучее судно пустится в плаванье утром? Хотя… по утрам обычно поднимался ветер.

Укрывавшиеся за небольшим мысом пиратские суда тихонько, на веслах, подкрадывались к обреченному судну. Первым шла легкая актуария Вульфарда. Вот замедлила ход… ловкие тени, без звука соскользнув воду, поплыли к стоявшему на якорях кораблю, уцепились за канаты, поднялись…

Выждав некоторое время, все три судна продолжили движение – Вульфард заходил с левого борта, Алагис – с правого, Орестус Тибальд – с моря.

Небольшая рябь играла на розовато-палевых волнах, небо алело, вот-вот должно было взойти солнце.

Оп! На корбите внезапно ударил колокол… гулко, всего пару раз… и так же внезапно оборвался. Спящие прямо на

палубе пассажиры вскочили… но было уже поздно – пираты лезли на корабль со всех сторон!

– С нами Иисус и Водан! – устрашающе размахивая над головой длинной римской спатой, заорал Ингульф, только что забравшийся на «Амелию» вслед за Сашей.

Проснувшиеся пассажиры, в большинстве своем явно не воины, испуганно жались к мачтам. Их никто не трогал, пока…

Однако уже клинки звенели. Быстро оправившись от внезапного нападения, бывшие на корбите воины выстроились на корме в несколько линий, за ними появились и лучники – в воздухе запели стрелы.

Александр невольно обернулся, услыхав громкий воинственный клич – точно такая же картина наблюдалась и на юте – защитники корабля выстраивали линию и там, явно намереваясь, отбив первый натиск, тут же перейти в контратаку, сдавив нападавших в клещи.

На носу, как и договаривались, действовал Вульфард, корма была делом Тибальда, а вся остальная палуба принадлежала Алагису, люди которого уже убили некоторых особенно резвых пассажиров и теперь сдерживали остальных копьями.

Похоже, Орестусу достался самый трудный участок…

Подумав так, Александр поспешно уклонился от летящего дротика, попавшего в кого-то из своих, молодой человек сейчас не видел – в кого – по призыву вождя все бросились в атаку!

Яростный крик вырвался из глоток, миг – и тучи выпущенных противником стрел стали уже бесполезными – атакующие уже вступили на корму, завязав рукопашную схватку.

Звенели мечи, секиры с противным хрустом рубили вражеские черепа заодно со шлемами, повсюду слышались стенания и проклятья, и самая гнусная ругань захлестнула палубу, и лилась кровь, и ноги воинов скользили по белесо-сизым, только что выпущенным кишкам, а вверху, над мачтами, плотоядно кричали чайки.

Александр уже не терзался моральными муками – стало не до того. Раньше надо было думать, а теперь что уж – раз ввязался, так надобно биться. Закон простой – не ты, так тебя!

Удар! Эхх! Едва ведь успел отбить… Задумался! А не надо думать – смерти подобно! Только бой! Только сверкающие глаза врагов! И звон клинков, и летящие дротики, и крики…

Образовавшаяся на корме кровавая куча-мала быстро распалась на отдельные схватки. Один на один, двое на двое, двое на одного, трое…

Саша старался действовать в паре с Ингульфом, прикрывая друг друга, так они заранее договорились, так было удобнее.

Бились плечом к плечу, Александр брал на себя тех врагов, что слева, его напарник – тех, что справа. Ну, а тех, кто

лез прямо на рожон, встречали оба! Длинные мечи были у обоих, боевая секира была еще для Ингульфа тяжеловата, а Саша просто к ней не привык. Но и мечами сражались умело!

– Смотри! Сзади!

Ингульф вовремя предупредил, Александр резко развернулся, одновременно выбрасывая назад меч… наткнувшийся на чье-то толстое брюхо. Кто-то из пассажиров… явно не воин. Ага – упал, завалился, выпустив из рук увесистую дубину, которой уж так хорошо бы угостил Сашу, не помог бы и шлем, точнее сказать – просто железный обод, другого пока не имелось.

Снова разворот… удар! На этот раз в щит… пусть так! Этот парень слишком уж резво попер на Ингульфа. Приятели переглянулись… Варвар кивнул на щит, Саша наклонил голову – понял…

Ингульф резко ухватил за край шита рукой, дернул… Саша встретил мечом летящее в парня лезвие! Звон! Отбив!

Ингульф изо всех сил потянул щит… Александр ударил вражину в незащищенное бедро… тот завыл, выпустив наконец щит… и получил успокаивающий удар по башке пущенной кем-то дубиной! Кто бы это мог быть, такой прыткий? Саша быстро оглянулся… Ну, конечно – Видибальд! Бросив дубину, детинушка с ухмылкой схватил лежащий у фальшборта рей, на первый взгляд небольшой… но весьма увесистый – этакая оглобля! Размахнулся… йэхх! Любо-до-

рого было посмотреть, как полетели в воду враги!

Нет, они уж не думали о контратаке, лишь защищались с упорством обреченных… Но еще вполне могли натворить дел. И хевдинг Орестус Тибальд хорошо понимал это… Вот отпрыгнул назад, к Алагису… что-то сказал…

И, снова взобравшись на корму, отдал громкий приказ:

– Назад! Всем назад!

Пираты опешили. Как так? Ведь, казалось, победа была так близка.

Здоровяк Видибальд зло прищурился, вовсе не собираясь выпускать из рук рей:

– Ты что, хевдинг?

Другие – Эрлоин, Ингульф и все прочие – тоже недоуменно посмотрели на своего вождя.

– Назад, я кому сказал?! А ну, отошли все на пять шагов! А вы… – он глянул на вражеских воинов, словно и они должны были почему-то ему сейчас подчиниться. – Вы нам не нужны. Можете убираться к черту! Как угодно – на кормовой шлюпке или вплавь. Клянусь Святой Девой, препятствовать мы не будем… Ну?

Если бы уже были изобретены наручные часы, предводитель пиратов наверняка дал бы защитникам корабля пару минут на раздумье, а так… А так приходилось действовать сразу.

– Посмотрите туда, – Тибальд с усмешкой кивнул на ют. – Ваши соратники уже сдались. Как и кормчий Каллист из Гад-

румета. Чего же ждете вы? Победы? Не смешите мои башмаки.

Пламенная речь хевдинга, вне всяких сомнений, произвела на оставшихся защитников впечатление. Правда, они поначалу не верили… Но вот один, бросив щит и копье, нырнул в воду… доплыл до привязанной к корме лодки, забрался, помахал рукой. За ним последовали второй, третий… Никто им не препятствовал, ни одна стрела не разорвала вдруг наступившую тишь, прерываемую лишь стонами раненых.

И вот уже с кормы попрыгали все… все! Лишь остался Олин, молодой безусый парнишка, наверное, самый стойкий.

– А ты что? – с любопытством подошел к нему Орестус Тибальд.

– А я не умею плавать.

– Что ж, очень жаль… – Длинный нож хевдинга вошел несчастному в шею.

А дальше началось самое интересное – дележ добычи! Собственно, ради этого господа пираты сюда и прибыли, и теперь бурно радовались.

– Твои воины славно бились, любезнейший Тибальд, – косясь на испуганных пленников, улыбался Алагис. – Думаю, будет справедливо позволить им проверить трюмы. Там много чего можно найти.

– Да, так будет справедливо, – ухмыльнулся косматый Вульфард.

– Рус, Ингульф, Эрлоин! – обернувшись, позвал хевдинг. – Проверьте с воинами Алагиса-хевдинга трюм. Да будьте осторожны… – подойдя к своим людям, Тибальд понизил голос: – Не спускайте с них глаз! Парни Алагиса – известные воры. Как и их вождь. Впрочем, и у Вульфарда люди ничуть не лучше. Ну, что вы стоите? Вперед!

Александр только хмыкнул: это называется – успокоил. И вслед за чужими воинами нырнул в темный трюм… точнее сказать – спустился на вторую палубу, большей частью предназначенную для пассажиров, хотя вдоль бортов и лежало приличное количество мешков, первый попавшийся из которых был тут же взрезан каким-то нетерпеливым варваром.

– Шерсть, – варвар обернулся. – Неплохая нам добыча досталась! Эй, парни, посмотрите – что там?

Он кивнул на ведущий в трюм люк…

– Самое ценное тащите наверх! Хотя… мы тоже идем с вами…

Саша пожал плечами: идете так идете… только что-то вы, господа, не очень торопитесь. Что так застыли? Ладно, ждать не будем.

– Возьми светильник, друг! – один из разбойников любезно протянул Ингульфу бронзовую лампу с едва тлеющим фитилем. – Там, внизу, раздуете…

Да уж понятно…

Первым в трюм спустился Ингульф, за ним – Эрлоин, потом – Саша. Полнейшая тьма… затхлая сырая…

– Эй, дружище Ингульф, а ну, раздувай-ка свою лампу!

Что-то громко хлопнуло сверху… Люк! Тяжелая крышка люка! Упала… Что-то скрежетнуло – словно бы скользнул в пазы засов. И послышался довольный хохот.

– Эй, парни? – подняв голову, бросился к люку Эрлоин. – Вы что творите-то? Черт!!! Эй-эй, а ну, выпустите! Что за глупые шутки?

– Думаю, это никакие не шутки, друзья мои, – вытерев выступивший на лбу пот, Александр устало уселся на корточки. – Полагаю, они нас просто закрыли.

– Как это – закрыли?

– Ну, заперли, чтоб не мешали делить добычу!

– Но ведь мы…

– Вы думаете – наши друзья Вульфард и Алагис – кристально честные люди? Хорошо еще – не убили, хотя вполне можно и этого ожидать. Ну? – молодой человек обвел взглядом соратников, лица которых едва освещало зеленое пламя бронзовой лампы. – У кого есть какое оружие?

Сам он, как и Ингульф, оставил спату на палубе – неудобно было лезть с длинным мечом в трюм.

– У меня – кинжал, – негромко произнес Эрлоин.

Саша и Ингульф со вздохом переглянулись – у них не было и этого.

– Позже попробуем расковырять кинжалом доски, – ре-

шительно принимая командование на себя, распорядился Александр. – Сейчас же просто осмотримся…

– А, может, они и в самом деле – шутят?

– Эх, Ингульф… не знаешь ты этих гадов! – Эрлоин сплюнул. – А я ведь так и предчувствовал, что что-то такое непременно будет. Чтоб во время раздела добычи да не перессориться? Когда хоть такое было?

– Что же Тибальд? Совсем нюх потерял? А ведь не дурак вроде…

– Думаю, Алагис его как-то перехитрил, поймал на чем-то… Впрочем, черт с ними со всеми – давайте думать, как выбираться?!

Решили расколупать кинжалом доски, не бортовые – те были слишком уж толстые, а сверху, настил второй палубы. Тоже, конечно, не тоненькие, но все-таки…

Возились примерно часа полтора, все втроем, по очереди, пока не поняли – тщетно.

– Этак мы до морковкина заговенья провозимся, – хмуро резюмировал Александр и, заметив недоумевающие взгляды соратников, пояснил: – Дня три, говорю, колупаться тут будем, уж никак не меньше.

Да уж, точно не меньше. Ингульф с Эрлоином дружно кивнули… и с прежним усердием продолжили свое гиблое дело. Ну, правильно – чего сложа руки сидеть?

– Ого, да тут щель! – минут через пять обрадованно воскликнул Ингульф. – Сейчас попробую расширить…

– Осторожно, кинжал не сломай! Постой-ка! – Александр поднял повыше светильник – фитиль уже догорал, и вот-вот был готов погаснуть. – А ну-ка, дай посмотреть… Ага… Слушайте-ка, а ведь если эту досочку немного подвинуть… чтоб щель образовалась с другой стороны…

– А смысл? – хмыкнув, резонно спросил Эрлоин. – Какая нам разница, где там эта чертова щель?

– А большая разница, братцы! – Саша сунул парню светильник. – Ну-ка, подержи. Ингульф, дай сюда нож… Дай, говорю! Так… еще чуть-чуть, еще… осторожненько… Черт!

С противным хрустом лезвие переломилось пополам.

– Ну вот, – молодые варвары переглянулись. – Нас предупреждал, а сам…

– Ничего страшного, – отмахнулся Александр. – Тут можно и осколком подвинуть… еще и лучше, крепче… Ага… поддалась! Поддалась! Еще немного, вот…

Ингульф все же не выдержал:

– Да объяснишь ты, наконец, зачем нам эта щель?

Сашка расхохотался:

– А затем, друзья мои, что именно над ней, насколько я понимаю, и проходит засовец! Сейчас мы его зацепим… вот так же, лезвием… ага! Есть! Подвинем, подвинем… Черт, сорвался…

– Я! Дай мне попробовать!

– Тебе? Ну ладно, парень, давай… только, прошу тебя, осторожно…

Передав обломки ножа Ингульфу, Александр устало привалился к стене. Фитиль бронзовой лампы замигал, задымил и погас, погрузив заполненный амфорами трюм в кромешную тьму.

– Зря мы не посмотрели, что там, в этих амфорах, – негромко посетовал Эрлоин.

Саша усмехнулся:

– Может, ты и не посмотрел… А я так полюбопытствовал: зерно, вино, оливковое масло – в общем, ничего интересного.

– Могли бы вина попить…

– Могли бы… Но коли уж почти вылезли… Как там, Ингульф!

– Готово!!! – о, с какой гордостью отозвался юный вандал! Будто бы, если б не лично он, так пленники и вообще бы никогда не выбрались из этого трюма, остались бы здесь навсегда, и кости б истлели…

– Ну, раз готово, тогда открывай лаз… Только тихо!

Ага! Тихо!

Крышка люка хлопнула с таким грохотом, что Саше показалось, будто у него над ухом выстрелили из пушки.

Правда, в остальном все было тихо. Никто не орал, не таился – такое впечатление, что про пленников просто-напросто позабыли. Похоже, вторая палуба была абсолютно пуста… А сверху доносились радостные голоса, раскатистый хохот… музыка и песни!

Александр прислушался… и не поверил своим ушам. Сначала подумал, что показалось – бывает ведь такое от волнения. Постоял, послушал… Нет! Не показалось! Все так и есть!

Приятный девичий голос под аккомпанемент какого-то струнного инструмента – лиры или цитры – перепевал знаменитый хит Мадонны «Ла исла бонита»! На хорошем английском языке, между прочим!

– Выходим! – заинтригованный до глубины души молодой человек просто не мог больше оставаться внизу.

– Как выходим? – удивленно переспросил Ингульф.

– А так, – Саша кивнул на приоткрытый лаз. – Здесь, кажется, не заперто.

Конечно, они не поперли на палубу сразу. Немного выждали, выглянув из люка… осмотрелись. Да-а… Картина, представшая изумленным глазам пленников, являла собой что-то среднее между фильмами про сокровища Шехерезады и каким-нибудь мюзиклом. Большая часть палубы была застлана мягкими коврами, повсюду стояли кувшины с вином, какие-то яства на серебряных и золотых блюдах, звучала громкая музыка… к сожалению, уже не знаменитый шлягер, просто музыка, без всяких там слов – барабаны, флейты, цитра. Полуголые танцовщицы в узких набедренных повязках исполняли какой-то эротический танец, на что благосклонно взирали сидевшие на корме люди, судя по всему – истинные хозяева и устроители праздника. Хевдинги Алагис

и Вульфард в компании с толстым и добродушным бородачом в белом бурнусе.

– Ах, дружище Каллист! – Алагис подхватил наполненный вином кубок. – Давай-ка выпьем! И что бы ты без меня делал, дружище?

– Что бы мы все делали друг без друга?

Все трое захохотали, а Ингульф едва не сдержал гневный крик… даже показал рукою, шепнул:

– Смотрите-ка!

Да-а… посмотреть было на что: оказывается, и третий разбойничий хевдинг – Орестус Тибальд – тоже присутствовал на пиру… только в виде отделенной от тела головы, спокойно возлежащей на золотом блюде, стоявшем тут же, среди прочих закусок и кувшинов с вином.

– А они его не обидели, – Александр не сдержал циничной ухмылки. – Тоже пригласили на пир. Интересно, где все остальные? Я имею в виду наших… что-то их не видать. Всех перебили? Может быть…

– А, может быть, тоже заперли в трюме? – гулким шепотом предположил Эрлоин. – Может быть, стоит посмотреть… вон там, ближе к носу.

– К юту – надо говорить. Про нос – одни сухопутные крысы выражаются, – Саша почесал затылок. – Впрочем, посмотрите… Пройдитесь по нижней палубе, а я тут пока понаблюдаю.

Когда друзья ушли, молодой человек распахнул люк по-

шире, собственно, это был даже не люк – просто большой кусок грубой кожи… Распахнул… и застыл.

Рядом – достать рукой – преспокойно храпел какой-то черт в шикарном плаще… точнее говоря – просто в накинутом куске дорогой ткани, темно-голубой, с золотым и серебряным узорочьем.

Немедленно стянув ткань, Саша накинул ее на себя, задрапировался и, взяв в руки стоявший тут же бокал, пошатываясь, направился к борту судна. Поглощенные плясками, выпивкой и жратвой варвары не обращали на молодого человека никакого внимания, а вот он постарался приметить все, что мог. Смотрел по сторонам во все глаза – и было, на что.

Все три пиратских судна: «Золотой Бык», «Голубой Волк» и «Желтая Рука» тоже были покрыты коврами – и там тоже шел пир на весь мир, из чего Александр заключил, что возвращаться сейчас на родную галею было бы несколько преждевременно и опасно.

На галею – опасно… а вот на керкур…

Откуда здесь взялся этот изящный парусник, было не очень понятно, да Саша и не стремился сейчас это понять, его больше занимало другое – много ли на керкуре людей? Впрочем, сколько бы ни было… Не идти же в пустыню? Да и кто знает, что там за племена? А беглецов мало – пока можно было твердо рассчитывать лишь на троих. Уйти троим пешком – нереально, кто-нибудь да захватит, даже могут выслать

погоню – запросто, вон, на берегу тоже пируют. Значит, остается один пусть – морем. На веслах троим – не смешите… А вот косые паруса керкура… по меркам двадцать первого века – средней величины прогулочной яхты – как раз то, что нужно бы.

Как только туда проникнуть? Вплавь? Можно и так… Правда, далековато стоит, но… Тем более – скоро стемнеет, солнце уже садится… оранжевое, тихое, добродушное. И вообще – чудо, как хорошо кругом!

Какое мягкое, нежно-палевое, розовато-голубое море… именно такое – разноцветное. И – еще немного расплескано золота – от солнца. А небо над головою – оранжевое, темно-голубое, синее – словно в каком-то волшебном сне!

Звенели цимбалы и цитры, выводила какую-то веселую мелодию флейта, нагие тела танцовщиц извивались в танце, а пьяные варвары невпопад затянули какую-то длинную и нудную песнь, время от времени подбадривая себя дружными хлопками в ладоши и громким – аой!

Заграбастав по пути несколько шикарных покрывал, Александр пробрался обратно к люку, сиречь – к рогожке. Огляделся, откинул, позвал:

– Эй, Ингульф! Ну, как там?

– Освободили еще четверых наших! – возбужденным шепотом отозвался парнишка. – С нами теперь Видибальд!

– Видибальд? Это здорово! – молодой человек искренне обрадовался – здоровяк варвар мог здорово пригодиться в

его планах.

– В общем, так, – растянувшись, якобы перепил, Саша быстро инструктировал приятелей. – Накинете на себя все эти тряпки… вот, бери… так… и, как начнет темнеть, незаметно проскользнете на палубу… Увидите в море двухмачтовый керкур… К утру, а еще лучше – к ночи – он должен быть наш, ребята!

– Будет, – сверкнув глазами, гулко заверил Ингульф – вот именно этим Сашке этот парень и нравился: никогда ни в чем не сомневался! Просто не было для него ничего невозможного. Захватить всемером целый корабль? А запросто! Только вот нос утереть…

– Ты с нами, брат?

– Конечно… Только не сразу. Есть тут у меня еще одно небольшое личное дело.

Не говоря больше ни слова, молодой человек поправил на плечах блестящий узорами отрез, подхватил кубок и, нагло перешагивая через поющих и храпящих разбойников, зашагал к музыкантам. Уселся рядом, подмигнул, взяв за рукав одного, увел к борту:

– Тут недавно одна девушка пела… Случайно, не знаешь, кто?

– Девушка? Какая девушка?

– Ну, песню такую пела… на непонятном языке. Ну, вспомни же!

– На непонятном языке… песню… – музыкант – черня-

вый юноша с флейтой – смешно наморщил лоб. – Девушка… А! Пела, да! Не помню, как ее знать – она с нами в последний момент напросилась. Вон там ищи, в кормовой каморке… В какой именно, не скажу – не знаю.

– Ладно, спасибо… найду.

А вокруг уже грянули:

– Слава великому хевдингу Алагису Желтой Руке!

– Вульфарду-хевдингу слава!

– Слава! Слава! Аой!

Саша особо-то и не таился – вряд ли его хоть кто-нибудь здесь помнил в лицо, да и не знал даже.

Улыбаясь и громко крича «Слава хевдингу!!!» – проскользнул под корму, к каютам… Застыл в полутьме, прислушиваясь…

Совсем рядом, за тонкой дощатой перегородкой, кто-то свистел! Да не просто свистел – насвистывал… ла исла бонита!

Волнуясь, молодой человек отдернул толстую занавесь… В маленькой узкой каюте без всяких окон, спиной к нему, напротив горящей свечи, стояла полуобнаженная девушка… она и свистела…

Саша неслышно подошел сзади… нет, это ему показалось, что неслышно… девчонка вздрогнула, вмиг перестала свистеть, резко обернулась, ударив зажатым в руке кинжалом…

Александр перехватил, машинально выкручивая руку… напел, стараясь не очень фальшивить:

– Ла ис-ла бо-ни-та…
И округлил глаза, узнав…
И девушка… она тоже узнала.
И оба прошептали:
– Ты?!

Глава 14. Таверна и ЧОП

…зарок мой крепок! —
добуду победу,
или окончатся
дни моей жизни
в этом чертоге!
«Беовульф»

Зима 438–439 гг. Вандальская Африка

Удачно сбежавшие с «Амелии» пленники захватили керкур еще до того, как на судно добрались Саша с Арникой… Зарниковой Катериной Федоровной – так по-настоящему звали эту голубоглазую девушку, которую вовсе не пришлось долго уговаривать оставить мечты о далеком Константинополе. В конце концов – что она там искала-то? Одни лишь надежды?

Уже почти совсем стемнело, когда молодые люди соскользнули с кормы по канату и, добравшись до шлюпки, погребли к керкуру, смутная тень которого маячила на рейде. С темно-синего неба холодно смотрели звезды и серебряная, убывающая луна, грозящая превратиться в серп. Стоял полный штиль, но было вовсе не жарко, скорее – даже прохладно, так что одетая более чем легко Арника-Катерина зябко

передергивала плечами.

– Ничего! – загребая чуть влево, улыбнулся Саша. – Даст Бог, скоро согреемся.

– Ага, согреемся… – Катя снова поежилась и, усмехнувшись, попросила: – А ну-ка, дай весло…

– Да неудобно… ну, если так хочешь – на! Лучше уж тогда сюда пересядь – грести удобнее.

Взяв в руки весло, девушка принялась грести с неожиданной энергией и силою, Александр за те десять минут, пока они добирались к керкуру, даже начал немножечко замерзать – все ж таки не май месяц.

Но вот, наконец, нос лодки мягко ткнулся в высокий борт судна.

Саша приложил к губам палец:

– Тсс!

Оба прислушались: в отдалении – с захваченной корбиты, с других пиратских судов и с берега доносились пьяные вопли и музыка – праздник все продолжался, жаль – он изначально был задуман отнюдь не для всех.

А на палубе керкура стояла мертвая тишина.

– Ингульф! – подумав, громко позвал молодой человек.

Секунд пять с корабля не доносилось ни звука, а потом послышался приглушенный голос:

– Нет, нет! Думаю, не стоит метать секиру, дружище Видибальд! Вдруг это и в самом деле – Рус?

– Да-да, секиру метать точно не стоит! – на всякий случай

пригнувшись, тут же возразил Александр. – Лучше б спустили лестницу… или хотя бы веревку.

– О! Что я говорил?! – Ингульф – кто же еще-то? – звонко засмеялся. – Это ты, брат?

С борта полетела веревка:

– Прошу вас, мадам, – галантно улыбнулся Саша.

– Ну, коли уж на то пошло – мадемуазель! – девчонка хмыкнула и, нащупав веревку, ловко забралась на палубу.

Александр чуть замешкался – привязывал челнок, лишним ни одна мелочь не бывает.

И потому, оказавшись среди друзей, позволил себе немного расслабиться:

– Сальве, парни! Давно не виделись. Кстати, девушку зовут Арника – прошу любить и жаловать.

– Ну, вот! – Эрлоин с жаром хлопнул себя по коленкам. – Я же говорил – баба! А ты – мальчишка, мальчишка!

– Ну, перепутал, – обидчиво отозвался Ингульф. – Бывает. Темно ж кругом все-таки!

Да, пока было темно, но далеко-далеко на востоке уже начинала светлеть узенькая полоска неба.

Ингульф, Эрлоин, Видибальд, еще трое парней-вандалов и Александр с Арникой – восемь человек. С веслами бы, конечно, не справились, а вот с парусами… с парусами можно было уйти.

– Сколько здесь было людей? – быстро спросил Александр.

– Всего лишь охранение… трое… Теперь кормят рыб!

– Хорошо, – Саша давно уже лишился всех проявлений гуманизма – не то было время. – Нужны лампы или факел… лучше лампы…

– Сейчас, – ухмыльнулся Ингульф. – Видал в кормовой каморке парочку… Но, зачем они нам? Привлекать внимание?

– А как ты собираешься ставить в темноте паруса? – Александр закашлялся – какой-то неизвестно откуда взявшийся москит попал в нос.

– Паруса? – удивленно воскликнула сразу оба – Эрлоин и Ингульф. – Мы что же, поплывем ночью?!

– Именно там, мои маленькие друзья, – молодой человек издевательски расхохотался. – Ночью! Вот, прямо сейчас, наудачу…

– А…

– Боюсь, что утром мы уже никуда не сможем уйти. Так что – за дело, друзья мои, за дело. Тащите лампы! Зажечь свет! Акатий – на фок-мачту, живо!

– Куда акатий? – недоуменно переспросил кто-то из обычно молчаливых парней. Кажется, его звали Хукбольд… или – Хильдебальд, или…

Саша даже не пытался запомнить – язык можно сломать, и не выговоришь-то без пары-тройки объемистых кружек.

– Куда-куда… на фок… На переднюю мачту!

– На переднюю? – несказанно удивился пират. – Но ведь…

– Понимаю, непривычно, – Александр все же решил снизойти до объяснений. – Но прямой парус нам сейчас не помощник – слишком объемист, да и ветер – почти что встречный, придется лавировать, поэтому – акатий! Только акатий. А как рассветет, еще поднимем блинд… ну этот, маленький прямой парусенок…

Саша так и выразился – парусенок – черт его знает, как он здесь назывался, артемон, что ли?

На корме вспыхнул свет – две тусклые, дрожащие звездочки – Эрлоин с Ингульфом принесли лампы.

– Славно! – потер руки молодой человек, по сути, давно уже принявший на себя обязанности хевдинга, чему никто не протестовал, остальные пираты были еще слишком молоды и неопытны, а детинушка Видибальд обожал помахать секирой, да мог, при случае, поворочать веслом, в управлении же парусами мало что смыслил.

– Поднять якоря! Акатий на мачту! – встав у руля, деловито распоряжался Саша. – Парус укоротить, закрепить шкоты… ну эти… «ноги паруса»… Да, именно так они и именовались.

В общем-то, если не считать Александра, изо всех восьмерых один лишь Ингульф имел представление о парусах, остальные были просто рубаки-гребцы… Что ж – придется учиться, иначе мало шансов добраться… А собственно – куда добраться-то?

Именно это и спросила, наконец, Арника-Катерина – ку-

да?

– Честно говоря, не знаю, – развернув судно в бейдевинд, Саша пожал плечами. – Пока – куда-нибудь подальше отсюда, а там поглядим, там посмотрим. Выйдем на простор – эти поганые твари нас вовек не догонят!

– Ой ли? – девушка зябко поежилась. – Ладно, поглядим, чего уж теперь? Уж, раз назвалась груздем…

Последнюю фразу она произнесла по-русски…

– …Так полезай в кузов! – радостно закончил молодой человек. – Ты русская, что ли?

– Ну да…

– Землячка!!!

Саша хотел было обнять девушку, но побоялся отпустить румпель… или как он тут назывался.

– Ингульф… левый шкот… тьфу… «ногу»… внатяг!!! Осторожно, меняем галс! И-и-и… раз!

Александр ловко переложил румпель. Хлопнул парус… Оп! Вновь уловил ветер, теперь уже с другой стороны…

– Вот, так и будем лавировать, – улыбнулся молодой человек. – Лишь бы не нарваться на мель. Хотя и это не страшно, у нас ведь за кормой – шлюпка… Крепи, крепи шкот… Удерживай!

– Черт! А ты, похоже, знаешь, что делаешь! – Арника удивленно хмыкнула.

Саша хохотнул:

– Ну, еще бы! Чай, срочную на паруснике служил. Кре-

пи, крепи, парни! Это называется, Катя, – идти на булинях. Медленно, но нам сейчас лишь бы выбраться… рассветет – там определимся да прибавим ходу.

Александру очень, очень хотелось поговорить сейчас с девушкой, голубоглазой феей, оказавшейся к тому же землячкой, но, увы, в данный момент он себе позволить это просто не мог – нужно было глядеть в оба.

– Приготовили правый шкот… тьфу – «ногу»!

Снова разворот, довольно резкий… И порыв ветра… Судно едва не захлестнула волна.

– Черт! – чтобы не упасть, Арника ухватила Сашу за плечи. – Едва не свалилась за борт.

– Сейчас будем часто менять галс, будь осторожней… Ничего, скоро осмотримся.

Попеременно подставляя ветру то левый, то правый борт, судно шло в бейдевинд, медленно, но верно удаляясь от берега.

Над головой быстро светлело небо, и вот уже вспыхнула на свинцово-серых волнах яркая золотисто-оранжевая дорожка. Александр улыбался: самый опасный момент прошел довольно гладко – удалось выйти из бухты, ну, а теперь…

– Ингульф – на руль! Остальные – слушай меня…

Новоявленный шкипер распоряжался непререкаемым тоном – никто и не возражал, никому не хотелось брать на себя ответственность за других… тем более когда такой человек уже нашелся.

– Сейчас наши враги очнутся от попойки, – Саша произносил слова отчетливо и громко, стараясь донести их смысл до каждого, даже – до детинушки Видибальда. – Не обнаружив на рейде керкур, а нас – в трюме корбиты, как вы думаете, что будут делать Вульфард и Алагис?

– Они… – Видибальд с гневом махнул кулачищем. – Ухх!!!

– Верно, здоровяк! – расхохотался Саша. – Немедленно пустятся в погоню! Ну, корбита почти против ветра далеко не уйдет, а вот «Волк» с «Желтой Рукою»… да еще «Золотой Бык» у них… эти вполне могут догнать, уж не сомневайтесь, грести там будут усердно!

Парни угрюмо переглянулись.

– Думаю, нам стоит готовиться к схватке, – Эрлоин тяжко вздохнул, и тут же снулое лицо его вдруг озарилось радостью. – Так умрем же с честью!

– Умирать нам рановато, парень, – снова вспомнил любимую пословицу Александр. – Есть у нас еще дома дела! Катя!

Все пираты посмотрели на подошедшую девушку, кое-кто откровенно зацокал языком – ага, разглядели, значит, такую красу.

– Это моя невеста! – с ухмылкой представил молодой человек. – Зовут – Арника. Вернемся – сыграем свадьбу… И вы, считайте, уже приглашены на свадебный пир!

– Вот это славно! – громко расхохотался Видибальд. – Ох и уж я и напьюсь! Ха! Три кувшина вина зараз – запросто!

– Неразбавленного? – подначил Бертульф… или, как там его? Не запомнить.

– Неразбавленного! – здоровяк тряхнул гривой. – Давай, вождь, веди нас!

Александр довольно кивнул – пока все шло так, как он и задумал.

– Арника! Внимательно осмотри корабль – трюмы и все каюты… Ну, а мы пока тут…

Черт! Ветер далеко не попутный… Эрлоин!

– Да, мой вождь?

Отличные слова! Те, что надо!

– Найдется здесь острый нож?

– Х-ха!

– Тогда режьте парус… Что, запасной есть? Отлично! Сделаем из прямого еще два косых… Быстро! Быстро! Только реи сейчас закрепим тоже косо – сами увидите, как легко будет лавировать! Ну, за работу, друзья мои, за работу!

Саша бросил тревожный взгляд за корму и нахмурился, увидев быстро приближающиеся точки. Ну да, вот они, суда Алагиса и Вульфарда. Не прошло и года…

– Реи на мачты! Гитовы и брасы крепить… Черт… Вот эти вот канаты! Шкоты… приготовились к смене галса…

Слава богу, пираты уже начали понимать новые термины – шкоты, галс, бейдевинд… Куда деваться – не хочешь, да научишься!

Взметнулись на мачтах два косых паруса – уже не акатии,

треугольник вершиной вниз, уже словно бы обычные, латинские… Судно сразу ощутимо прибавило в скорости, хотя так и приходилось иди круто к ветру, часто меняя галсы. Хорошо, не было сильных волн, но ветер крепчал, хотя чуть сменил направление, и Александр-хевдинг радовался – если дело так и дальше пойдет, можно будет поставить и прямой парус – велум – сделать, так сказать, из «шхуны» «шхуну-бриг», и уж тогда вряд ли кто сможет догнать мчащийся в море легкий керкур.

Саша снова оглянулся – гребные суда пиратов рыскали, словно волки, но тем не менее приближаясь – уже хорошо стала различима волчья голова на юте, пенные брызги, весла… И крики! Радостные дикие крики. Ага! Вот раздался свист – полетели стрелы.

– Велум на мачту! – быстро распорядился молодой человек. – Крепить гитовы… руденс…

Руденс – этот римский термин обозначал вообще весь такелаж: шкоты, брасы, гитовы, гордени и прочие снасти…

А легкие кораблики гнусных хевдингов уже оказались совсем рядом… вот-вот возьмут на абордаж… или ударят тараном. Ну да – видно, решили пойти на таран: одно из судов, быстроходная актуария «Желтая Рука», уже разворачивалась круто к борту керкура.

– Велум распустить!

Вспенили воду весла…

Уловив ветер, хлопнул парус… Керкур рванулся вперед,

резко и неудержимо, а промахнувшаяся акутария, жалко помахивая веслами, закружила на месте, стараясь, побыстрее поменять курс. А ветер крепчал, и не этим гребным суденышкам было сейчас выходить в море!

О, нет, подлые хевдинги Алагис и Вульфард вовсе не были дураками – они все прекрасно поняли и, изрыгая в бессильной злобе проклятья, повернули назад, в бухту. А и не повернули, так бы не догнали уже быстроходный керкур, поймавший парусами ветер.

– Ушли! – стоя за румпелем, радостно закричал Ингульф. – Слава хевдингу Александру!

– Слава! Слава!! Слава!!! – довольно закричали все.

Еще бы! Всемером (ну, не считать же за воина девчонку?) оставить с носом таких опытных разбойников, как Вульфард и Алагис – это надо было постараться!

– Ну вот, – Александр наконец-то смог перевести дух. – Эрлоин, Бертульф… ну, и я с вами – на вахте, остальным – отдыхать.

Беглецы радостно загудели.

– Саша… – из трюма выбралась Арника. – Там много всего…

– Что именно?

– Три дюжины стандартных киликийских амфор с оливковым маслом и столько же – с вином, кроме того – пятьдесят восемь кип ромейских тканей, ценой по полста денариев за локоть, так же еще медь в болванках, и серебро – монета-

ми, штук четыреста, еще различные нитки, краска и так, по мелочи…

– Гм, – Саша задумался. – А ты с ценой не ошиблась?

– Ну, уж в тканях-то я разбираюсь!

– Так что… мы теперь, выходит, богаты?

Девушка неожиданно расхохоталась:

– Выходит, что так… На первое время точно хватит!

– Отлично! – новоявленный хевдинг потер ладони и устало опустился на палубу. – Теперь бы еще знать – куда нам идти? В Константинополь? Это вряд ли – слишком уж далеко, а я не знаю лоции. Остается – тупо вдоль берега, как тут все и ходят… впрочем, в это время – уже никак не ходят, а ждут весны, но нам-то ее ждать нечего.

– Значит, вдоль берега, – Саша покивал головой, мысленно представляя карту северного побережья Африки… места, которые через несколько сотен лет назовут Магрибом, ну, а пока это – если считать от Гибралтара – столпов Мелькарта – Мавритания Тингитская, Мавритания Цезарея, Нумидия, Африка, Триполитания, Киренаика, Египет. И – куда?

– Какой город здесь недалеко, дружище… ммм… Бертольд?

Парень оторвался от фальшборта:

– Вообще-то я Бертульф, хевдинг! А недалеко здесь – Большой Лептис. Тот еще городишко – гнусный, вонючий и грязный.

– К тому же, Алагис и Вульфард именно рядом с ним

устроили такую засаду, – задумчиво проговорил Александр. – Там же, в этом Лептисе, скорее всего, и будут нас искать. Они сами-то откуда, эти подлые твари? Из Гиппона? Подалуй, нет – слишком они уж там себя незаметно вели… да и с кормчим «Амелии» как-то слишком уж быстро договорились… Были знакомы раньше? Наверняка. А этот хитрожопый кормчий… Каллист, кажется, он откуда?

– Каллист – из Гадрумета, – усевшись рядом и прислонясь спиной к фальшборту, негромко пояснила Арника. – Про Вульфарда не скажу, а вот Алагис – оттуда же.

– А ты откуда знаешь? – Саша изумленно прищурился.

– Знаю, – девушка махнула рукой. – Оттуда – Невмехия, супруга Селевдра. Старая ведьма! Впрочем, если б не они, еще не известно, где б я сейчас была… Скорее всего – нигде.

– Как это так – нигде?

– А вот так! Просто меня уже бы не было.

– Ты вообще-то как здесь объявилась-то? – наконец-то задал главный вопрос Александр.

Девчонка неожиданно улыбнулась:

– На скутере покаталась! Черт побери… самой не верится!

– А как ты поняла, что… ну, что сейчас на дворе четыреста…

– Ты знаешь, долго не хотела понять. Перед самой собой признаться – и то страшно было. Я ведь сначала в местную деревуху попала… ну, вынырнула, выбралась на берег, пошла… думала – помогут. Помогли… сволочи! – Катерина

резко сплюнула за борт. – Хорошо не убили.

Саша, проявив вообще-то мало свойственную ему тактичность, не спрашивал Арнику – что там как в этой деревне было… хотя, конечно, хотелось узнать, но…

– Ну, а дальше?

– А дальше – бежала! Меня ведь в сарае держали, вместе со скотом. Ударила пастушонка в ухо – и бежать. Думала – ну, хоть к какому-нибудь шоссе выйду… Не вышло! Эти гады меня поймали, чуть было кожу с живой не содрали… брр!!!

Девушка зябко поежилась, и Александр мягко обнял ее за плечи.

– В общем, хотели казнить… А тут в деревню эти пришли – Селевдр с Невмахией… типа врачеватели… как бы. В общем, этим нищим уродам нечем оказалось заплатить, так они предложили меня… Невмахия не отказалась – так я рабыней стала, служанкой… Потом Селевдр пристроил к делу – в термы…

– А когда ты поняла, что…

– А не знаю, – девчонка прищурилась. – Вот честное слово… Это не было какое-то внезапное озарение, знаешь, в один момент, нет. Как-то постепенно все… тупо… Города эти вонючие… Ни вывесок, ни мобильных антенн, ни «тарелок». Я понимаю – нищета кругом африканская, ну, хоть какой-нибудь задрипанный микроавтобус да должен же быть! Ну, или велосипед хотя бы… А потом Селевдр сказал –

сколько от рождения Иисуса времени. Я сама спросила, когда начала уже подозревать, что дело нечисто… В ступор впала – ты даже себе не представляешь, в какой!

– Да представляю! – Александр пригладил рукой растрепавшиеся на ветру волосы. – Я вот только одного сейчас не представляю – куда нам податься?

– А ты попробуй методом от противного – куда уж точно соваться не стоит? – не задумываясь, посоветовала Катя. – Я раньше, когда лесом занималась, всегда так делала.

– Чем-чем ты занималась?

– Да ладно, проехали. Давай лучше над теперешними проблемами думать. Куда нельзя?

– В Лептис этот – точно нельзя, – задумчиво протянул молодой человек. – Как и во все ближайшие городки… Что остается? Гадрумет. Хм… самое их гнездовище! Карфаген? Там вообще непонятно, что… да и варвары его вот-вот захватят.

– Остается Гиппон, – улыбнулась девчонка. – Вернулись, так сказать, к тому, откуда пришли. Вульфард с Алагисом – не оттуда, точно.

– Но могут явиться туда, чтобы отомстить… и вернуть керкур.

– Могут, – Арника кивнула. – Но ведь не в Испанию же нам бежать? К тому же в Гиппоне хоть есть кое-какие завязки… и еще… раз мы с тобой здесь вот оказались… так может…

– Я понял тебя, – крепче обнимая девушку, прошептал Александр. – И сам надеюсь, что, может быть, вдруг…

– Кстати, а ты мне о себе совсем ничего не рассказал!

– Расскажу, – молодой человек улыбнулся. – Вот отстоим вахту да засядем в какой-нибудь кают-компании… думаю, капитанская нам как раз подойдет. Какие-то закрытые каморки должны быть на корме, а на юте, кажется, кухня… Пойдем, по-быстрому глянем?

– Пойдем.

В небольшой надстройке на носу, ближе к мачте, действительно оказался обмазанный глиной очаг, закопченный котел, керамические горшки, припасы… Александр улыбнулся: что-что, а уж голодная смерть беглецам в ближайшее время явно не грозила.

Они снова вышли на палубу, погодка разгулялась, и в небе ярко сияло солнышко, однако грело уже не очень-то, да еще ветер…

– Я видела в одной их кают-компаний плащи. Сейчас принесу.

В плотном, накинутом на плечи плаще и в самом деле оказалось куда как теплее, тем более что Арника захватила из каюты кувшинчик с вином. Конечно, новому хевдингу нужно было бы блюсти строгость, не давая подчиненным злоупотреблять спиртным хотя бы во время вахты, однако… Однако, с другой стороны – что тут пить-то? Чай, не водка – слабенькое кисловатое винцо.

Потому Саша подумал и предложил всем:

– Пейте, парни! Заодно – согреетесь.

Где-то в полдень разбудили сменщиков. Основной груз ответственности за корабль, конечно же, лежал на Ингульфе, в общем-то, знакомому с морским делом, и, по давно уже сложившемуся мнению Саши, этому парню вполне можно было доверять.

– Ингульф – старший! – уходя на корму, строго предупредил молодой человек. – Слушать его, как меня. Ингульф!

– Да, вождь?

– Если что непредвиденное – зови!

– Понял.

Важно выпятив грудь, юноша стал у румпеля, зорко следя, чтобы судно шло на одном расстоянии от берега, слишком не отдаляясь, но и не приближаясь так, чтоб уж очень. В блекло-синем, словно выцветшая джинса, небе все так же светило солнце.

– А что делать, если мы вдруг повстречаем корабль? – вдогонку уходящему хевдингу спросил Ингульф. – Конечно, вряд ли такое случится, но…

– Тогда буди меня, – обернувшись, усмехнулся Саша. – Уж что-нибудь да придумаем.

Узенькая, с небольшим квадратным оконцем, каюта, судя по богатому убранству, и была обиталищем капитана керкура. Бронзовый светильник в углу, разноцветные циновки, мягкое изумрудно-зеленое покрывало на ложе… туда-то

без лишних разговоров и повалились молодые люди. Арника быстро скинула плащ… тунику…

– Ого! – она разглядела татуировку на плече Саши. – «Товарищ»… Это тот парусник, где ты служил?

– Да, – молодой человек обнял девчонку за шею и крепко поцеловал в губы.

– Красивая…

Ах, каким жаром полыхнули ярко-голубые глаза!

– Знаешь, если б я увидела эту татушку тогда… Может быть, мы сговорились бы сразу.

– Может… У тебя тоже красивое тату… А ну, повернись-ка!

Нежно обхватив Катю за талию, Александр наклонился, пробежался губами по девичьим плечам и спине, поцеловав голубого дельфина… улыбающегося дельфина… впрочем, кто знает, умеют ли дельфины улыбаться?

А потом, после любовных утех, вспыхнувших, словно сухое сено от поднесенного внезапно огня, они расслабленно улеглись поверх покрывала, тесно прижимаясь друг к другу. Саша тихонько рассказывал о себе…

– Так, значит, ты тоже киношник?! – смеялась Арника. – Каскадер… вот здорово! И Алексея Стрепова знал?

– Кто его только не знал.

– Ой, он такой душка!

Молодой человек поморщился – назвать липового гомосексуалиста и прожженного циника Лешеньку Стрепова

«душкой» мог только человек, знающий его очень и очень слабо. Или вот – как Катерина – вообще не знающий, разве что по кинофильма и сериалам.

– Так ты говорил о каком-то научном судне? – девчонка неожиданно встрепенулась.

– Ну да… С большой такой круглой антенной.

– Опа!!! Я тоже его видела! Понимаешь, тоже! Перед тем, как… – Катерина явно разволновалась, ее хорошенькое личико раскраснелось, глаза блестели, как море в солнечный день. – Перед тем, как исчезнуть… И еще! Мне показалось, что из этой вот антенны внезапно вырвался какой-то луч…

– Ага… гиперболоид инженера Гарина.

– А ты не смейся! Очень даже похожий. И вот, после этого…

Судно! Белое научно-исследовательское судно – НИС. А, может, Катерина права? Может, это суденышко и в самом деле при делах? Черт! Отыскать бы старика антиквара! Жаль, не успел тогда толком поговорить… не верил. А старик-то, похоже, много чего знал. Отыскать его! Отыскать…

– Кстати, если мы с тобой здесь, может быть, и кто еще? Антиквар? Что за антиквар? Из Суса? Как-как, говоришь, его звали? Месье Бади? Ха! Ну, конечно, он же меня подвозил. А потом я видела его на яхте. Красивая такая, не очень большая… Послушай-ка, что же, выходит, кроме нас с тобой, кроме антиквара этого, здесь еще может кто-нибудь быть… ну, оттуда. По телевизору говорили – много судов то-

гда исчезло. Вместе с пассажирами.

– Другие? – усевшись на ложе, молодой человек обнял себя за плечи. – А ведь ты права, девочка! Если мы тут… могут быть и другие. Надо их разыскать! Может быть, все же… я тешу себя надеждами.

– Я тоже! – Катерина пригладила волосы. – Ведь мы же здесь чужаки, пришельцы, нас просто не должно здесь быть, иначе… Иначе весь ход истории может пойти не так! Помнишь, как Брэдбери – одна раздавленная бабочка и…

– Это все так, – Александр согласно кивнул. – Если только… Если только – это именно наше прошлое, прошлое нашего, неудержимо стремящегося к коллапсу мира, нашего мира, а не какого-нибудь иного.

– Кстати – да, – девушка тревожно вздохнула. – Я где-то читала – таких миров может быть очень много.

– По крайней мере, законам физики это не противоречит. Осталось только узнать у кого-нибудь – как бы нам вернуться именно в свой мир!

– Да пусть бы даже и не совсем в свой, – Арника махнула рукою. – Ладно, черт с ним, пускай будет другой, какой-нибудь параллельный, но – с телевизорами, автомобилями, мобильниками… Цивилизованный, одним словом.

– Да, – снова согласился Саша. – Пусть хоть так. Кстати… А тебе сколько лет?

– Двадцать… недавно исполнилось. А что? Старовато выгляжу?

– Скорей, наоборот, – погладив девушку по бедру, Александр хмыкнул. – Просто… какая-то ты слишком уж умная для своих лет, обычно девки в двадцать лет – дуры дурами… да и пацаны не лучше.

– Согласна… Был у меня такой инфантил. Знаешь, Саша… надо бы нам определиться – что вообще делать?

Молодой человек улыбнулся: ну, до чего ж умная девушка! Приятно поговорить. Можно подумать, ей не двадцать лет, а все пятьдесят! Молодец – обо всем заранее беспокоится: как жить, что делать…

– Убивать людей мне что-то не хочется, – честно признался Саша. – А ведь, я полагаю, кое-кто желает видеть меня удачливым пиратским вождем. А что? Корабль у нас теперь есть… сейчас, пока не сезон, можно пограбить прибрежные поселения – в той же Сицилии, например… Что ты так смотришь? Это не я сейчас говорю – именно так бы рассуждал на моем месте любой местный варвар. Поступить по-другому – привлечь к себе внимание. А я как-то не привык быть на виду, неуютно мне от этого как-то.

– Ну, деньги у нас пока есть, – задумчиво промолвила Арника. – Поделиться с ребятами, а потом… можно и небольшой домик купить. Если жить скромно – на полгода хватит.

– Вот именно что – на полгода, – кисло улыбнулся молодой человек. – А потом? Всегда нужно рассчитывать на худшее.

– Гм… что мы умеем-то?

– Вообще-то я хороший повар, – не хвастаясь, вполне серьезно заявил Александр. – Так что, ежели не получится с парусами…

– А почему не получится? – девушка неожиданно всплеснула руками. – А что, если не пиратствовать?

– Боюсь, здесь, увы…

– Не пиратствовать, а, наоборот, охранять торговые суда… за определенную плату. Создать частное охранное предприятие, сокращенно ЧОП!

– Понимаешь, можно было бы, конечно, открыть таверну, но… Без прикрытия на нас тут же наедут, боюсь, не дадут и работать.

– А ЧОП мы просто так откроем?

– Нет, не просто так. Нужен выход на кого-то из самых главных. Подумаем – как это организовать… И, знаешь, наверное, как раз в этом таверна и может помочь.

– И как только сказать про такое парням? Хевдинг – и вдруг – трактирщик!

Погодные условия благоприятствовали беглецам, дул ровный устойчивый ветер, и большую часть времени светило солнце. Никаких судов по пути не встретилось, если не считать утлых рыбацких челнов, вышедших на промысел, пользуясь хорошей погодой.

– Идем в Гиппон! – собрав ближе к вечеру всех, громко объявил Александр. – Ремонтируем корабль, гуляем… А по-

том у меня будет к вам одно интересное предложение…

– О, – рассмеялся Ингульф. – Мы, кажется, знаем, какое, вождь!

Таверна называлась – «Синий Ус». Они купили ее у разорившегося трактирщика в порту Гиппона. Они – это Саша, Катерина, Ингульф. Последний, правда, вложил причитавшуюся ему долю чуть позже, и не всю, а то, что осталось от кутежей, продолжавшихся почти неделю. И правда – надо же было отметить спасение!

Двери таверны, располагавшейся на первом этаже большого, старинной римской постройки, дома, выходили на узкую улочку, ведущую в гавань. До моря – минут десять-пятнадцать неспешной ходьбы. Это было удобно – у дальнего причала как раз и стоял «Амикус» – «Товарищ, друг» – именно так Александр назвал захваченный у пиратов керкур. Сей легкий парусник, по мнению Саши, нуждался в коренной переделке парусного вооружения, и молодой человек, отыскав корабельного мастера, долго втолковывал ему, что такое – брамсель, марсель, блинд… В конце концов, плюнул и просто нарисовал все на листке папируса. По мысли новоявленного судовладельца, керкур дожжен был превратиться в некое подобие бригантины – шхуны-брига – с косыми – «латинскими», а не с акатием – и прямыми парусами, с высокими мачтами, полностью модернизированным такелажем и всем таким прочим, на что корабельный мастер

– плечистый старик с седой бородой и лукавым взглядом – лишь покачал головой:

– С таким количеством парусов керкур перевернется даже при самом слабом ветре!

Да уж… В этом он был полностью прав! Саша совсем не подумал об остойчивости, о не слишком-то большой осадке, да много еще о чем… Пришлось оставить мачты прежними, совсем отказавшись от самых верхних парусов – брамселей. Зато на судне появился длинный бушприт с тремя косыми полотнищами! А еще Александр надстроил корму, и теперь керкур издали сильно напоминал каравеллу или каракку, до появления которых было еще, как до Китая пешком.

Молодой капитан еще хотел хоть чем-нибудь заменить пушки, скажем – поставить на борт и корму баллисты и катапульты, подобные оружия художники, напрочь игнорируя все законы физики, почему-то очень любили рисовать применительно к древним судам… По здравому размышлению, Александр от всего этого отказался, ограничившись двумя относительно легкими стрелометами – на носу и корме – весьма неплохо зарекомендовавших себя в абордажной схватке. Саша велел поставить их на поворотные круги, обильно смазанные жиром – получилось вполне неплохо, да и смотрелось все, надо сказать, устрашающе.

В хорошие дни – были и такие – судно несколько раз выходило в море, правда, недалеко – команда тренировалась в обращении с парусами. Команда… Ингульф – само собой,

плюс Эрлоин, детинушка Видибальд, Бертульф и все прочие, вовсе не намеревавшиеся искать себе нового вождя, а собиравшиеся вот-вот выйти в море, сорвавшись в какой-нибудь лихой набег на прибрежные селения, без разницы, где – в Мавритании, Испании, Галлии… Единственное, что их сдерживало, это частые в это время шторма. Да и вообще – семь человек – это еще не команда. Нет, управиться с парусами можно было и в этом составе, но… в такой малочисленности рыцари удачи вряд ли выдержали бы даже первый абордаж, не говоря уже о каких-то там набегах.

Памятуя о совете Арники – охрана! – Александр пока держал все эти идеи при себе, справедливо полагая, что вряд ли они придутся варварам по душе. Уж как-нибудь потом, с течением времени, при благоприятном случае… Сейчас же всем был поручен рекрутинг – набрать до весны пару – а лучше тройку – дюжин опытных молодцов, которым можно было бы хоть немного доверять. Задача не такая уж и легкая, как могло бы показаться. Нет, молодцов-то хватало, но вот насчет доверия…

– Помните, это должны быть очень надежные люди! – инструктировал своих Александр. – Каждый из вас будет отвечать за тех, кого приведет.

Получив подобную установку, варвары несколько приуныли, но все же приступили к достаточно активным поискам, хотя, конечно, не торопились, да и некуда было – не сезон!

А вот капитан «Амикуса» и таверновладелец Саша как раз поторапливался. Необходимо было срочно установить самые приятельские отношения с сильными мира сего – ну, если и не с самим королем Гейзерихом, то с кем-нибудь из его приближенных.

Да, и еще имелась одна задача – по возможности отыскать антиквара… и – может быть – кого-нибудь из тех… провалившихся. И в этом деле здорово могла помочь таверна.

Кстати, Катерина тут же предложила поменять вывеску на что-нибудь «более миленькое», как она выразилась…

– Ну, типа «Метрополь» или «Лидо»…

– Или «Максим», – улыбнулся Саша.

– Или «Максим», – девушка согласно кивнула. – Ну, что-нибудь такое современное… нам современное, не им. А то ведь сам же говорил: высматривал, высматривал вывески – и ни черта!

– Точно!!! – Александр обрадованно хлопнул в ладоши. – Катя, ты – гений! Сделаем настоящую рекламную вывеску, которую все бы знали… ну, знаешь, логотип, типа вот – белым по красному – «Кока-кола»… Только вот, как местным-то объяснить, что это значит?

Катерина пожала плечами:

– А зачем кому-то что-то объяснять? Мы ж – собственники, что хотим, то и делаем! «Кока-кола», кстати – как раз недурная задумка, уж это-то все знают… А значит, обязательно заглянут… как мотыльки на огонь. Ну, вот ты бы не

заглянул, если б вдруг увидел?

– Заглянул бы!

– Ну, вот и будем ловить, – Арника-Катя зябко поежилась. – Кстати, надо бы дров купить, и лучше у Никлода, он обещал и обрезков, и щепок…

– У кого?

– Ну, у мастера! Того, что ремонтирует тебе корабль. Я с ним уже разговаривала на эту тему.

Александр посмотрел на девушку с большим уважением:

– Молодец!

– И еще, – оглядывая закопченные стены пустующей в виду затянувшегося ремонта таверны, деловито продолжила Катерина. – Нам нужно срочно нанять кулинара и хотя бы парочку слуг…

– Так я сам кулинар! – молодой человек горделиво расправил плечи.

– Да, – мягко улыбнулась Арника. – Но это, увы, не основное твое занятие. Так что кулинар нужен, как ни крути. Да и слуги…

– У нас же целая команда! Ну, почти целая…

– Ага… Ты представляешь Видибальда или Ингульфа, с угодливой улыбкой разносящих вино и закуски?

Александр смущенно закашлялся:

– Вообще-то, я никого из них в такой роли не представляю.

– Ну вот! – Катерина пригладила волосы. – И я даже ду-

маю – лучше сегодня же пойти на рынок и купить рабов.

– Ко-го?

– Рабов! Вот именно! А как ты думал? Никакой биржи труда здесь наверняка нет, так что с наймом у нас ничего не выйдет… или будем искать, как ты выражаешься – «до морковкина заговенья».

Да… Молодой человек покачал головой, в который раз уже подумав – как ему повезло с Арникой… Катериной…

– Хорошо, так и сделаем, – негромко произнес Саша. – А потом займемся главным – налаживанием связей с власть предержащими. Черт возьми… пока даже не знаю, с какого боку и подступиться!

– А ни с какого, – Катя неожиданно расхохоталась, задиристо и громко, как человек, знающий себе цену. – Ни к кому нам не надо подбираться… Они сами к нам придут.

– Как это придут? – удивился молодой человек.

Девушка хмыкнула:

– А так! Ты вот, извини, Саша, предпринимателем был?

– Да нет, вообще-то, – Александр задумался. – Так, пытался как-то…

– Пытался, хм… А у меня, между прочим – три пилорамы! И еще магазин недавно открыла, пусть небольшой, но… Так вот, – Катерина прищурилась. – Как человек в таких делах опытный, я тебе со всей ответственностью заявляю – очень скоро к нам придут! Заявятся, уж будь спокоен – из мэрии кто-нибудь, милиция, санэпидстанция, пожарни-

ки, роспотребнадзор… И каждому – дай, дай, дай…

– Эй! Постой-ка! – замахал руками Саша. – Какой роспотребнадзор?

– Ну… я не знаю, как все эти паразиты тут называются… Но что объявятся – точно, потому как, на того, кто с сошкой, обязательно семеро – с ложкой!

Опытная Катерина как в воду глядела! Не прошло и часа после этого разговора, как в двери уже стучали. Не очень громко, но вполне уверенно, настойчиво так…

За неимением рабов Александр самолично отворил дверь, окинув хмурым взглядом стоящего на улице человечка лет сорока – сорока пяти, чисто выбритого, улыбчивого, и вообще – чем-то неуловимо приятного, только вот глаза… черные, бегающие, хитрые… Этому товарищу-господину больше подошел бы серый в мелкую полосочку костюм, нежели несколько разноцветных, одетых друг на друга туник, впрочем, по цветовой гамме весьма неброских – светло-сиреневая, палевая, бежевая. Зато его охранники – да-да, были тут и такие – судя по виду, отличались склонностью к рискованным цветосочетаниям – зеленый с фиолетовым, ядовито-розовый – с синим. А еще были и узорчатые пояса, и мечи, и короткие копья.

– Сальве, – незнакомец прямо-таки лучился приветливостью… чего вовсе нельзя было сказать о сопровождавших его угрюмых парнях с копьями. – А позови-ка хозяина, любезный.

– Я хозяин, – без особой любезности отозвался молодой человек.

Приятный с виду господин обозрел его цепким взглядом:

– Тогда, может быть, зайдем?

– Зайдем, – пожав плечами, Александр отворил дверь пошире.

Незнакомец оглянулся на своих стражей:

– Подождите пока на улице, парни.

Отдав распоряжение, вошел, уселся на предложенную скамью напротив входа. Арника тут же поставила на стол кувшин с вином и бокалы.

– Меня зовут Марк, Марк Лициниус…

– Очень приятно. Александр. А это моя… жена Ка… Арника.

– Значит, у вас таверна? – прищурился незваный гость. – Надо бы заплатить налоги – с покупки и за право торговать, а также еще отдельный акциз на соль и на вино…

– Ну, на вино – понятно, – Саша снова нахмурился. – Но при чем тут соль?

– Что же, вы пищу без соли готовить собираетесь? – Марк Лициниус хмыкнул.

– Нет, вообще-то…

– Вообще-то, и я еще не закончил… Так вот, о налогах: вам еще нужно будет заплатить особый налог на мореходство, на рыболовство и… – гость живенько оглядел таверну, – …еще по дюжине золотых монет за каждый стол!

– По дюжине?!

– А что вы так смотрите? Это ж не в месяц – в год!

Александр даже расхохотался от подобной наглости и, наконец, спросил:

– А вы, уважаемый, вообще – кто?

– Я же сказал – Марк Лициниус!

– О, любезнейший господин, – разлив по бокалам вино, вступила в беседу Арника. – Мы приезжие и не…

– А-а-а, – посетитель усмехнулся. – Я и забыл… тогда понятно. Что ж, разъясню: я, всадник Марк Лициниус Агер, представляю нынче интересы нашего славного правителя светлейшего Гейзериха, волею Господа нашего, повелителя Африки!

– Ах, вот оно что! – ухмыльнулся молодой человек. – Что ж, пахан у вас солидный.

– Да-да, он нам всем, как отец! Так вот, я исполняю при нем обязанности графа – так господа вандалы именуют высших чиновников…

Ой, не тянул он на высшего чиновника! По всем понятиям – не тянул. Что это за чиновник такой – явился пешком, почти без всякой свиты… причем – зашел самолично, к какому-то там трактирщику… Хотя, с другой стороны, может, они еще тут не совсем забюрократились? Может, этот процесс только еще начинался? По крайней мере – у вандалов. А этот Марк… видать, тот еще проныра! Явно из местных римлян, деятель… В графы пробился, если не врет…

Саша пригубил вино:

– Так, может, вы сделаете полный подсчет? Сколько каких налогов платить… и кому?

– Вот-вот, хороший вопрос – кому! – оживился гость. – Мне, конечно! Но и не только…

– А может быть, мы обойдемся какой-нибудь единой суммой? – улыбнувшись, вкрадчиво спросила Арника. – И будем иметь дело исключительно с вами… Скажем, уже завтра мы сможем подготовить необходимую сумму… что-то продать, что-то…

– Вы правильно все понимаете, очень правильно!

– И мы принесем ее вам… только скажите – куда?

– Не надо никуда ничего носить, – нервно оглянувшись, посетитель понизил голос: – Я сам к вам зайду. Завтра вечером.

Улыбнувшись, чиновник прищурил глаза и, слегка поклонившись, вышел, почтительно провождаемый хозяевами таверны.

– Ну? – затворив дверь, Александр посмотрел на Катю. – И чего ты на завтра все отложила? Все равно ведь – платить… или – не платить!

– Вот именно, – девушка устало опустилась на скамью. – Нужно срочненько прояснить – кто на самом деле такой этот Марк Лициниус? А вдруг – какой-нибудь авантюрист-проходимец?

– Ты права, – Саша задумчиво почесал бородку. – Где бы

только про него разузнать? На рынке? Пожалуй, можно там пособирать сплетни… А еще в порту… Как раз сейчас туда и отправлюсь.

– А я – на рынок, купить рабов. И тоже спрошу.

– Давай… Думаю, пора разбудить наших. Отправлю Ингульфа с Эрлоином во дворец… или где там живет этот чертов Гейзерих… Пусть попробуют наняться на службу, якобы наняться… Заодно узнают – что за хмырь этот Марк?

Так и сделали: разбудили дрыхнувших на втором этаже парней, приоделись и разошлись, для того, чтобы, решив все дела, собраться в таверне уже вечером.

Осторожная Арника-Катерина отнюдь не была беспочвенной в своих опасениях – Марк Лициниус на поверку оказался чистейшей воды аферистом и вовсе никаким не графом, не имеющим никакого отношения не только к сборам налогов, но и вообще – ко двору короля Гейзериха. Обычный прощелыга – хитрый и наглый.

Собственно, таких изощренных налогов в государственном образовании вандалов еще не сложилось, по сути, оно представляло из себя просто разросшуюся разбойничью шайку: ага, вы раньше платили римлянам? Теперь мы сильнее – будете платить нам, а ежели не будете, то… Обычный, пока еще не отягощенный никакими писаными законами, рэкет, такой же, как и во всех других «варварских королевствах», как и в Киевской Руси, кстати – «примучили обры

дулебов»… «платите нам по мечу»… Короче – на голубом глазу вымогалово!

И конечно же, Гейзерих, как и любой другой варварский вождь, доверял – если здесь вообще уместно употребить это слово – лишь своим родичам, которых и расставил на все важные посты в… гм-гм… государстве. Пока лишь обирал бывших римских подданных да помаленьку промышлял пиратством… именно что «помаленьку», вот, если бы удалось захватить Карфаген да прихватизировать имеющийся там флот – вот это был бы масштаб! От такого просто текли слюни.

Собственно, рэкетом – «сбором важных государственных налогов и податей» – как удалось выяснить, непосредственно занимался некто Хильдениг, родной королевский племянник. Прощелыга и повеса, но, надо сказать, не трус – трусов вообще среди германских вождей не было – и вовсе не такой уж дурак, как могло бы показаться с первого взгляда.

С ним-то – после того, как Видибальд намял бока наглому хлюсту Марку Лициниусу – и встретился Александр, причем – не с бухты-барахты – о, нет, встрече этой предшествовала тщательная подготовка.

Во-первых, Саша и Катерина тщательно собрали все сплетни о короле Гейзерихе и его семейке, в частности – о молодом Хильдениге, малом вообще-то весьма симпатичном, только вот из тех, каких в приличном обществе принимать обычно не принято. Лет где-то около тридцати – можно

сказать, ровесник Саше – Хильдениг имел рост чуть ли не под два метра, широченные плечи, руки-оглобли, спутанную рыжую шевелюру, грозный взгляд, а также репутацию бабника и выпивохи, веселого, в общем-то, парня с повадками героев некогда популярного сериала «Бригада».

И – главное – был не дурак, не то чтобы не дурак выпить, а и вообще…

Подготовку к визиту Александр начал с пиара. В портовых тавернах, у пристаней, по базарам и в термах, Сашины люди – Ингульф, Эрлоин и другие – распространяли нужную информацию, откровенно говоря – трепали языками, всячески перевирая в нужном духе случившиеся недавно события – похищение керкура и прочее. Собственно говоря, там и перевирать-то особо не нужно было, так, слегка. Увеличить раз в десять количество кораблей, в той же пропорции – подлость, трусость и глупость Алагиса и Вульфарда, ну и все такое прочее. В общем, довольно быстро сделали так, что имя хевдинга Александра Руса в Гиппоне зазвучало примерно так же, как в будущем на Ямайке имя какого-нибудь Моргана или Левассера. По всему городу стали ходить упорные слухи о фантастическом богатстве, добытом удачливым хевдингом Александром в боях и набегах. О многочисленных захваченных кораблях, целом флоте… который, правда, никто конкретно не видел, зато все говорили. Хотя – «Амикус» ведь стоял у причала, выделяясь своим внешним видом, точнее сказать – оснасткой.

Парни – Ингульф, Эрлоин и прочие – уже начинали потихоньку приводить «верных и надежных людей», по большей части – шатавшихся без дела ввиду межсезонья варваров, бойцов вообще-то, сильных и воинское дело знающих… но вот доверия-то к ним со стороны Саши и Арники не было никакого.

Да, Арника-Катерина полностью взяла управление таверной в свои руки – тщательно просчитывала весь бюджет, наладила контакты с рыночными торговцами, с доставщиками воды, с рыбаками, вышла уже и непосредственно на хозяев пригородных вилл, еще не разрушенных вандалами. Заказала вывеску («Кока-кола»), сделала в таверне ремонт, прикупила двух девушек и одного мальчишку (того давали в придачу с большой скидкой) – разносить вино и так, убираться – а ближе к весне по вечерам уже стала нанимать музыкантов. И быстро ставшая популярной таверна стала приносить доход, пока не очень большой, но верный. Так что еще и по этой причине нужно было форсировать намечавшуюся встречу с Хильденигом – иначе могли прийти. Такие, как побитый нахал Марк, а может, еще и покруче. С мелкими-то шайками справились бы и своими силами… а если кто покрупнее найдется?

Ну, в общем-то, все было уже готово – почва прозондирована, распущены нужные слухи, осталось только явиться и предложить свои услуги в новом для вандалов деле. Грабить торговые корабли – это понятно, но чтоб их охранять? Такое

в голове у варваров пока не укладывалось.

Александр явился к королевскому племяннику при полном параде: ярко-голубая – нижняя – туника, подпоясанная золоченым поясом с привешенной справа длинной римской спатой, сверху еще туника – распашная, лимонно-желтая, с короткими широкими рукавами, поверх нее – застегнутый на левом плече золотой – с разноцветной сканью – фибулой плащ, теплый, с двойной подкладкой, изумительного оранжево-апельсинового цвета… как штиблеты у Остапа Бендера. И башмаки – новые, без каблуков, из толстой свиной кожи, цвета примерно такого же, как и плащ, или штиблеты Остапа…

Уходя, Саша посмотрелся в отполированное бронзовое зеркало: красавец! Приосанился, оглянулся:

– Ну, хватит уже с утра пить! Пошли, ребята!

Ребята – Ингульф и Эрлоин – поспешно охлобыстав по кружке, поднялись, важные, от осознания собственной роли – почти хевдинги! – тоже приодетые, конечно, не так красиво, как Александр, но тоже ничего себе, одежку им покупала Арника, уж конечно же, сообразуясь отнюдь не собственными представлениями о прекрасном – а то бы вообще ничего не купила, а с местной варварской модой: поярче да покрасивше. Парням нравилось – вон, какие гордые шли, Ингульф время от времени, украдкой пощупывал подол добротной темно-зеленой туники и довольно прищелкивал язы-

ком – вот это одежка! Нет, вообще-то эти славные парни вовсе не были какими-нибудь там шмоточниками, но все же – уж, нечего сказать, красовались! И вооружены были, а как же! Они ж не какие-то там завоеванные римлянишки, а самые что ни на есть германцы, выходцы с туманных берегов Балтики, люди, в общем, очень даже достойные.

Ах, шли… Не одной встречной девки глазами не пропускали, а Эрлоин – так еще и умудрялся на ходу похлопать девчонок по заднему месту, вызывая завистливый хохот Ингульфа – тот, в силу молодости, еще на такие шуточки не решался.

В синем небе ярко сияло солнце. Ветер был, правда, холодноват, но приятели не обращали на это никакого внимания, шли с непокрытыми головами, гривы из волос так и развевались, как флаги!

– Хиппи волосатые! – шутил по пути Александр. – Дети цветов, мать вашу…

А что? Похоже? Им еще бы тертые кирпичом джинсы с заплатками и пришитыми снизу молниям или ядовито-желто-вельветовый клеш-полусолнце с оранжевой бахромой. И магнитофон «Весна» на сгиб руки – «We all live in the yellow submarine!». Сказка!

Встречавшийся по пути народ – мастеровые, грузчики, рыбаки, мелкие торговцы с рынка – при виде сей разноцветной процессии опасливо расступались, прижимаясь к глухим стенам домов, и, на всякий случай, кланялись. Уважали! Еще

бы… попробуй-ка не поклонись таким… ка-ак мечом жахнут – головенка с плеч так и покатится!

Стражники у королевского дворца – бывшего дома какого-то римского вельможи – впрочем, выглядели точно так же, и, сразу же признав гостей за своих, никакого пароля, ни пропуска не спросили – к большому удивлению Саши, относившегося к варварам с подозрительностью. Не ко всем, правда… А, может, у них тут и не было никаких паролей?

– К Хильденигу-хевдингу? – переспросил один из стражей, здоровенный веселый усач в синем линялом, словно те же старые джинсы, плаще. – Так он еще, верно, спит.

– Как спит? – Александр удивился. – Он же вчера еще с утра заходить приглашал… прислал слугу… или этого, как его… мажордома!

Про слугу и мажордома Саша добавил так, для пущей важности, приврал – никого Хильденг за ними не присылал, парни так, сами явились, типа – что, не ждали? А вот и мы!

– А, может, он и проснулся уже, – другой страж – молодой, длинный, словно оглобля, парень – задумчиво поковырял в носу и зябко поежился. – Что-то ветер сегодня какой-то холодный, а, дружище Годехар?

– Славный ветер! В такой денек хорошо идти в набег на славном судне, под водительством удачливого и достойного мужа. Так, чтоб дрожали враги!

– Вот, поистине славные слова, брат! – восхищенно при-

свистнул Ингульф. – И нам бы вот точно так же хотелось! Так ты это… Не посмотришь, проснулся твой хевдинг или нет?

– Сейчас, – подмигнув, Годехар бросил секиру и, поднявшись по мраморной лестнице, исчез во дворце… откуда и вышел минут через пять с несколько обескураженным видом:

– Мажордом сказал – спит хевдинг.

– Так разбудил бы! – ничтоже сумняшеся воскликнул Ингульф. – Скажи – явились славные люди.

– Разбудить? – усач неожиданно усмехнулся. – А ведь это можно! У меня такой смех…

– Не смех – а лошадиное ржание! – тут же поправил напарник. – От него любой проснется.

– Ага, – довольно подтвердил Годехар. – Так что вы, парни, расскажите-ка мне что-нибудь веселое – хевдинг обязательно услышит, выглянет – что это там за веселье? Над чем смеются? Как вот и в прошлые разы было…

– Веселое, говоришь, рассказать? – поправив плащ, Александр задумчиво уселся на ступеньку крыльца. – Анекдот, что ли, какой…

Как назло никакие анекдоты сейчас почему-то в голову не лезли, а если и лезли, то все какие-то не те – про Василия Иваныча и Петьку, про Штирлица, про «новых русских»… Вряд ли подобный юмор был бы понятен этим простоватым варварским парням! Хотя…. Вот, про «новых русских»…

– Про Вульфарда расскажи, хевдинг! – похлопав ресница-

ми, предложил Ингульф. – Про Алагиса, про всех этих болотных гнусов! Как их всех победили, как взяли корабль, как…

– А-а-а-!!! – восторженно присел Годехар. – Так вы, значит, и есть те самые парни, про которых говорит весь город?!

– Да! – похоже, Ингульф вовсе не страдал скромностью, – Это мы и есть. Славные победители болотных гнусов! А это наш хевдлинг – Александр Рус!

– О! Вот так встреча!

– Может, по такому случаю споем, братцы? – ухмыльнувшись, внес весьма здравое предложение Эрлоин.

– Да, да! – оба стража радостно оживились. – Спойте нам гимны про ваши подвиги!

– Да запросто, – Саша махнул рукой и, поднявшись на ноги, предупредил: – Только я пою на своем языке… Ингульф вот переведет, перетолмачит…

– Да-да, – поспешно закивал юноша.

– Ну, тогда и начнем, пожалуй…

Александр приосанился, ничуть не смущаясь тем обстоятельством, что пение и вообще – музицирование – вовсе не входило в перечень присущих ему добродетелей, а, скорее, даже наоборот, явно к таковым не относилось. Не было у Саши отродясь особого слуха, да и голос, прямо сказать, подкачал, как и репертуар – русскую попсу молодой человек не слушал, рок – тоже изредка, вот Запад любил – то, что само в уши лезло и было с какими-то теплыми воспоминаниями

связано, типа Мадонны и прочего. А так, в общем-то, знал только песни все больше застольные, под водочку. Ну, и затянул:

– Ромашки спрятались, пони-ик-кли лютики-к-и-и-и….

Хорошо так затянул, качественно, как пьяный дьякон с амвона!

И долго ждать не пришлось!

Тут же с крыльца спустился кудрявый, с бритым лицом, толстяк в дорогой синей тунике и золоченых сандалиях – мажордом, как понял Саша.

– Господин спрашивает – что тут такое? По какому случаю праздник?

– Да просто мы в гости пришли! – улыбнулся Ингульф. – Ты передай, уважаемый, господину своему, мол, славный хевдинг Александр, победитель гнусной тварюги Алагиса и подлого проходимца Вульфарда, явился сюда, и не один, а с самыми своими лучшими и именитыми людьми!

– Вот как? – удивленно переспросил мажоржом. – С лучшими и именитыми людьми, говоришь? Что ж, сейчас доложу… может быть, мой господин вас и примет.

Славный хевдинг Хильдениг, родной племянник не менее славного Гейзериха, короля бывшей римской Африки и всех прочих ближних земель, принял делегацию минут через десять – только оделся, выгнал из покоев падших девок, да велел принести крынку вина.

Уселся… нет, не на трон – это было бы не по понятиям, –

но на высокое резное кресло, накинул на плечи длинный пурпурный плащ, какие в Риме было дозволено носить лишь особам императорской крови, погладил аккуратно подстриженную бороду, ухмыльнулся, лениво ответив на почтительный полупоклон Александра римским «Сальве!».

Потом долго разглядывал вошедших и, наконец, махнул рукой:

– Садись на скамью, хевдинг! Так, значит, ты и есть тот самый Александр, что разгромил Алагиса и Вульфарда?

– Да, – Саша с важностью приложил руку к сердцу. – Я и есть тот самый Александр, разгромивший этих подонков, чтоб им пусто было!

Молодой человек выругался, знал хорошо – ни Алагис, ни Вульфард в чести у вандалов не были.

– Так, так, – ухмыльнулся Хильдениг. – Ты, значит, убил обоих?

– О, нет, – Александр притворно вздохнул. – К моему сожалению, им удалось трусливо бежать, и тем самым избегнуть неотвратимой и справедливой кары. Увы!

– Тогда они будут мстить, – вскользь заметил королевский племянник.

Гость улыбнулся:

– Я с ними справлюсь – пусть только заявятся в Гиппон!

– А я слыхал, эти твари нашли себе прибежище в Карфагене, при дворе Бонифация, – Хильдениг потеребил бороду и с ненавистью закусил нижнюю губу. – Ох, уж этот Карфаген!

– Когда-то в старом Риме говорили – Карфаген должен быть разрушен! – вполне к месту вспомнил историю Александр.

– Хорошие слова! – одобрительно кивнул Хильдениг. – Только не надобно разрушать этот город!

– Как это – не надобно?!

– Его нужно захватить и сделать своим, – посмеиваясь, пояснил вандал, и Саша поспешно согласился:

– Захватить! Вот именно. С радостью помогу вам в этом замечательном деле!

– До весны! – собеседник Александра снова засмеялся. – Жди до весны, хевдинг Александр! А то и до лета. Кстати, какого ты рода?

– Александр, сын Айвана, сына Степана…

– А кто твой народ, как зовется? Ты, судя по имени, из ромеев?

– Да нет, русский я – рус, – скромно пояснил Саша.

– Русы? Я что-то такое слышал, – Хильдениг задумчиво почесал бороду, но тут же махнул рукой. – А от меня-то тебе чего надо? В поход на Карфаген – да, приходи со своей дружиной, но это весной, а сейчас… Сейчас можешь жечь римские селенья только на свой страх и риск. Видишь ли, император Валентиниан недавно признал нас… и Гейзерих-кениг считает, что сейчас не стоит так уж откровенно нападать… лучше подкопить силы для того же Карфагена.

– Мне нужно покровительство могущественного вождя, –

тихо признался гость. – Такого, как великий Гейзерих, такого, как ты, наконец!

– Великий Гейзерих – мой дядя, – Хильдениг скромно потупился. – И мое имя – это его имя. Мы – заодно, чтоб ты знал.

Александр закивал:

– Вот и славно! Моя женщина, видишь ли, славный Хильдениг, недавно открыла таверну…

– А! Теперь понимаю… Что ж – будешь платить только мне! Всех остальных посылай… я разберусь.

– Ну, таверна, это так, мелочь, – Саша прищурился, внимательно посмотрев прямо в глаза хевдинга. – Есть куда более прибыльное дело… если ты, вождь, понимаешь, о чем я…

– Прибыль – это славно!

– Ого!

Александр не смог сдержать удивления – странно было слышать слово «прибыль» в устах нецивилизованного и дикого варвара!

– Что ты так сморишь, Рус? – в серо-голубых глазах Хильденига бегали сверкающие искорки смеха. – В прибыли мы сейчас разбираемся ничуть не хуже римлян. Как говорится – tempora mutantur et nos mutamur in illis!

– Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними, – негромко перевел Саша и посмотрел на хевдинга уже совсем по-другому. Недаром болтали про ум Хильденига… этот че-

ловек и в самом деле, далеко не дурак, к тому же – вполне образован, наверное, с таким куда проще будет иметь дело, нежели с кондовым варваром.

По знаку хозяина слуги принесли вина.

– Пей, Александр! Так что ты хотел мне предложить?

– У меня есть корабль… очень хороший и быстрый, пожалуй, самый быстрый из всех.

– Сейчас у многих есть корабли…

Гость улыбнулся:

– Я слышал, некий торговец Артай из Цезареи желал бы вернуться домой, пользуясь хорошей погодой. У него три корабля. Хорошие торговые корабли, их тех, что называют «круглыми».

– Ты хочешь их захватить? Что ж, твое дело… Только – не у самой гавани. Пусть отойдут.

Александр покачал головой:

– Да нет, дело не в грабеже. Я хотел бы их охранять, а не захватывать.

– Что?!

– За определенную… не такую уж и малую… сумму.

– Которая все равно будет во много раз меньше, чем если б ты их захватил! – Хильдениг снова прищурился и откровенно спросил: – Не понимаю, в чем здесь твоя выгода?

– Не в одном этом купце… Есть еще торговцы из Гадрумета, Агригента, Гелы, Катаны – они ведь могут отплыть и на свой страх и риск…

– Ну-ну-ну-ну? – Глаза хевдинга заинтересованно вспыхнули. – Кажется, я начинаю тебя понемногу понимать, Рус!

– А зачем нам, чтобы они отправились сами по себе, не заплатив за охрану? В чем наша выгода? Нет ее! А зачем упускать?

– Но ведь купцы и в самом деле могут отплыть просто так, с собственной минимальной охраной – у них же на борту имеются воины, пусть и немного…

– Вот именно, вождь! Купцы не должны отправиться просто так… без сопровождения, которое я и мои люди намереваемся оказать Артаю Цезарейцу, – Александр мягко улыбнулся. – И это сопровождение не должно оказаться напрасным – вовсе даже наоборот! Чтоб все знали…

– Понял тебя, Александр! – Хильдениг ухмыльнулся и потер руки. – Ты хочешь, чтобы я отправил корабль… и даже не один… И чтоб мои люди отошли, якобы испугавшись.

– Все так, хевдинг. Только лучше будет сымитировать бой… Где-нибудь в отдалении, чтобы на купеческих кораблях не слишком-то все рассмотрели.

Александр вернулся в таверну в самом прекрасном расположении духа – у него теперь имелся надежный покровитель и союзник из самых высших кругов.

Буквально на следующее утро, едва только рассвело, и холодное зимнее солнце отразилось в серо-голубых волнах желтым тускло мерцающим шаром, караван цезарейского

работорговца Артая, наплевав на «не рекомендованный для морских плаваний сезон», отправился в путь в родной город. А что было сидеть зря в Гиппоне?

Весь товар был уже продан, барыш – получен, и все что надо – закуплено. Тем более что до расположенной на побережье Мавритании Цезареи было не так уж и далеко, дня два пути при благоприятном ветре – как раз такой и задул, словно бы по заказу.

Купец Артай, при всех его недостатках, имел в глазах Саши одно несомненное достоинство – будучи человеком в высшей степени осторожным, он всерьез опасался пиратов и легко верил всяким слухам. Чем и воспользовался Александр.

Выбравшись из гавани на одном блинде, «Амикус» вышел в открытое море и, подняв все паруса, легко догнал уже порядочно удалившийся караван, и даже, при желании, мог бы описывать вокруг «пузатых» торговцев круги – концентрические и не очень.

– Ютовые – на ют, баковые – на бак! – стоя на высокой корме, деловито распоряжался Саша – вандалы и недавно набранные готы уже хорошо понимали команды. – Внимание! Приготовиться к смене галса… Рулевой! Эй, там, на румпеле? Ингульф, спишь, что ли?

– Нет, нет, не сплю… просто засмотрелся, мой вождь!

– На что ты там засмотрелся? Вроде никаких девок поблизости нету – а больше моряку ни на что засматриваться

не положено!

– На наш корабль, хевдинг! Как здорово идет! Я даже не думал, что так можно… Не нужно и весел!

– Весла – вчерашний день, дружище! – радостно засмеялся Саша. – Погоди, дай срок – паровую машину построим!

– Э… Что построим, мой вождь?

– Паровую… А, не бери в голову – что построим, то и построим! Лево руля! Эй, там, у фока! Осторожнее с реем.

Красиво шел «Амикус», легко и приятно, словно бы летел над волнами, лишь иногда поднимая у бушприта пенные брызги. Белые паруса – Александр специально заказал именно такие, выбеленные – упруго вгибались, полные свежего ветра… точно так же выгибались и паруса «круглых» судов Артая… только вот скорости это прибавляло мало. Вот Сашка и выпендривался… и в самом деле замыслил походить вокруг каравана кругами! А почему бы и нет? Знай наших!

– Паруса!!! – слышно было, как громко закричал матрос на мачте одного из купеческих кораблей.

Артай Цезареец – худой, сутулый и смуглый – лично выбежал на палубу, всмотрелся… Было во что всматриваться – наперерез каравану, из-за скалистого мыса, словно волки, выскочили пять быстроходных либурн. Они шли вовсе без парусов, по всему было ясно – пираты, и купцам от них не уйти!

– Приготовиться! – успокоительно помахав рукой Цезарейцу, Саша скомандовал поворот и, красиво сменив галс,

«Амикус», слегка накреняясь, пошел круто к ветру, подставив свой высокий борт таранным ударам галей… закрывал купцов, и те подняли все паруса, пытаясь уйти.

Хорошо видно было, как у самого мыса корабли встретились – белокурый парусник Александра и пять шакалов-галей… Встретились… обложили… Пятеро на одного – видать, разбойники не захотели рисковать, решив расправиться с торговцами поодиночке.

Артай Цезареец лично видел, как закипела битва, как градом полетели дротики и стрелы, как засверкали лезвия мечей и секир… и вой в сотню глоток потряс море!

А потом караван скрылся за мысом.

– Зажигайте солому, – опершись на фальшборт, по-хозяйски распорядился хевдинг Александр Рус.

Предводитель пиратов – верный человек Хильденига – послушно кивнул. Вспыхнул факел, и вскоре к небу потянулся густой черный дым…

– Ну, нам, пожалуй, пора. Удачи! – Александр весело помахал пиратам. – Не забудьте, о чем нужно будет говорить в тавернах и на базаре.

– Уж не забудем, – ухмыльнулся «разбойничий» вождь, высоченный громила с черными, как смоль волосами, заплетенными в две тугие косы. – Серебришко на таверны подброшено… Слава Хильденигу-кенигу, верно, ребята?

– Слава! Слава! Слава! – охотно закричали «разбойники» – пировать в портовых кабаках, похоже, им улыбалось

больше, чем грабить.

Лишь чернокосый вожак вдруг нахмурился, встал черным вороном посреди всеобщего людского веселья. Даже пожаловался, подняв голову, Саше:

– И все же в хорошие времена я б с таким удовольствием разграбил этих толстопузых купчишек!

– Эти времена скоро наступят, друг, – трогательно вздохнув, обнадежил Сашка. – Ты только верь.

– Да я верю! Ничего, сейчас попируем.

– Эх, и мы б с вами, но увы, увы…

– Удачи! – отплывая, помахал рукой «пират». – И да поможет вам Иисус Христос и все наши древние боги.

Быстроходный «Амикус» проводил караван почти до самой Цезареи. Лишь когда – казалось, что прямо посреди моря – возникли вдруг белые стены крепости, Александр-хевдинг скомандовал полный назад. Ночью решили не плыть, опасаясь мелей, заночевали на рейде в какой-то небольшой бухточке, а к вечеру следующего дня уже были дома.

Деятельность ЧОПа, успешно начатая этим плаваньем «Амикуса», с наступлением весны приняла весьма внушительные обороты, так, что Саша смог прикупить еще два корабля и нанять людей. Слава богу, в желающих встать под стяги столь удачливого хевдинга недостатка не было. Частью дохода председатель ЧОПа делился с господином Хильденигом… а через него – с самим королем Гейзерихом.

Деньги теперь были, была и уверенность в завтрашнем дне… которую Саша и Катерина очень надеялись сменить на уверенность в дне после-после-после… завтрашнем, сиречь – в будущем. Мысль о возвращении в свой мир вовсе не оставляла обоих, наоборот, крепла, и Саша уже приступил к формированию небольшого отряда для поисков антиквара Альфреда Бади, примерное нахождение которого было известно – в одном из монастырей Нумидии где-то у Ливийских болот… или у каких-то других болот, молодой человек точно не помнил, но начать поиски решил с самых известных. Тем более что именно в тех местах точно имелась парочка монастырей – это было уже установлено. И еще… один нумидийский торговец по имени Абсалик решился отправиться на юг с караваном… и обратился за помощью в ЧОП. Момент был удачный…

Возглавить экспедицию Саша решил лично, взяв с собой Ингульфа – как человека, лично знакомого с антикваром – и десятка полтора верных людей. Арника-Катерина же должна была остаться «на хозяйстве», вполне бы управилась, Александр вовсе не рассчитывал отсутствовать слишком уж долго – так, дней пять.

Зачем ему нужен был антиквар? Честно говоря – не особенно нужен, просто хотелось поговорить и, может быть, кое-что выяснить. Вот, просто появилась такая возможность – почему бы ей не воспользоваться? Да еще – за чужой счет.

Отдавая распоряжения одному из своих помощников –

Эрлоину, – молодой человек деятельно собирался в путь. Кстати, Эрлоина давно уже прозвали просто и без особых затей – Рыжий, как Ингульфа называли Грамотеем (за то, что знал латынь и даже умел написать свое имя), а здоровяк Видибальд, к примеру, имел сразу два прозвища – «Дубинушка» и «Секира».

Он-то и заглянул как-то под вечер в таверну, несколько возбужденный, и даже, как показалось Саше – взволнованный.

– Ты чего такой? – Александр оторвался от составленной Арникой сметы возможных расходов. – Случилось что? На корабли наши напали?

Видибальд хмыкнул и поплевал на руки:

– Попробовали бы! Ходил вот на рынок, хотел новый плащ прикупить… а там рабы взбунтовались, сбежали… все ловить бросились, ну и я… Зря бегал!

– А, не поймал?! – рассмеялась Катя, разливая вино по большим глиняным кружкам. – Быстроногие рабы оказались!

– Главное – черные оба! – здоровяк выглядел несколько смущенным. – Я б и не погнался, не больно-то надобно, просто смотрю – все бегут, ну и я тоже… побежал. Вот дурак-то!

– Поня-атно, – протянул Саша. – За компанию, значит. Бывает.

Арника улыбнулась:

– Хочу заметить – за компанию обычно много глупостей

делается.

– Да знаю я, – Видибальд отмахнулся и придвинул поближе кружку. – А где все наши-то?

– Да почти все на кораблях, скоро явятся… О! Кстати – не они ли?

Где-то рядом, за углом, послышался быстро приближающийся топот, затем показались двое бегущих… нет, это были не вандалы – негры. Двое молодых парней, один – с красноватой кожей, длинный, второй – невысокий, худенький… Пробегая, оба испуганно покосились на широко распахнутые двери таверны, на вывеску… ту самую – «Кока-кола»… Пронеслись мимо… И вдруг – тут же вернулись, затормози, едва не упав. Невысокий парнишка что-то прошептал, испуганно оглянулся – и бросился внутрь, в таверну. Упал на колени:

– Хелп ми, плиз! Эд муа… ну… Силь ву пле, месье!

Глава 15. Кока_кола

…спас их от гибели,
исправил участь
людей, не знавших
удачи…
«Беовульф»

Весна 439 г. Вандальская Африка

Тут же в таверну забежал и второй парень – длинный.

И тоже бухнулся на колени:

– Хелп! Плиз!

Александр с Катериной переглянулись – они уже догадались, в чем тут дело. В «Кока-коле», конечно же! В вывеске… Ага, вот и объявились, наконец, мотыльки!

– Это не вас там на рынке ловят? – по-французски спросила Катя.

Заслышав знакомый язык, беглецы радостно переглянулись и дружно кивнули:

– Нас!

– Ох, мадемуазель, наши преследователи скоро будут здесь… Совсем скоро! О, это страшные люди.

– Так, вот что… – Саша с грохотом поставил на стол кружку. – Давайте на второй этаж, Катя проводит… А ты, Види-

бальд, дашь по башке любому, кто захочет сунуть свой любопытный нос в наши покои!

– О, это запросто, клянусь Донаром и посохом святого Петра, – Дубинушка ухмыльнулся и, проводив глазами быстро поднимавшихся по узенькой лестнице негров, спросил: – А мы что, теперь укрываем беглых?

– Это хорошие люди, дружище, – усмехнулся молодой человек. – Они нам очень и очень пригодятся, поверь мне.

– А-а-а, поня-а-атно…

Здоровяк снова уткнулся в кружку – по лицу его было видно, что он ни черта не понял, но предпочел глубоко не вникать… он вообще ни во что не вникал глубоко, кроме чистки меча и заточки секиры.

Никто из догоняющих в таверну так и не заглянул, хотя – и видно, и слышно было – промчались мимо. То ли и не подумали даже, что беглые рабы могли обрести укрытие в обычной таверне, то ли просто побоялись маячившего у дверей здоровяка Видибальда. Кому охота связываться с варварами? Спросишь их о беглецах… еще обидятся! По башке секирой получишь – точно.

Допив вино, Александр подозвал мальчишку-слугу, еще зимой приобретенного на местном рынке вместе с двумя служанками-поварихами:

– Отнеси наверх еды и вина, Авель.

Парнишка молча поклонился и убежал на кухню. Юркий был паренек, не глупый и работящий, правда, словно бы ма-

лость пришибленный – собственной тени боялся. Видать, досталось по жизни…

– Дубинушка, дождись наших – и пируйте, – Саша поднялся на ноги и, подойдя к лестнице, обернулся. – А я чуть позже спущусь.

На втором этаже здания всегда царила приятная полутьма – узенькие оконца не пропускали слишком много света. Войдя в гостевые покои, Александр уселся на низенькое ложе и с некоторой жалостью посмотрел на жадно принимающих пищу парней. М-да-а… доходяги!

– Архипелаг ГУЛаг, – тихо пробормотал Саша.

Оба беглеца разом вскинули глаза:

– Что вы сказали, господин?

– Ешьте, ешьте, – Александр махнул рукой. – Не беспокойтесь, никто вас тут не тронет. Потом расскажете мне кое-что…

– Да мы хоть сейчас…

– Я же сказал – ешьте.

Наконец, парни насытились и, судя по всему, были готовы к обстоятельной и неторопливой беседе, тем более – имея таких внимательных слушателей, как Саша и Катерина.

Говорил, в общем-то, худенький – нигериец из племени ибо, звали его Луи Боттака. Его приятель – длинный красно-кожий фульбе по имени Нгоно – больше молчал и все время улыбался, время от времени кивая головой и поддакивая.

Да уж, парням пришлось пережить немало! Шхуна «Этуаль», на которой они плыли в надежде перебраться во Францию, внезапно попала в шторм, во время которого налетела на рифы и разбилась в куски.

– Понимаете, ведь на берегу, горели костры. Капитан, верно, подумал, что они обозначают безопасное место… А там…

– А там оказались рифы, – с усмешкой перебил Александр. – Знакомая картина. А дальше вас посадили в сарай в какой-то гнусной деревухе!

– О, да, господин. Нас всего трое спаслось – я, Нгоно – он теперь мне как брат! – и еще был Бенжамен, малиец… бедный, бедный Бенжамен! Его убили… Просто так – пронзили копьем, прямо насквозь! Вот тогда-то мы и поняли, наконец, где оказались… Хотя – Нгоно в это до сих пор не верит, верно, Нгоно?

Нгоно лишь пожал плечами и улыбнулся.

– А что ты сам-то понял? – негромко спросила Катя.

Луи вздохнул:

– Понял, что мы в каком-то другом, древнем времени… Понимаете, я же учился в школе, было такое… Нас потом продали, продали в рабство, еще втроем… Потом бедняга Бенжамен ударил надсмотрщика… и его… его – копьем… А мы… а нас просто избили, видать, работорговец не хотел портить товар и терять деньги. Нас купил один фермер… или как он тут называется… мы работали, тяжело, копали

землю… было не убежать – следили, потом фермер разорился, нас повезли в город на рынок… мы и решили – бежать! Бежать, а уж там – посмотрим. Понимаете, я раньше еще заметил, что вдруг пропало все современное – автомобили, скутеры, вывески… И вдруг – на бегу! – увидал – «Кока-кола»! И сразу подумал – это кто-то из нашего мира, я и раньше про это думал, про то, что мы можем здесь быть не одни!

Паренек замолчал, сделав долгий глоток холодного разбавленного вина.

– Ну, и как ты думаешь, в каком мы веке? – быстро спросил Александр.

– Я не думаю, – рассказчик неожиданно улыбнулся. – Я точно знаю. Августин Блаженный умер около десяти лет назад, я это как-то услышал – а кто такой Августин Блаженный и когда он жил – я учил в школе при католической миссии, у нас еще, в Кано, есть такой город.

– Вспомни-ка поподробней, как вы здесь оказались? Ну, вашу шхуну, шторм… Кроме вас в это время в море никого не было?

– Как же не было! – подал голос Нгоно. – Был какой-то белый корабль.

– Да-да, – Луи замотал головой. – Такое красивое судно с большой круглой антенной.

Саша и Катерина переглянулись. Снова этот корабль! Может быть, именно в нем все дело?! Но тогда – зачем? Зачем кто-то это сделал? Зачем отправил их в далекое прошлое?

Или это все получилось само собою, спонтанно?

– А у меня ведь сохранился паспорт! – снова улыбнувшись, похвастался Луи. – Я его спрятал, сразу же – закопал в песок… а потом, когда повели продавать, улучил момент, пока садились в лодку. Взял. Думал – уж в городе-то он точно пригодится…

– Паспорт? – удивился Саша. – Так ты что же – его так с собой и таскаешь?

– Ну, не всегда. Но я специальный пояс сделал, пришил карман – вот! – с какой-то затаенной гордостью паренек вытащил из-под рваной хламиды завернутый в газету паспорт… – Вот!

Александр развернул, посмотрел на тронутое сыростью фото, усмехнулся:

– Что, так никто его и не отобрал?

Луи хохотнул:

– А кому он нужен-то? Хозяин как-то посмотрел, хмыкнул да выбросил… я и подобрал – документ все-таки. Вдруг пригодится?

– Ох, ничего же себе!!! – вполуха прислушиваясь к разговору, Катя как раз читала обрывок французской газеты, в который и был завернут паспорт Луи. – Ну и дела!

– Что такое? – удивленно обернулся Саша.

– А вот взгляни!

Девушка протянула газету, показав на черно-белую фотографию какого-то пожилого, чем-то похожего на Эйнштей-

на, мужчины. – Как думаешь, кто это?

– Это… – молодой человек всмотрелся. – Господи! Да это же наш антиквар! Месье Альфред Бади из Суса.

– Ага, антиквар, – язвительно кивнула Арника. – Я тоже так думала… Ну-ка, прочти…

– Доктор Фредерик Арно, – почему-то шепотом вчитался Саша. – Профессор! А что же он таился-то? Что ж не рассказал? Антикваром прикинулся…

– Он не только здесь антикваром прикидывался, – негромко промолвила девушка. – еще там, в Тунисе. И мне почему-то кажется – он от кого-то скрывался.

– Постой, постой, – Александр схватился за голову. – Точно – скрывался! И как-то странно исчез. Он же в нашем пансионе жил, в Карфагене!

Глава 16. Пилигримы

…И, значит, остались только
Иллюзия и дорога…
Иосиф Бродский. «Пилигримы»

Весна 439 г. Нумидия

Солнце уже жарило, припекало спины, как будто летом, не здешним знойным до непостижимости летом, а летом российским, мягоньким, которое почему-то все чаще стало сниться Арнике-Катерине – о чем девушка не раз уже признавалась Саше.

Катя-Катерина… Александр боялся признаться даже самому себе – чтоб у него, прожженного циника, вдруг появились какие-то там чувства? Да что там – появились? Вспыхнули, словно порох, подожженный искрой сияющих волшебной голубизной глаз.

Молодой человек улыбнулся, покачиваясь в высоком сиденье на горбу белого верблюда, и искоса поглядывал за караванщиками: помощниками купца Артая, его слугами и погонщиками. Противно поскрипывала на зубах красная пыль пустыни, Саша отсидел уже весь копчик, извертелся – настолько неудобным оказалось путешествие. Впрочем, он во-

все не собирался, подобно Ингульфу, пересесть на лошадь – скакуны казались необъезженными и дикими, а стремян не было и в помине, – Александр как-то упустил из виду сие обстоятельство, и сейчас вот мучился. Но больше мучились Луи и Нгоно – они-то всю дорогу шли пешком, как и положено слугам. Устали, конечно, но вид имели вполне довольный и даже, можно сказать, счастливый… еще бы! Двух беглецов пришлось взять с собой – спрятать от поисков работорговцев, мало ли… Да и профессора они знали… пусть даже по фотографии, однако лишние глаза никогда лишними не бывают. Тем более что этим неграм делать в Гиппоне?

По вечерам Саша беседовал с парнями на плохом французском; кстати, Луи оказался неплохим рассказчиком, весьма забавно поведав о приключениях, точнее сказать – о злоключениях, нелегальных африканских мигрантов.

Ближе к полудню, когда мягкое солнечное поглаживание сменилось самой настоящей жарою, караван как раз достиг оазиса – довольно многолюдного селения, выстроенного в основном из глинобитных хижин, хотя встречались и каменные и кирпичные дома, по всей видимости, принадлежащие местной знати. Финиковые пальмы, глубокий, выложенный круглыми серыми камнями колодец, сиены из кирпича-сырца и, конечно, базар – конечная цель каравана.

– А где же тут монастырь? – получив положенную за оказание охранных услуг плату, Саша несколько удивленно по-

смотрел на купца. – Что-то я здесь даже церкви не вижу.

– Увы! – склонив бритую голову, торговец развел руками. – Здешние жители почти все язычники… даже не знаю, встретите ли вы здесь христиан. Что же касается монастыря – то лучше спросить местных охотников.

Ага, посоветовал… Неужто без него бы не догадались? Александр уже давно послал Ингульфа… кстати, пора бы ему уже и вернуться.

Молодой хевдинг, скрестив ноги, сидел на невысокой террасе – харчевне при постоялом дворе, и беседовал с купцом, лениво потягивая кислое, теплое и разбавленное водою вино – другого здесь просто не было, да и то, что было, больше напоминало уксус.

– Вождь!

Александр обернулся, увидев подбежавшего Ингульфа – наконец-то!

– Ну, что там? Узнал?

– Почти, – юноша уселся рядом и, утерев со лба пот рукавом туники, жадно поглотил целую кружку вина, после чего счел необходимым дать кое-какие пояснения. – Здесь все говорят так, что черт ногу сломит! Едва нашел одного торговца, зеленщика, тот хоть чуть-чуть знает латынь.

– И что же он тебе поведал?

– Да, монастыри здесь есть. Один – в трех днях пути к югу, в песках…

– Ого!

– Второй поближе, но тоже ничего хорошего, – Ингульф снова плеснул себе вина. – В смысле – он где-то на острове, в больших озерах, тех, что римляне прозвали Ливийскими болотами. Островов – и больших, и малых – там видимо-невидимо, да еще камыши – целые заросли!

– А сколько до него римских миль? Ну, этих… милия пассум?

– А черт его… – подросток громко икнул. – Зеленщик в милях не знает, сказал только, что на хорошей лодке – полдня пути.

– Полдня, значит, – задумчиво кивнул Александр. – Не так уж и далеко… по крайней мере, уж куда ближе, чем та обитель в пустыне. Что ж, скажи людям – пускай готовятся. Завтра с утра отправляемся в путь.

– Как в путь? А лодки?

– Вот ты их и разыщешь! Ладно, ладно – я тоже поищу, так и быть.

Прежде чем искать лодочников, Александр велел своим людям переодеться, сменив шикарные плащи и дорогие туники на что-то попроще, похуже, с заплатками, дырками… Шлемы и доспехи – и кожаные панцири и римские лорики-сегментата, оставили здесь, на постоялом дворе, под присмотром парочки воинов, все же остальные – чуть больше дюжины человек, считая самого хевдинга – с утра отправились в путь. По берегам болот – нет, все-таки, наверное, озер

– располагались селения охотников и рыболовов, к ним и шли, прикидываясь богобоязненными странниками и старательно пряча под одежкой кинжалы и короткие мечи – времена смутные, оружие никогда лишним не будет.

Колоритнее всех выглядел Ингульф – в короткой дырявой тунике, грязный, босой, с разбитой где-то коленкой, он вызывал явную жалость. Александр даже покачал головой и восхищенно присвистнул – вот это замаскировался парень! А ведь в Гиппоне он отнюдь не выглядел замарашкой, наоборот, приохотился к термам, точнее сказать – к тамошним девкам, – которые его всячески холили и лелеяли, даже волосы завивали, так что Ингульф быстро превратился, говоря словами Арники – «в очень красивого и представительного юношу из хорошей семьи». Ну, теперь-то «представительный юноша» больше напоминал беспризорника, сбежавшего из детприемника и с компанией себе подобных живущего в асфальтовом котле. Тоже еще, сирота казанская… Макаренко на него нет.

– Что ты смеешься, вождь? – обидчиво набычился Ингульф.

– Да так… – Саша махнул рукой. – Ты уж это… того… слишком. Боюсь, таких в монастырь точно не принимают.

– Да что ты, брат! Я вот думаю – как раз таких и берут.

– Ладно, черт с тобой, – хевдинг негромко расхохотался. – Иди уж, какой есть… только вперед не высовывайся – лодочников не распугай.

Если бы не подробный рассказ зеленщика, путники ни за что бы не отыскали селенье. Нет, озеро – точнее сказать, озера, такие же, как в Финляндии, связанные многочисленными проливами и плавно перетекающие одно в другое – они обнаружили уже через час после того, как вышли. С холма видно было, как, в обрамлении густой зелени камыша, блестела вода, уходя протоками далеко-далеко, чуть ли не за линию горизонта. Издалека все хорошо видно было, а вот, когда подошли ближе… Средь этих чертовых камышей куда-то потерялась дорога, точнее сказать – не особенно-то и широкая тропа, кругом было безлюдно и пусто, если не считать камышовых зарослей и небольших, похожих на ивы, деревьев с густыми кронами. Слышно было, как где-то совсем рядом громко кричали птицы – утки, кажется, гуси… выпь.

– А выпь так не кричит, – неожиданно произнес Нгоно. – Слишком уж четко… Нет, это не выпь. Я же охотник, знаю. Это человек! Кто-то подает знак.

– Всем приготовиться! – Александр отнесся к предупреждению юноши весьма серьезно, знал – никакой охотник в таких случаях зря болтать не станет.

Воины тут же прекратили все разговоры и смех, вытащили мечи и кинжалы. Так и пошли дальше, в направлении на птичий крик, в любую секунду готовые к нападению неведомого врага.

Ага! Вот снова закричала выпь… выпь?

– А это – настоящая! – шепотом пояснил Нгоно. – А вот там… слышите? Это и не выпь вовсе.

Когда первые двое выбрались через камыши к озеру, едва не провалившись в воду по пояс, Александр объявил привал. Необходимо было выяснить – куда двигаться дальше? Идти вдоль берега, через камыши, или лучше попытаться отыскать хоть какую-то тропку?

Кстати, а есть ли они здесь, тропки-то? Ведь местный озерный народ наверняка не ходит пешком, пользуясь лодками.

– Зеленщик сказал – от дороги направо, – Ингульф показал рукою. – Как раз туда, где кричат.

Саша нахмурился:

– Кричат – значит, готовят встречу.

– Я думаю, они следят сейчас за каждым нашим шагом, – озабоченно произнес Эрлоин.

Ингульф согласно мотнул головой:

– Да… Они тут – хозяева, а мы – гости. Раз уж они нас заметили, то… вполне могут уничтожить внезапно, к примеру – забросать стрелами или дротиками.

– Да, могут, – хевдинг задумчиво покусал только что сорванную травинку. – Почему же до сих пор не напали, пользуясь своим преимуществом – и в местности и – я уверен – в людях? Потому что точно не знают – кто мы… А ну-ка, парни, быстренько убрали мечи! Теперь – на колени… Я сказал – на колени! Кто хорошо знает молитвы? Ты, Луи? Тогда

молись, как можно громче, а мы поддержим. Слышали мой приказ? Всем молиться! И – как можно громче.

– Патер ностер, – опустившись на колени, нараспев, как учили в католической школе, заговорил Луи Боттака. – Господь наш, Иисус Христос и Святая Дева…

– Иисус Христос и Святая Дева, – этаким напоминающим рэп речитативом тут же повторили остальные.

Саша тоже молился, во многом даже вполне искренне… только не забывал внимательно посматривать по сторонам… как делал Ингульф и еще некоторые, да почти все – молитва молитвой, а об осторожности никто из воинов забывать не собирался.

Ага – вот снова закричала «выпь»… совсем-совсем рядом. И – резко – стихла. Кричала-кричала и вдруг…

А потом дернулась ветка. Зашуршали камыши… Ветер? Да нет, ветра здесь не было.

Люди!!! Жители болот! Черные… нет, смуглые, с красноватым отливом, чем-то похожие на Нгоно – такие же поджарые, длинные, с тонкими губами и чуть приплюснутым, с заметной горбинкой, носом. Человек двадцать. С длинными луками, с копьями. Все – полуголые, лишь в набедренных повязках, а у одного – мускулистого, с покрытыми затейливой татуировкой щеками и грудью, через правое плечо была перекинута пятнистая леопардовая шкура. Как видно – это и был вождь.

– Бог в помощь, добрые люди! – вытянув руки ладонями

вверх, широко улыбнулся хевдинг. – Мы – бедные паломники, идем в святую, расположенную где-то здесь обитель. Не поможете ли вы нам ее отыскать?

Вместо ответа вождь сурово сдвинул брови и что-то гортанно сказал. Что – непонятно, похоже, эти болотные люди вообще не знали латынь… и уж тем более не понимали германской речи.

Вождь снова что-то спросил и, не дождавшись ответа, поднял руку. Красно-смуглые воины враз натянули тетивы луков…

– Что ж, – все так же улыбаясь, спокойно произнес Александр. – Договориться не вышло, придется взять их в мечи… Делаем по моему слову!

Он нагнулся, якобы продолжая молитву, правая рука скользнула к рукояти меча…

И вдруг поднялся, даже вскочил, на ноги долговязый Нгоно! Вскочил, что-то сказал, улыбаясь… Вождь удивленно посмотрел на него. Ухмыльнулся. Ответил. Обернулся, что-то бросив своим – те тут же опустили луки.

– Великий вождь Мгабе-Мгабе согласен дать нам проводника и лодки, – обернувшись к Саше, с улыбкой пояснил Нгоно. – Он сказал, что знает тот остров, где молятся богу креста странные белые люди.

Александр тут же приосанился и вежливо поклонился:

– Передай вождю… великому вождю Грабе…

– Мгабе-Мгабе…

– Великому вождю Мгабе-Мгабе, что мы принимаем его помощь с искренней благодарностью, восхищением и надеждой… Услуги будут оплачены! У нас правда нет серебряных бус… или что там любят все эти люди, зато найдется десять… нет, даже целая дюжина серебряных монет! Пусть великий вождь примет их в качестве искренней благодарности за свою услугу.

Великий вождь Мгабе-Мгабе принял монеты с неожиданной простотой – даже и не скрывая радости.

– Скажи ему, что это последние наши деньги, – на всякий случай просил Нгоно хевдинг. – И еще спроси – поместимся ли все мы в его лодки?

– Он сказал, что поместитесь – лодок у него много. Только просил не идти в деревню… подождать здесь. Озеро рядом, и его воины скоро пригонят лодки.

Вождь не обманул, не прошло и двадцати минут, как все паломники-пилигримы уже сидели в тростниковых лодках, на корме которых уверенно орудовали шестом поджарые черно-краснокожие парни. Такие же, как Нгоно.

Луи Ботакка во все глаза смотрел на своего приятеля и побратима:

– Ты что же, знаешь их язык, да?

– Конечно, знаю, – парень невозмутимо повел плечами. – Ведь это же мой народ – охотники-фульбе!

– Э, месье Александер, – Луи тут же обернулся к хевдингу. – На вашем месте я бы не слишком-то доверял этим фуль-

бе!

– Эй, эй, дружище! – Нгоно обиженно хлопнул приятеля по плечу. – Ведь мне-то ты доверяешь!

– Ты – другое дело, ты – мой друг, тем более – уже почти что цивилизованный…

– То есть как это – почти?

– Да так! Вспомни, до встречи со мной ты даже не знал, как спрягается глагол «авуар»!

– Кто не знал? Я не знал?!

– Так, парни, цыц! – Саша решительно прекратил разгоравшийся спор. – Похоже, мы уже приплыли.

И в самом деле, впереди, из желто-зеленых зарослей камыша прямо на глазах вырастал остров. Не очень большой, но и не маленький, с приятными, покрытыми разноцветными цветами, лужайкам и дубравой, на опушке которой виднелась деревянная церковь – приземистое и мощное здание из дубовых бревен с большим – тоже деревянным – крестом на высокой колокольне. Слышно было, как вдруг ударил колокол, по-видимому, начиналась служба… или, скорее, с колокольни заметили незваных гостей.

Тростниковые лодки фульбе, одна за одной, ткнулись в песчаный берег. Один из болотных воинов что-то быстро сказал.

– Они не будут выходить на берег, – тут же перевел Нгоно. – Там – чужой бог, а у них – свои, которые могут обидеться.

Хевдинг пожал плечами:

– Не хотят, так и не надо.

И, обернувшись к своим, добавил:

– Ну, пошли, взглянем на эту обитель, парни!

Бесшумно отчалили тростниковые лодки, где-то рядом, на плесе, шумно всплеснула рыба. Снова ударил колокол, на этот раз – с явной тревогой: бомм-динь-бомм…

– Я видел там, в камышах, лодки, – обернувшись, шепнул Александр. – Эрлоин, возьми четверых… Если что – будьте наготове!

– Слушаюсь, мой вождь! – рыжебородый парень исчез, прихватив собой четырех воинов.

Массивные двери базилики распахнулись, выпустив с десяток монахов – дюжих молодцов с массивными посохами.

– Мир вам! – Саша размашисто перекрестился. – Мы – бедные пилигримы, идем в Триполитанию и вот, зашли помолиться, узнав про вашу обитель. – Так, дети мои?

Хевдинг обернулся и подмигнул своим: те тут же поклонились.

Несколько успокоенные, монахи тем не менее все еще смотрели весьма недоверчиво, особенно главный – настоятель, или как он тут у них именовался – крепкий седобородый старец. Не тот ли, что в свое время сманил антиквара-профессора?

– Это он, – подойдя ближе, шепнул Ингульф. – Тот самый, что был тогда в таверне… Я тоже узнал его.

Тоже… Александр так вот не узнал. Но вполне доверился в этом Ингульфу, варвары да и вообще все древние люди, будучи ближе к природе, отличались недюжинной наблюдательностью.

– Мы хотим сделать скромный подарок вашей обители, братья! – достав из котомки кошель, хевдинг, недолго думая, протянул его настоятелю и поклонился. – Помолись за бедных странников, отче!

– Я вижу, вы добрые люди, – принимая подарок, улыбнулся тот. – Не скрою – обители нужны средства на украшение церкви. Наша мечта – выстроить каменный храм – или – из кирпича – с мозаиками, с витражами, такой, чтобы сердце любого закоренелого язычника, а их здесь много, братья мои, забилось бы в благоговении и экстазе перед величием Божьим!

– Надеюсь, и наш – от чистого сердца! – подарок поспособствует вашему святому делу, – умильно прикрыл глаза Александр. – Позволь нам немного отдохнуть и послушать службу. Очень скоро мы уже пустимся в путь – дорога дальняя.

– Да уж, не близкая, – настоятель прищурился и, поправив на голове черный клобук, предложил отобедать, чем Бог послал.

– Уж разделите с нами нашу скромную трапезу, – добродушно хохотнул монах.

Трапеза и в самом деле оказалась скромной – каша «кус-

кус» да вареная рыба – зато весьма обильной, что было вовсе не лишним после весьма утомительного пути.

– А здорово здесь кормят! – толкнув локтем приятеля, негромко заметил Луи.

– А-а-а! – Нгоно хихикнул. – Ты, видно, вовсе не прочь остаться здесь монахом?

– Тихо вы, – прикрикнул на парней Александр.

За столом следовало вести себя скромно, к тому же Саше никогда не нравились безличные предложения, типа: кормят, приглашают, платят… Всегда почему-то возникали вопросы – кто кормит, зачем, с какой целью, на какие такие средства?

Ну, здесь пока в этом смысле все было понятно. Покормить пилигримов да пусть себе идут с Богом! Остаться почему-то не предлагали… может, хватало уже монахов? Или имелась какая-то другая причина, о которой отец настоятель почему-то умалчивал.

Трапезная – гулкий, с высоким потолком, зал, даже сейчас, ясным днем, полутемный ввиду узких бойниц-окон – вместила в себя, пожалуй что, всех местных послушников и монахов, всего около двух десятков человек, включая самого игумена. Перекрестились перед трапезой, отец настоятель прочел молитву… Ели молча, скромно потупив глаза, видать, здешний устав не поощрял пустопорожние разговоры.

А вот Саша, немного подумав, решился его нарушить. По-

сидел, облизал ложку и негромко промолвил с некоторым оттенком восхищения:

– Отче! Сколь многолюдна у вас братия! Многолюдна – для столь отдаленных мест, куда, вне всяких сомнений, нужно нести слово Божие… Не убоявшись трудностей и строгостей монастырского устава.

– Это еще не все, – ухмыльнулся монах. – А про строгость устава ты верно сказал, мил человек. Есть у нас один послушник… так он в отдельности живет, в убогой хижине, ни с кем не общаясь – сам на себя наложил епитимью, сказал – пока еще в братья пойти не достоин! Подвиг веры решил совершить… отшельник.

– Что вы говорите? Отшельник? – хевдинг резко насторожился. – Поистине, это святой человек… А можно на него взглянуть? Напитаться святостью.

– Брат Лазарий еще не святой… но – к тому стремится. Найти ж его просто – я пошлю братьев проводить.

Сутулый монах привел Александра и его людей прямо к хижине, располагавшейся километрах в двух от обители, в заросшей камышами неудоби. Плетеные, наспех обмазанные глиной, стены, камышовая крыша и целые тучи москитов… Так-то на открытых и возвышенных местах ветер всю эту шушеру сносил, но вот здесь…

– Черт! – прихлопнув на лбу комара, шепотом выругался Ингульф, и Саша едва не влепил ему подзатыльник – тоже

еще, святой странник – нечистого запросто так поминает. Не влепил, конечно, хотя и очень хотелось, но посмотрел со всей строгостью.

Ингульф понял – потупился и больше уже не ругался.

– Ну, и где же отшельник? – подойдя к проводнику, спросил Александр.

– Тсс!!! – чернец приложил палец к губам. – В это время он всегда молится на берегу… что-то рисует на песке тростинкой. Но вы это… будьте осторожны, он вообще-то – блаженный!

– Блаженный?

– Ну да, немного не в себе. Слова непонятные говорит… заговаривается…

– А где этот берег?

– Да вон тропинка…

Седой старик с растрепанной шевелюрой стоял на коленях лицом к синей озерной глади и, что-то бормоча, водил по песку тростинкой…

– Ну, вон он… – монах-проводник благоговейно попятился. – Слышите? Заговаривается! Может, он так разговаривает с Господом?

– Может, и с Господом… – Александр прислушался… и неожиданно четко услышал:

– Если представить, что данная константа равна числу пи, то… а если – не так? Если взять за переменную другое…

Дьявол! Все равно – не хватит энергии… Просто не хватит… Откуда же ее здесь взять?

– Бонжур, месье профессор! – неслышно встав за спиной старика, громко поздоровался хевдинг.

– Бонжур, бонжур, – профессор рассеянно оглянулся… – Ой!

Глава 17. Весь флот Карфагена!

Лоик был возбужден. Его одолевали беспорядочные идеи.
Мишель Бонт. «Пески Луары»

Весна 439 г. Вандальская Африка

Он рисовал на песке формулы. И чертил схемы. Какие-то цифры, графики, диаграммы…

– Как вы меня отыскали, месье Александер? И откуда знаете, что я про… профессор?

– Потом расскажу, – улыбаясь, Саша опустился на песок рядом. Всмотрелся…

– Господин профессор… Это – то, о чем я подумал?

– А о чем вы… Боже! Ну, конечно же – о чем же еще думать нам с вами?!

– Не только нам, есть еще трое.

– Трое? – старик испуганно оглянулся. – Вы хорошо их знаете?

– А что?

– Да так… Всякое может быть.

Профессор, известный на весь ученый мир доктор Фредерик Арно, автор «теории сжатия» и еще многих других,

замолк, и налетевший ветер, раскачав камыши, трепал его белую шевелюру.

– Вы что-то говорили про энергию, доктор? – тактично напомнил молодой человек.

– Да-да! Энергия – в ней все и дело!

– Если бы ее было достаточно – можно бы было уйти?

– Хотя бы попытаться, – профессор хмуро кивнул. – Но все это пустые хлопоты, друг мой, – здесь ведь нет электростанций! И таковые еще очень нескоро появятся, где-то через полторы тысячи лет.

– Так, может, ускорить процесс?! – поднявшись на ноги, хохотнул Александр. – Не верю, дорогой профессор…

– Вот и я не верю!

– Не верю, что это нам не под силу!

Нужны были сильные электромагниты, очень сильные, так, чтобы, используя изобретение профессора – тот самый зеленый луч – искривить пространство и время.

– Как вы понимаете, эти две вещи взаимосвязаны, – пояснил антиквар… Господи, не антиквар – профессор Фредерик Арно!

– А я всегда думал, время зависит от скорости движения, – молодой человек понятливо кивнул. – Чем она ближе к скорости света, тем медленнее течет время… со стороны стороннего наблюдателя, так?

– Все так, – вздохнув, согласился ученый. – Но ведь ско-

рость есть не что иное, как перемещение тела в пространстве. Увы, все это сейчас…

– Подождите, подождите, – перебил его молодой человек. – Вы только что говорили о каком-то луче?

– Ну, это всего лишь следствие, – профессор пожал плечами. – Побочный эффект сильнейшего магнитного поля.

– Все мои друзья, оттуда, видели перед своим… гм… исчезновением какое-то научное судно. С номером вместо названия.

При этих словах Фредерик Арно вздрогнул и замолчал, испуганно покосившись на собеседника. Снова нагнулся к своим рисункам…

– Так как же насчет судна? – не отставал Александр.

Профессор поднял голову:

– Вы очень хотите знать?

– Конечно! – Саша неожиданно рассмеялся, задорно и громко, как человек, наконец-то отыскавший то, что давно уже безуспешно искал. – И знаете, почему, уважаемый доктор? Потому что я и мои друзья четко намерены выбраться отсюда! С вашей помощью, разумеется.

– Но это же невозможно!

– Так-таки и невозможно? – недоверчиво ухмыльнулся молодой человек. – А вот скажите-ка – что это вы здесь так увлеченно чертили? Ну, вот эти вот рисуночки на песке – я вижу, тут и корабль, и какие-то расчеты…

– Так, – доктор Арно нервно повел плечом. – Проверял

одно давнее событие… Нет, энергии не просто не хватит – ее здесь и взять неоткуда.

– А что за событие? – быстро поинтересовался Саша. – Ну-ну, профессор! Что вы так смотрите? Не знаю, от кого вы скрывались, но я вам вовсе не враг – точно!

– Один эксперимент… вы что-нибудь слышали об исчезновении эсминца «Элдридж»?

– Нет. Что за эсминец? И куда исчез?

– Корабль ВМС США. Опыты с невидимостью в сентябре тысяча девятьсот сорок третьего года, так называемый «Филадельфийский эксперимент», – профессор пригладил растрепавшиеся порывом внезапно налетевшего ветра волосы. – Электронная начинка, сильнейшее магнитное поле… Корабль действительно стал невидимым… пропал! Исчез! И появился на некоторое время в Норфолке! Материализовался, так сказать. Представляете, это из Филадельфии-то?!

– Ну, из одного места в другое, – Александр задумчиво кивнул. – Понятно. Но это все пространство – а где же время?

– Вы знаете, мне когда-то посчастливилось иметь беседу с некоторыми выжившими матросами с этого эсминца… и не сошедшими с ума – было и такое. Впрочем, – профессор почмокал гулами. – Почти всех их объявили сумасшедшими. Теперь уж почти никого не осталось в живых, а те, кто остались… В общем, они рассказывали странные вещи, изумительно странные. О сильном магнитном поле в фор-

ме эллипсоида, простиравшемся на сто метров от корабля – все, кто находился внутри эллипса, имели размытые и дрожащие очертания, снаружи же не были видно ничего… лишь след корабля на воде. Да и тот скоро пропал… А корабль, вот этот самый эсминец, прежде чем оказаться в Норфолке, на несколько минут материализовался вообще в очень странном месте, многие моряки посчитали это наваждением, галлюцинацией – шумный южный город с крепостными стенами и белоснежными античными храмами, стоящие на рейде суда – парусники и галеры. Я попросил одного из моряков нарисовать и стены, и суда… Там было один, неплохой художник, он умер, кажется, и давно, звали его… впрочем, какая вам разница, как там его звали?

Профессор снова замолк и нахохлился, словно большая птица.

– Ну-ну! – заинтригованный Александр подогнал собеседника. – И что там дальше-то было? Что за рисунки?

– Понимаете, – доктор Арно пригладил бороду. – Он, этот матрос, художник, изобразил не обычные парусники… а именно те, какие были в ходу в эпоху поздней Римской империи или – великого переселения народов. В эту эпоху, понимаете, в которой очутились и мы! А город… я теперь думаю – это был Карфаген или Гиппон. Очень похоже!

– Так что же, получается – этот чертов «Элдридж» провалился и сюда? А потом как-то выбрался?

– Поле, – усмехнулся профессор. – Поле… чертово поле,

единую теорию которого создал еще великий Эйнштейн в середине двадцатых. Создал и сделал все, чтобы тщательно ее засекретить, запутать, чтобы никто… Он считал, что человечество может употребить ее во зло… что, в общем-то, и случилось.

– А вот с этого момента поподробнее! – жестко потребовал Александр. – Отвечайте не раздумывая и конкретно, хорошо? Поймите, я вам не враг. Ну? Попробуем и дальше поиграть в вопросы-ответы?

– Попробуем, – неожиданно улыбнулся старик. – Так что вы хотите знать? Спрашивайте! Еще что-то про «Элдридж»?

– Черт с ним пока, с «Элдриджем», – молодой человек отмахнулся. – Меня сейчас больше интересует другой корабль – тот самый, научный. Это ведь благодаря ему мы здесь?

– Именно, – со вздохом согласился профессор. – Научно-исследовательское судно ВМС Франции, кодовое название – «Селектра», но больше оно известно под различными ничего не объясняющими номерами. Хм… я сказал – Франции, нет – это, скорей, судно Объединенной Европы, скорее даже – НАТО.

– Но Франция же не…

– А какая разница? Все действуют вместе, всеобщим был и эксперимент… «Филадельфия-2» – под эгидой НАТО и проводился. Я принял в нем участие в надежде найти ключ к разгадке и, может быть, попытаться остановить надвигающуюся катастрофу… хотя бы найти пути…

– Вы имеете в виду сжимание мира? – переспросил Александр.

Профессор молча кивнул и, чуть погодя, уточнил:

– Сжимание Галактики Млечный Путь… Я думаю, оно началось именно с этого времени… с четыреста тридцать девятого года… и потом усилилось с тысяча девятьсот сорок третьего.

– И сколько нам еще… Сколько осталось тому, нашему, миру? – шепотом поинтересовался молодой человек.

Доктор Арно нервно поежился:

– Не хочу вас пугать, но… не очень-то много.

– Но сколько конкретно?! Тысяча лет? Сотня?

– Боюсь, речь может идти уже о десятках лет… тридцать-сорок-пятьдесят.

– Даже так?!

– Да. Так! Знаете, почему я вам все это рассказываю? Потому что мы все здесь умрем! – профессор нервно рассмеялся. – Кто раньше, кто позже… Но – здесь! В этом чужом и жестоком мире.

– Ну, не такой уж он жестокий, – улыбнулся Саша. – Уж, по крайней мере, ничем не хуже нашего. Что же касается жестокости… Это судно, как его… «Селектра»… Зачем они убирают посторонних людей?

– Эксперимент… Он попал не в те руки. Добровольцев решили больше не искать.

– Ага… и проводить эксперименты над мирными, ничего

не подозревающими туристами?

– Нелегальные эмигранты, – профессор развел руками. – Для Европы это давно проблема. Тем более сейчас. Вот и решили соединить одно с другим.

– Людоеды.

– Полностью с вами согласен.

– Это они вас преследовали? – чуть помолчав, спросил Александр. – Из-за них вы прикинулись антикваром?

– Да, – доктор Арно улыбнулся. – Я обещал им устроить бучу в Европарламенте… Буча? Так это слово звучит по-русски?

– Именно так.

– Увы, они вычислили меня… и провалили в прошлое. Впрочем – вполне могли бы и просто убить! Теперь-то уж я понимаю.

Молодой человек потер руки, зябко поежился, хотя вокруг было очень даже тепло и, посмотрев на своего собеседника, вдруг подмигнул:

– А вы знаете, профессор, быть может, ваши враги просчитались?!

– Не понял?

– Ну… вы же только что сказали – могли и убить. А здесь-то им вам не достать!

– Здесь-то я и сам помру, – грустно хохотнул доктор. – Как, впрочем, и все мы.

– И все же, все же… Вы ведь не зря все это чертили? –

Александр снова кивнул на песок. – И вели расчеты… А?

– Вел, да, – отмахнулся профессор. – И, похоже, что зря.

– А чего не хватает? Электроники? Микросхем?

Доктор Арно мягко улыбнулся:

– А вы знаете, основная проблема как раз не в этом. Железо, даже сталь, цветные металлы – это все здесь умеют и производить, и обрабатывать. И очень даже не плохо. – профессор помолчал. – Энергия! Вот в чем корень проблемы. И я, признаться, не знаю, как с этим справиться. Электростанцию здесь не построишь…

– А почему нет? Скажем, с помощью той же паровой машины – уж ее-то можно соорудить!

– Напряжение! Напряжение, друг мой! Нужны тысячи киловатт! И еще нужно подходящее судно.

Вот при этих словах Александр едва сдержал смех:

– Судно у нас как раз имеется, месье. Так что – за малым дело. Говорите, энергия? Да неужели ж мы – да не придумаем? Ха!

Собеседник хлопнул глазами и улыбнулся:

– А вы мне нравитесь, молодой человек! Ваша уверенность, ваш задор…

– Зря вы от нас с Ингульфом сбежали…

– Ингульф? А, тот мальчик, варвар…

– Он как раз сейчас со мной. И знаете, дорогой профессор, зря вы не признались мне раньше…

– Я боялся, – честно признался доктор Арно. – В послед-

нее время я не доверял никому. А когда оказался здесь… когда понял, где я, решил просто жить, по возможности в отдалении, так, чтоб никто не мешал мне развивать теорию дальше.

– Единую теорию поля, вы имеете в виду?

– Да-да, вот именно. Я бы оставил записи, книги… Эйнштейн бы их нашел… или – найдет? В общем – отдаленный монастырь для моей работы – самое подходящее место. Монахи и их настоятель – славные люди, правда, откровенно говоря, они считают меня сумасшедшим. Господи! – профессор всплеснул руками. – Ведь сразу забыл спросить – вы-то какими судьбами здесь?

– А за вами явились, – просто отозвался Саша. – Слава богу, нашли.

Их провожали монахи и рыбаки из племени фульбе во главе со своим вождем Мгабе-Мгабе. Выбравшись из Ливийских болот, путники устремились на север, и уже к исходу недели были в Гиппоне. Можно сказать – дома. Кстати, не так-то уж и легко оказалось уговорить профессора, в последнее время озабоченного лишь чистой теорией. Впрочем, какой же ученый откажется от практического эксперимента?!

На эту удочку доктор Арно и поймался. Подумал, почесал бороду, да и махнул рукой:

– А, пойдемте. Говорите, в Гиппоне у вас приличный бизнес?

Ну, еще бы не приличный! Уж Александр рассказал, описал во всех подробностях частное охранное предприятие. Профессор слушал, одобрительно улыбался, кивал. А уж когда увидел Арнику…

– О, месье Бади! – обняв Сашу, девушка обернулась к гостю. – Вот так встреча! Помните, вы меня как-то подвозили из Суса до Карфагена?

– А, – доктор Арно улыбнулся, но тут же напрягся. – Так это были вы?

– Это моя невеста, – скромно представил Александр. – Катя. Местные зовут – Арника. Тоже русская, кстати.

– Русские… Господи… – профессор недоверчиво схватился за голову. – Только не думайте, что я…

– Нет, нет, господин Арно, что вы! – громко захохотал Александр. – Мы вовсе не собираемся вас вербовать – своих забот хватает. Вот выберемся отсюда, – а там и разбежимся в разные стороны. Мы с Катериной – домой, в Россию-матушку, а вы… уж куда хотите. Есть, вообще, куда? А то поехали с нами.

– В Сибирь? Вот спасибо! – желчно усмехнувшись, профессор с ходу хлебнул принесенное служанкой вино. – О! Неплохое…

Саша тоже поднял кубок:

– Ну, так мы пока с вами в одной упряжке, профессор! Давайте, за это и выпьем. За наш – за ваш – успех!

– Что ж, давайте выпьем… Вы все еще в это верите?

– Конечно, – молодой человек с шумом поставил опустевший кубок на стол. – И вы тоже не сомневайтесь, а лучше составьте список – что вам понадобится и кто. Ну, кузнецы там, ювелиры…

– Ювелиры, хм… – доктор Арно скептически хохотнул.

– Зря смеетесь, месье! – ухмыльнулся Саша. – Взгляните-ка лучше на мою фибулу! Что – тонкая работа? Нет, это не римляне, это вандалы делали. В наше время кто такое сможет повторить, а? Не знаете? Вот и я не знаю. А вы говорите – ювелиры… Это ж кудесники все!

Утром Александра разбудил мальчишка-слуга:

– Господин! Господин…

– А? Что такое? – молодой человек по привычке схватил лежащий рядом с ложем меч.

Потом улыбнулся, завидев заглядывающегося в покои парня… и тут же нахмурился, поспешно прикрыв спящую Арнику покрывалом – нечего ту всяким пацанам на голых женщин глазеть!

– Явился посланец, мой господин, – почтительно поклонился слуга.

– Что еще за посланец?

Саша явно был недоволен – не ждал он никаких посланцев, ни от кого, тем более в такую-то рань – еще и солнце-то не взошло, лишь так, светало.

– Посланец? Важный такой, в богатом плаще… с ним чет-

веро воинов, тоже неплохо одетых. Не для охраны воины – для почета.

– Так кто он такой-то? – Саша быстро одевался. – Что не сказал, что ли?

– Сказал, господин… Сказал – явился от Хильденига-хевдинга.

– От Хильденига?! Так что ж ты молчишь-то!

Молодой человек хотел было запустить в слугу хоть чем-нибудь, что попалось бы под руку… Как назло, кроме меча, ничего не попадалось… Хотя – а вот этот аляповатый кувшин?

– Поставь вазу на место, милый, – сонно попросила Арника. – Я ее вчера только купила. Для цветов. Красивая, правда?

– Красивая? Хм…

Честно говоря, ваза эта – скорее, просто цилиндр с дурацкими узорами – сильно смахивала на разросшуюся пальчиковую батарейку «Дюрасель» или что-то вроде…

– Да, и в самом деле, чем-то на батарейку похоже, – приоткрыв левый глаз, согласилась девушка. – Ну и что? Все равно красиво. Это… ар нуво – был такой стиль когда-то.

– Да ла-адно тебе – ар нуво! – Александр накинул плащ, нагнулся, и, чмокнув невесту в щеку, зашагал к лестнице. – Пойду к Хильденигу наведаюсь. Чего-то зовет.

– Хильдениг? – Арника открыла, наконец, и второй глаз, потянулась – сладко-сладко – вытянулась, словно кошка. По-

крывало сползло на пол, обнажив восхитительные обводы девичьего тела с золотисто-бронзовой кожей, плоским животиком, с крепкой и сладкой, как персик, грудью… – Э! Ты что тут пялишься? – Катя узрела вытаращившего глаза слугу и засмеялась. – А ну, кыш!

Мальчишка исчез, а Катерина зачем-то накинула на плечи покрывало… впрочем, оно и не очень-то жарко было.

– Дебет с кредитом, верно, не сошелся, – провожая любимого, предположила девушка. – Но я все правильно посчитала, не сомневайся.

– Да я и не сомневаюсь, с чего ты взяла?

– Хотя… у нас с тобой – одна правда, а у властей – чаще всего – другая.

– И это верно! – уходя, Саша обернулся и подмигнул суженой. – Ладно, разберемся, в первый раз, что ли?

Внизу, в зале, действительно ждал посланник – один из доверенных слуг Хильденига, Александр его знал, а потому ничуть не удивился столь раннему визиту. Впрочем, что значит – раннему? Здесь все вставали рано.

После обычных приветствий Александр, прихватив с собой мальчишку-слугу – хоть одного да нужно было взять для важности – зашагал следом за посланцем. Воины, глухо переговариваясь, шли чуть поотстав, сзади. Этакий, блин, конвой. И это не слишком-то понравилось Саше. А еще не понравились ошивающиеся у самой таверны вооруженные лю-

ди. Двое – с мечами – напротив, трое – с копьями – слева, у забора, еще столько же – справа. И один – якобы неспешно прогуливаясь – прохаживался вдоль улицы, контролировал. А ведь грамотно встали! Все ходы-выходы перекрыли… Зачем? И кто это вообще такие? Вряд ли просто разбойники, жадные до чужого, непосильным трудом нажитого добра. Во-первых, вся местная щелупонь давно – еще с осени – и хорошо знала, что из себя представляют хевдинг Александр Рус и его люди, а потому не сунулась бы… А во-вторых… Во-вторых, в Гиппоне и самый плюгавый ишак не закричит без соизволения его королевско-вандальского величества господина Гейзериха! Значит… значит – это его люди, его…

Вот с этого-то Александр и начал беседу, едва только поднялся по знакомой лестнице в гулкие покои дворца. Сразу и спросил, едва закончив обычный обмен любезностями – что, мол, за люди, и по какому праву ошиваются у его таверны?

– О, не беспокойся, – Хильдениг-хевдинг с усмешкой покусал ус. – Это наши люди, люди нашего славного вождя!

– Ах, вот оно как! И зачем же, позволь спросить…

– С которым ты, мой любезный друг, уже совсем скоро будешь иметь встречу!

Вот так вот! Начался день, да… сразу и не понять – хорошо или, наоборот – несчастливо?

А по виду Хильденига и не скажешь… вот ведь, хоть и вандал, варвар, а собой владеет ничуть не хуже каких-нибудь византийских царедворцев: сидит, словно статуя, лишь ино-

гда улыбнется, и не скажешь – просто так или со значением? Идол! Как есть – идол.

– Пойдем! – услышав за стеной звон небольшого колокола, хевдинг вдруг резко поднялся. Выскочивший, словно чертик из табакерки, слуга накинул ему на плечи плащ, заколов изящной фибулой…

– Все хочу спросить, любезнейший Хильдениг, что за мастер делал тебе застежку? Римлянин? Карфагенянин?

– Нет, друг мой! Это наш кузнец Тевдольд, сын Рутбара, тот самый Тевдольд, что… Ха! Гейзерих-кениг уже здесь! В зале!

Войдя, оба поклонились – не раболепно, как было принято в каком-нибудь там Константинополе, у ромеев, а – с чувством собственного достоинства, поздоровались, почти как равные с равным. И Гейзерих – вождь, и Хильдениг с Александром – вожди тоже. Правда, у Гейзериха людей малость побольше… и не малость даже…

– Ты хотел видеть меня, славный Гейзерих? – покончив с приветствиями, нетерпеливо спросил Саша. – Вот – я пришел.

– Садись! – король вандалов кивнул на широкую скамью рядом с низеньким, римского типа, столиком, на котором стояли уже высокие серебряные кувшины, несомненно, с вином, и золотые кубки.

Гейзерих, и лицом, и одеждой, и всеми своими повадками очень мало напоминал варварского вождя, скорей уж,

был под стать римскому императору, да что там говорить – выглядел куда круче! Длинные и тонкие, в золотых перстнях, пальцы, изысканные туники, по римскому обычаю, одетые одна на другую, на плечах – пурпурный императорский плащ, заткнутый золотой фибулой с большим тускло сверкающим изумрудной зеленью камнем.

– Садись, садись, друг мой, – Гейзерих – еще довольно молодой чернобородый мужчина, не лишенный этакой пиратской элегантности – улыбался в усы… опять же, не скажешь – искренне или притворно?

Хотя – а с чего ему притворяться-то? Кто такой для него Александр? Удачливый пират, не больше… тьфу – пыль под ногами, одно мановение, и…

– Есть у меня к тебе один весьма интересный разговор, любезнейший Александр, – улыбаясь, произнес король – правителей, правда, так тогда еще не называли… тогда как же назвать? Кениг? Хевдинг? Император? Нет, не император, пожалуй, Гейзерих еще не очень тянул. Тогда кто? Царь, что ли?

А что? Почему бы и нет? Царь-батюшка… Просвещенный деспот. Несомненно, просвещенный – ишь, как речь-то льется!

Король (пусть уж так будет, не царем же обзывать!) говорил по латыни, и по всему чувствовалось, что этот язык ему так же близок, как и родной.

Хильдениг пока пил вино и помалкивал, время от време-

ни многозначительно кивая в поддержку своего патрона.

– Не буду ходить вокруг да около, друг мой, – улыбаясь, поигрывал многочисленными перстнями Гейзерих. – У меня… у всех нас… есть к тебе одно небольшое и, я полагаю, не такое уж, в общем-то, и трудоемкое, дело, для которого, конечно же, потребуется весь твой ум, вся твоя смелость… вещи – давно известные в Гиппоне Регий всем, от мала до велика… Ты пей, пей – это хорошее вино из бывших имперских запасов!

Властитель вандалов улыбался… С такой же улыбкой ровно через пятнадцать лет он сожжет и разграбит Рим.

– Ну, как вино? Я же говорил! – Гейзерих прищурился и понизил голос: – Мы решили послать тебя в Карфаген, друг мой!

– В Карфаген? – изумился Саша. – Это еще зачем? Послом, что ли?

– Не совсем так, не совсем… Просто ты там возглавишь заговор – всего-то!

– Заговор?! – Александру на миг показалось, что он ослышался. – Но почему я?

– Объясню, – король вандалов глухо расхохотался. – Видишь ли, люди моего давнего соратника славного Хильденига перехватили в море один корабль… с неким человеком из Рима… о визите которого в Карфаген нас уже давно предупреждали верные друзья. Так вот, он с связан с императрицей, давно уже плетущей интриги против своего мужа, им-

ператора Валентиниана. Влиятельные круги давно уже хотят заменить карфагенского наместника Бонифация – ставленника Валентиниана – на кого-то другого… В самом Карфагене зреет заговор, и вот-вот произойдет мятеж! Воины гвардии, военачальники, судьи… О! Им нуден лишь вождь… направляющая сила, имеющая гарантии высокого покровителя…

– Да при чем же тут я? – не удержавшись, громко воскликнул Саша.

– Ты поедешь в Карфаген вместо того, кого там так долго ждут! А теперь – почему именно ты. Хочешь знать? Изволь, объясню. Ты очень похож на посланца… только тот посветлее… не беда, мои цирюльники тебя перекрасят… но это не главное. Главное – ты здесь, при моем дворе – чужой! Кто слышал о руссах? Ты – никто и пришел из ниоткуда. И всем… всем – обязан и будешь обязан исключительно нам… мне – в первую очередь. Ведь так? Согласен?

Александр молча кивнул – а что еще ему оставалось делать?

Король вандалов снова улыбнулся – на этот раз с явным удовлетворением:

– Ты умен и храбр… но, опять же, и это не главное. Ты – уязвим! И, думаю, знаешь почему! Твоя женщина… Арника… Она ведь останется здесь. Нет, нет, мы вовсе не собираемся бросать ее в узилище – пусть себе занимается таверной и денежными расчетами – тут она мастерица и тебе просто

повезло с такой женщиной! Я знаю – ты ее любишь… Нет-нет, это просто великолепно! И ты так же верен своим друзьям… Ингульф Умник, Эрлоин, Видибальд Секира… они все, не раздумывая, отдадут за тебя жизнь. Как и ты – за них! Так вот, – Гейзерих сделал долгий глоток и продолжил: – Все они умрут в страшных мучениях, если ты… В общем, думаю, ты меня понял, мой любезный друг?

– Более чем, – пожав плечами, молодой человек хмыкнул и потянулся к закускам. – Это называется – предложение, от которого нельзя отказаться. Что ж… я и не отказываюсь.

– Вот и правильно!

Пока, по крайней мере… – этого Саша, конечно же, вслух не сказал. Но подумал.

– Да, и еще одно… – Гейзерих снова поднял кубок. – Посланец, чью роль ты будешь играть, подобно греческим трагикам, должен был явиться ко двору Бонифация под видом присланного императрицей повара-виртуоза!

Повар?! Так вот оно, в чем тут…

– А мы знаем, что ты замечательный кулинар… хоть и не очень любишь выставлять напоказ свое искусство.

Отправляться нужно уже было завтра, Гейзерих и Хильдениг вполне справедливо считали, что тянуть с таким важным делом крайне опасно. Король вандалов давно уже облизывался на Карфаген, с его гаванью и флотом, но когда-то срытый с лица земли, а затем восстановленный все теми же рим-

лянами, город был слишком хорошо укреплен. Но теперь… теперь появилась возможность… и очень неплохая возможность, грех было бы не воспользоваться, тем более заговорщикам было все равно, от кого придет помощь, и Гейзерих казался куда более предпочтительным, нежели императрица и дворцовые интриганы доживающей последние годы Империи.

Первой мыслью Александра было бежать… уйти вместе со всеми своими… увы – «Амикус» находился в гавани, а причал уже был окружен воинами Гейзериха… как и таверна.

Войдя в покои, Саша нежно обнял невесту – да, они с Катериной уже собирались вот-вот пожениться, к этому все шло, и все знали об их решении, даже плотоядно потирали ладони, предвкушая свадебный пир.

– Ты чем-то взволнован, милый? – прильнув, Катя взъерошила любимому волосы.

– Отправляюсь в командировку, – хмуро пояснил Александр. – Точнее сказать – отправляют.

– И куда? – девушка подняла глаза, голубые, как высокое июльское небо.

– Карфаген… Боюсь, я должен буду поехать… ради всех нас.

– Предложение, от которого нельзя отказаться?

О, Катерина всегда была умной девушкой и сразу обо всем догадалась. Еще бы… она уже давно заметила слонявшихся

у таверны воинов, державшихся весьма по-хозяйски.

– Я, видишь ли, должен возглавить там заговор, – криво улыбнулся Саша. – Поднять восстание изнутри… нашли, блин, Владимира Ильича!

– А Гейзерих, значит, сразу же нанесет удар? – быстро уточнила Катя.

– Да, – молодой человек кивнул. – Как только услышит звон колокола… особый звон. Впрочем, не думаю, что этот штурм окажется такой уж неожиданностью для Бонифация – и флот, и войско нельзя спрятать.

Какой-то всадник проскакал на улице под окном, и стук копыт был слышен еще долго.

Арника неожиданно улыбнулась:

– Просто не представляю – как они умудряются не вылететь из седла без шпор?

– Как – без шпор?

– Так. Я, между прочим, их не заметила.

– Просто не обратила внимание… Хотя – да. Я тоже никаких шпор здесь не видел. Не изобрели?

– Наверное, – Катерина уселась к суженому на колени. – Знаешь, я тоже не помню – когда их изобрели? Хотя в школе любила историю. Правда, не всю – а там, где рыцари, прекрасные дамы, замки… В общем – феодализм.

– И мне тоже этот период нравился…

Крепко обняв невесту, Александр принялся целовать ее в губы, затем рука его скользнула под тунику, ощутив сладко

манящее тепло тела…

Полетели на пол одежды… Скрипнуло широкое ложе… Стоявшая рядом, на столике, ваза – та самая, аляповато-нелепая, упала вдруг на пол и со звоном разбилась. Между прочим – в самый интересный момент!

О, как смеялись двое влюбленных!

– Нет, ты смотри… На мелкие кусочки! И ведь только недавно купила.

– Да не переживай ты из-за ерунды.

– А я хотела ее под светильник приспособить… – хихикнула девушка. – А то те, что есть, такие страшные. Да и вообще… Нет, дом, конечно, удобный – и туалет, и все такое прочее, но вот что касается освещения… все эти фитили, масла, копоть… Хоть бы светильник какой на батарейке, нажал кнопочку, и…

– Светильник… – тихо пробормотал молодой человек. – Батарейки… Батарейки… послушай-ка, милая! А где ты купила эту вазу?

Они послали на базар слугу. Купить цилиндрическую вазу – любую, без разницы. А еще – лист меди, железный стержень, битум, которым обычно запечатывали кувшины. Кислое вино нашлось и у самих… почти уксус…

Дождавшись возвращения парня, Саша велел разрезать медный лист на узкие полосы, свернул одну их них, вставил в кувшин, поместил туда же железный штырь…

– Что это ты мастеришь?

– Подай-ка вино, милая…

– На… И все же…

– Что у тебя по физике было?

– У нас в поселке ее вообще литераторша вела…

– Все с тобой ясно… Теперь – битум! Ага! Лизни-ка вот тут языком…

– И что? Ой! Да ты что, батарейку сделал? Нет, в самом деле?! Она ток дает, да?

Молодой человек горделиво приосанился:

– А ты все-таки лизни, если не веришь!

– Надо позвать профессора…

– Конечно! Зови.

Доктор Арно, казалось, не очень-то и удивился:

– Да, у вас получилась электрическая батарея. Годная разве что для гальванопластики. Что использовали в качестве электролита? Вино? Уксус?

– Вино, – Саша скривился. – Но ки-и-и-слое – чистый уксус.

– Как вы думаете, профессор, какое здесь напряжение?

– Напряжение? Хм… вольта полтора-два… Понимаю, куда вы клоните – даже говорить смешно.

– Два вольта… ну, пусть – полтора, – молодой человек возбужденно заходил по комнате. – А если создать полмиллиона таких батарей?! Тогда энергии хватит?

– Тогда – хватит, – доктор не выдержал, рассмеялся, по-

казав редкие зубы. – Только вот, кто создаст столько горшков? Столько меди? И где их разместить, эти все батареи… Эсминца «Элдридж» у нас с вами нет.

– Эсминца нет, – тихо произнес Саша. – А вот флот… две сотни кораблей скоро точно будет…

– Две сотни?

– Весь карфагенский флот!

Глава 18. Нежданная встреча

Не от добра он
избрал опасную
тропу…
«Беовульф»

Весна – лето 439 г. Карфаген

Доносящийся из кухни запах Александру явно не нравился. Было в этом аромате что-то такое, странное – вроде бы базилик, а вроде – и нет. Или просто-напросто подгорело что? Да, наверное – лук, больше-то чему еще?

– Эй, парни! – новый, любезнейшим образом присланный самой императрицей, кулинар, создатель самых изысканнейших блюд по старым, еще имперским, рецептам, носил звучное имя – Фелиций. Константин Фелиций Аброн – так оно звучало полностью, Саша даже подозревал, что этот повар, роль которого ему выпало здесь играть волею судьбы в лице вандальского короля Гейзериха, вне всяких сомнений, был выходцем из обедневшего патрицианского рода. Да-а… в дряхлеющей империи сейчас все смешалось. Римские граждане давно уже предали свою Родину, отказавшись от армейской службы, и лишь иногда, изображая квас-

ной патриотизм, скулили что-то о былом величии Рима… а чаще всего не делали и этого, оставив даже лозунги находящимся на имперской службе варварам, коих когда-то все так презирали.

Нет! Явно они с базиликом перестарались!

– Что тут такое, бездельники? – заглянув на кухню, шеф-повар Саша (Константин Фелиций Аброн) грозно насупил брови. Поварят что-то нигде видно не было, а вот от стоящей на красных углях большой сковородки явно тянуло паленым.

– Черт бы вас всех побрал! – выругавшись, молодой человек живо схватил сковородку прихваткой, переставил на специальную подставку и задумчиво осмотрелся вокруг. – И куда же, интересно, все подевались? Кто позволил?

– Ищете ваших помощников, господин Фелиций?

Саша резко обернулся, увидев в дверном проеме сутулую фигуру господина Сергия Александра Мцеллуса, влиятельного сановника, исполнявшего при наместнике Бонифации роль помощника префекта Карфагена. Насмешливый, с худым, казавшимся несколько изможденным лицом, Сергий никогда раньше – а Саша находился при дворе наместника вот уже третью неделю – не завязывал бесед с новым поваром. Да и к чему?

– Это я отослал их… – вице-префект улыбнулся. – По просьбе супруги наместника… она просила принести на пробу несколько блюд.

Александр ухмыльнулся:

– Да я б и сам…

– Что вы, что вы! – с напускной строгостью замахал руками господин Мцеллус. – Госпожа строго-настрого приказала не беспокоить вас такими пустяками. Я же случайно задержался… для того, чтобы спросить… – сановник зачем-то оглянулся и продолжил, уже гораздо тише: – Все хотел справиться – не готовите ли вы царь-рыбу с соусом гарум, но не с простым, а с добавлением жареного лука?

Господи… Саша едва скрывал радость – ну, наконец-то! Вот, вот оно, началось! Соус гарум с луковым соусом никто не делал – это было не принято… это был пароль.

– Гарум с жареным луком – мой любимый соус, – заученно отозвался молодой человек и, не выдержав больше, широко улыбнулся. – Ну, слава Господу! А то я уж думал…

– Никогда не следует торопиться, – тоже улыбнулся вельможа. – Просто мы должны были удостовериться, что вы действительно тот, за кого себя выдаете… И ваше кулинарное искусство все сказало за вас! Сегодня вечером я жду вас в некоем месте, где мы сможем подробно и спокойно поговорить, не опасаясь ничьих ушей.

– В каком-каком месте? – тут же уточнил Александр.

– В хорошем, – долгожданный визитер хохотнул. – Я пришлю за вами носилки. Красивые, с синим пологом.

– Но…

– Никто ничего не заподозрит, не беспокойтесь. Вы же живете во дворце Магнус? В левом крыле?

– Да, – коротко кивнул молодой человек. – Все так. Хочу предупредить, что за мной пристально наблюдают.

– Да, – господин Мцеллус кивнул. – Большинство из них – мои люди. Но есть и другие, которых мы должны обмануть. Обманем, не беспокойтесь! Как раз там, в левом крыле дворца, живут одни… гм-гм… я бы назвал их словом – гетеры. Разумеется, все связи с этими женщинами – тайные, ведь господин наместник – ревностный христианин. Как и все мы здесь. Так что – до вечера, друг мой, до вечера.

Саша кивнул головой:

– Надеюсь, встреча окажется приятной и плодотворной.

Молодой человек еле дождался вечера, весь уже испереживался за прошедшие три недели, все терзался вопросами: как там Катерина, друзья? Все ли с ними в порядке? Не заподозрил ли Гейзерих предательство? Вполне ведь мог… связи-то никакой не было.

Александр уже приготовился, глядя в узенькое окно на быстро синеющее небо… вот уже показались и звезды… и белая призрачная луна.

Наверное, время уже близилось часам к десяти, когда, наконец, снаружи, на ступеньках портика, раздались чьи-то быстрые шаги. И тут же кто-то поскребся в дверь…

– Господин! Носилки поданы.

– Хорошо! – молодой человек немедленно вышел наружу, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Наденьте этот плащ, господин, – стоящий перед ним негр, высокий и курчавый, с поклоном протянул какую-то хламиду, длинную, с пелеринами и капюшоном, явно женскую… ах, ну да, здесь же рядом живут прости… гетеры… Неплохая маскировка, в чем-то даже остроумная…

Александр быстро забрался в портшез, задернув плотный синий балдахин. Носильщики – тоже негры – подхватили свою ношу, казавшуюся в их мускулистых руках невесомой, и быстро зашагали в ночь. Лишь только звезды и тощая луна светили им в спины.

Молодой человек не представлял – короток или длинен окажется путь, да это его сейчас и не интересовало, куда нужнее было другое: заставить заговорщиков сделать так, как надо королю Гейзериху! Хотя… к черту короля! Так, как надо ему, Саше! Именно ему, Александру Иванычу Петрову, его друзьям – Катерине, доктору Арно, парням-неграм, всем им, тем, кто хочет вырваться их этой чуждой и страшной эпохи, вернуться домой. А для этого… для этого была нужна вся мощь государства, пусть даже древнего, нужны мастерские, нужны корабли, нужны… Много чего нужно! И все это Саша решил взять у королевства вандалов! А у кого же еще-то? Коль уж все так удачно сложилось! Хотя, правда, это еще вопрос – удачно ли? Одно дело – организовать заговор, поднять мятеж… а что потом, после победы? Надо обязательно стать вельможей, министром или как у них тут их называют? Советником короля? И тогда…

И тогда – только тогда! – в его распоряжении, в распоряжении беглецов из этого времени, окажется все необходимое: мастерские, рабы, корабли. Мастерские и рабы – для производства миллиона источников энергии, в соединении дающим около двух миллионов вольт! Вот это напряжение профессор признал достаточным. И еще нужен был генератор, электромагниты – на все это тоже требовались материалы. И нужны были корабли – установить батареи. Целый флот. Карфагенский флот.

Так что Александр служил сейчас Гейзериху не за страх, а за совесть. Карфаген должен был стать Сашиным городом, как и флот.

Носилки несколько раз накренялись на поворотах, несильно, но вполне заметно, чернокожие носильщики явно спешили.

Вот вроде бы замедлили шаг… да, замедлили. Остановились. Послышались голоса. Носилки медленно опустились.

– Приехали, господин. Вам во-он туда.

Вырвавшись из портшеза, Александр пошел по узкой аллее, обсаженной кустами акации и дрока и освещенной лишь луною и трепетным светом звезд. Хотя… нет – там, впереди, явно горели светильники, укрепленные на поддерживающих крышу портика колоннах.

Дрожащее зеленоватое пламя отражалось в колоннах, дорогих, розоватого мрамора… Одуряюще пахло цветами.

Где-то совсем рядом вдруг глухо зарычал тигр… или какой-то другой крупный хищник. Зверинец? Похоже, что так. Вообще, все это напоминало виллу… обширный внутренний двор, обложенный камнями бассейн, какие-то приземистые строения. На массивных ступеньках маячила закутанная в длинный плащ фигура.

– Прошу вас, поднимайтесь, друг мой!

Александр узнал Мцеллуса и улыбнулся.

– Сюда, сюда, пожалуйста…

Вельможа был сама любезность. И, кроме оставшихся позади носильщиков, похоже, в саду и в самом доме больше не было слуг. Или – просто так казалось?

– Со мной еще двое друзей, – самолично открывая тяжелую, обитую каким-то блестящим металлом дверь, сановник обернулся. – Это очень влиятельные и нужные люди. Разумеется, они тоже в деле.

– Хорошо, хорошо, – зябко поежившись, хотя вокруг вовсе не было холодно, молодой человек вошел в просторный холл, освещаемый восковыми свечами. Двое мужчин в одинаковых красных плащах, сидевшие в невысоких креслах, обернулись…

Первым желанием Саши было – бежать! Или – сражаться!

Он узнал, узнал обоих заговорщиков! Еще бы…

Это были вольные хевдинги Алагис и Вульфард!

Глава 19. Штурм

Явился верный
конунг с отрядом
на помощь…
«Беовульф»

Весна – лето 439 г. Карфаген

Александр попятился. Правая рука скользнула к висевшему на поясе кинжалу… Впрочем, мысли его летели сейчас быстрее, нежели действия…

– Рад видеть вас, славные пенители моря! – подойдя к сидящим, молодой человек картинно сбросил плащ.

Удивленно вскрикнув, хевдинги потянулись к мечам.

– Кого ты привел, Сергий? – вскочив, возмущенно воскликнул Вульфард.

Александр скрестил руки на груди и громко расхохотался:

– Вижу, меня здесь наконец-то узнали.

– Узнали?! – господин Мцеллус удивленно затряс головой. – Так вы что же, были и раньше знакомы?

– Конечно, – усмехнулся молодой человек. – Я ведь тоже – пенитель морей, а вовсе не повар!

– Что-о?!

– Но меня действительно к вам послали… Только не какая-то там слабеющая императрица непонятно чего… О, нет! Мой господин – славный Гейзерих, повелитель Африки! Да-да, любезнейший Вульфард-хевдинг! Убери свой меч, нечего им тут размахивать, еще поцарапаешь стены. Вы хотели говорить? Так давайте! Для начала предлагаю выслушать меня.

Трое заговорщиков переглянулись.

– Пусть говорит, – нервно кивнул Алагис. – А потом его можно будет и…

– А вот это вряд ли! – Александр нагло уселся в свободное кресло и, вытянув ноги к светильнику, оглянулся к сановнику. – Что-то пересохло в горле. Может, велите принести вина?

– Я сам принесу, – усмехнулся господин Мцеллус. – Только… было бы за что выпить!

– Уверяю вас – будет!

– Ну, раз так…

Сановник хлопнул в ладоши. Возникший словно бы ниоткуда юркий слуга – как видно, из особо доверенных лиц – принес высокий кувшин и кубки. Саша сделал длинный глоток и обвел взглядом насторожившихся заговорщиков:

– Еще раз повторюсь – я предлагаю вам помощь великого Гейзериха! Вы и сами прекрасно знаете – рано или поздно вандалы возьмут Карфаген, сделав его своей столицей. И где тогда будете вы? Поддержка придворных партий? Мы-

шиная возня! Гейзерих и его вандалы – вот достойный выход для всех вас, любезнейшие господа. Достойный и, пожалуй, единственный.

– Почему мы должны тебе верить? – хмуро спросил Алагис.

– Потому что я здесь! – гость улыбнулся. – И, как вы поняли, знаю заветное слово… от кого? Да от того, кто плыл к вам из Рима… точней – из Равенны, ведь Рим давно уже не столица и доживает последние дни. Вы хотите исчезнуть вместе с этим прогнившим городом? Или влить в империю свежую кровь, и тем самым спасти ее величие… Как желает славный Гейзерих и его народы! Скажу вам откровенно – флот вандалов, аланов и герулов уже вышел в море, а их пешие воины вот-вот будут у стен Карфагена. Они ждут лишь знака.

– Какого? – поспешно переспросил Мцеллус.

– Звона колокола, – Саша не стал скрывать, сейчас важно было как можно скорее перетащить заговорщиков на свою сторону. – Вы должны будете выступить, как только флот вандалов окажется у гавани, а войско – у городских стен… Риска для вас практически никакого, ведь все знают – Гейзерих-кениг – это сила! Впрочем, можете и не выступать, как хотите…

Александр с деланым равнодушием пожал плечами:

– Чего я вас тут уговариваю?

– Да-да, – хитровато прищурясь, тут же кивнул санов-

ник. – Вот именно – чего ради?

– Да потому, что именно для этого я сюда и явился! – молодой человек раздраженно взмахнул рукой. – В конце концов, ваше выступление может сильно приблизить победу… нашу общую победу… и спасти город от лишних разрушений и жертв. Правда… это только в том случае, если у вас достаточно сил.

– Достаточно, – гулко отозвался Алагис.

А господин Мцеллус тут же поинтересовался гарантиями.

– Гарантии? – Саша расхохотался. – Вы знаете не хуже меня – Гейзерих вовсе не собирается разрушать империю… он сам хочет стать империей! Он и все, кто с ним. Ему понадобятся сановники, управители, вельможи… думаю, он даже оставит на своих постах многих… Что же касается вас… Как вам должность префекта, любезнейший господин Мцеллус? А вы, славные хевдинги, получите под свое командование отряды достойных воинов. Великий Гейзерих хорошо знает вас… и надеется на вашу помощь.

– Знает? – вожди снова переглянулись. – Откуда знает?

– Вы забыли: стены имеют уши, – ухмыльнулся молодой человек. – А деревья – глаза.

В общем, уговорил. Заговорщикам просто некуда было деться, все уже давно было готово к выступлению, плод созрел и нужно было лишь хорошенько тряхнуть дерево, тряхнуть без промедления, ибо перезрелый плод уже начинал

гнить. К тому же хевдинги давно уже выслали разведку и хорошо знали, что нагло явившийся посланник – Александр Рус – не лжет: флот Гейзериха и его войско уже подходили к Карфагену. Да, собственно, вот уже девять лет они и не отходили от этого города слишком далеко.

У заговорщиков и в самом деле оказалось немало сил, в том числе и конница, правда – конница местная, африканская…

– Будет проблема с отборной дворцовой стражей – тяжелой пехотой, катафрактариями в железных доспехах и сверкающих шлемах, – пожаловался сановник. – Они встанут насмерть на прилегающих к дворцу улицах. И ничто не опрокинет их!

– У вас же есть конница! – прищурился Александр.

Мцеллус пожал плечами:

– И что с того? Дротики особого ущерба катафрактариям не причинят.

– А если одеть всадников в такие же доспехи? И дать им в руки длинные ясеневые копья… Представляете, как они ворвутся в ряды врагов? С разгону, на боевых конях… Ничто и никто не сможет противостоять им!

– Я вижу, вы тоже из морских людей, и совсем не знаете конницы, – цинично усмехнулся сановник. – Как это всадники нанесут таранный удар? Они просто вылетят из седел… тем более в тяжелых доспехах. Громче падать будут – вот и весь толк!

– Не бойтесь, не упадут, – Саша снова потянулся к кубку. – Есть одна штука, не знаю, как и назвать…

Он действительно не знал, как будет по латыни «стремя», даже на языке вандалов – не знал. А потому, пояснил, как сумел:

– Надо тайно заказать кузнецам подставки для ног всадников… привязанных к седлу на таких веревочках…

– А-а-а! – неожиданно воскликнул Вульфард. – Кажется, я знаю, о чем ты говоришь! Это… – Он произнес непонятное слово… – …его использует конница готов! Я видел…

– Я тоже помню что-то такое, – подтвердил Алагис.

– Что же вы раньше-то не сказали? – Мцеллус раздраженно махнул рукой.

– Не знаю, – Алагис пригладил бороду. – Просто не обратили внимания… мы же – морские вожди, а не всадники.

– Вот то-то и оно! – задумчиво скривился сановник. – Не думаю, правда, что от этих штук выйдет особый толк, но… попробовать можно. Я дам заказ кузнецам.

Уже через три дня посланный Мцеллусом раб ударил в колокола на самой высокой колокольне. Ударил так, как инструктировал Александр.

Маячившие где-то у горизонта серые паруса быстро приблизились, прямо на глазах превращаясь в могучий флот. Флот вандалов, удачливых морских хевдингов, изящные и быстроходные гребные суда под квадратными парусами,

римляне знали их под именем актуарий или галей, сами же люди моря называли свои суда просто – «корабль», а еще – «драконы моря».

На одном из таких драконов, на носу, стоял король Гейзерих в окружении верной дружины, изящная, сплетенная из тонких железных колец кольчуга его, нестерпимо сияла на солнце. Сияла золотом! Так же, как и шлем с устрашающей маской!

Весла мерно пенили воду. Сотни судов устремились в гавань. Быстрый «Амикус», ведомый опытной рукой Ингульфа, вырвался вперед и, повинуясь команде молодого кормчего, замедлил ход.

– Хорошей кольчугой владеет Гейзерих-кениг, – поигрывая секирой, завистливо произнес «дубинушка» Видибальд. – Я бы не отказался от такой.

– Я бы и от шлема такого не отказался, – громко расхохотался Эрлоин. – Славный шлем. Ишь, как сияет!

– Ничего, парни, – Ингульф весело отозвался с кормы. – Сегодня мы добудем себе и кольчуги, и шлемы, и красивых женщин, и много чего еще!

– Да, – подбросив секиру в воздух, воскликнул Видибальд. – Поистине это будет славная битва!

Корабли вандалов, «драконы моря», не дали карфагенскому флоту даже выйти из гавани, римляне трусливо промедлили, выжидая неизвестно чего.

– Водан! Донар! Тор!

– Помоги нам, Святая Дева!

Языческие и христианские кличи же сливались в один густой гул, быстро сменившийся глухим шумом битвы. Сначала запели стрелы, тысячи стрел, выпущенных из добрых германских луков, затем в ход пошли дротики и секиры… И вот уже громыхнули борта в борта, гулко ударили тараны, и треск сломанных весел выстрелил в воздух. И полилась кровь…

Используя всю мощь первого натиска, корабли вандалов заперли карфагенский флот в гавани и теперь теснили его к причалам, напрочь разрушая робкие попытки создать хоть какой-нибудь строй.

Возбужденные начавшейся битвой варвары, размахивая секирами и мечами, врывались на вражеские корабли, убитые и раненые летели в воду, вот уже захватили несколько кораблей…

– Водан! Донар! Тор!

Правда… правда, защитники Карфагена как-то неохотно сражались. Вот – при первом же приближении «драконов моря» сдалась либурна с высокою позолоченной кормой… вот еще один корабль прекратил движение… вот – второй, третий… десятый…

Король Гейзерих поднял руку – на мачте его корабля синий вымпел сменился оранжевым, что означало – прекратить ненужную бойню! Теперь можно было просто брать сдающихся в плен. Хотя, разгоряченные битвой варвары пона-

чалу не особо-то оглядывались на своего вождя.

И лилась кровь. И падали в воду трупы, и черный дым от горящих судов столбом поднимался в блеклое африканское небо.

– В город! – покончив с вражеским флотом, наконец, сообразили хевдинги. – Всем – в город. Да поможет нам Иисус и все древние боги!

Ингульф, Эрлоин, Бертульф и, конечно же, Видибальд Секира, оставив «Амикус» на попечение нескольких воинов – в их числе были и Нгоно с Луи, тоже решившие принять участие в битве, отомстить за все унижения своего карфагенского рабства. Гейзерих не прекословил, как не возражал и выходу «Амикуса» в море. Естественно – в составе вандальского флота.

– Водан! Донар! Тор! Иисус!

Клинки молодых варваров уже были обагрены кровью, ноздри плотоядно раздувались и вырывались наружу сердца! Сверкали и мечи, добрые, выкованные кудесниками-кузнецами, мечи с отполированными стальными лезвиями, а в мозгах звучало – битва! битва! битва!

– Где дворец правителя, пес? – вышибив ногой дверь первого же попавшегося дома, Ингульф схватил за волосы подвернувшуюся под руку девчонку и, приставив к ее горлу меч, грозно взглянул на метнувшегося к выходу старика в бога-

той тунике.

Трус! Даже не спасает свою дочь… или кто она там ему?

Впрочем, мерзкий старик не убежал далеко – Видибальд раскроил ему голову секирой. Запросто, с веселым хрустом, словно орех. Ингульф даже присвистнул – ну, до чего ж здорово!

– Дедушка-а-а!!! – плача, рванулась было девчонка.

Расчетливый не по годам Ингульф не стал резать ей горло – у кого ж тогда спрашивать? Местные жители попрятались, словно крысы.

Даже убрал меч, но пригрозил:

– Показывай, где дворец правителя! Не покажешь – убью!

Вообще-то можно было бы и не убивать ее сразу, сперва позабавиться… но, это, наверное, потом. Позже… Будет еще девок. А сейчас главное – дворец. Добраться туда первыми. Это и почет, и слава… и поживиться можно, что тоже немаловажно.

– Я покажу, покажу… – плача, причитала девчонка. – Но… только там много воинов.

– Все ваши воины – трусы! – гулко захохотал Ингульф. – Ну! Веди же!

Так же, за волосы, он вытащил девушку на улицу и, рывком поставив на ноги, вопросил:

– Где?

– Вон там… вон… Видите, где зубчатая башня?

– Это такая белая? За лестницей?

– Да…

– Вперед! – отбросив девчонку в сторону, повелительно бросил Ингульф. О, этот парень теперь имел право командовать, он ведь был шкипер. А кроме того, и кроме храбрости, он еще имел и изворотливый ум – это все признавали. А ум для хевдинга иногда куда важнее, чем храбрость… Правда, так рассуждали не вандалы, а римляне, враги… но и у врага не грех поучиться чему-то хорошему.

Взбегая по мраморной лестнице вверх, Ингульф оглянулся, увидев, как, походя взмахнув мечом, рыжебородый Эрлоин отрубил девчонке голову. Так, просто… И правильно, наверное – незачем оставлять врагов. Впрочем, эта девка не враг, даже не человек, а так – вещь, рабыня. Ну, будет еще сегодня вещей, и рабынь будет!

– Донар! Водан! Тор!

Как давно заметил пытливый парнишка, древние боги помогали в битвах куда лучше, нежели Иисус Христос. Христос, конечно, очень уважаемый бог, спору нет… но, честно говоря, какой-то скучный. То ли дело – весельчак Тор!

Вот пройдена лестница. Вот и башня… Улица… А там…

А там – целый строй, ощетинившийся щитами и копьями! Грозный строй закованных в стальные доспехи воинов, готовых на все. Тяжелая пехота. Варвары могли бы от нее легко убежать. Но это было бы трусостью! Несмываемым позором навеки!

– Мы будем сражаться! – с улыбкой оглянулся Ингульф.

– Конечно, будем, клянусь посохом святого Петра и улыбкой Донара! – захохотал Эрлоин, меч его, еще не напитавшийся кровью убитой девчонки, вновь искал жертву. Это был славный меч, выкованный славным кузнецом, что сродни волшебнику. Такой же добрый клинок – узорчатый и зеркальный, – какой заказал тому же кузнецу и Ингульф, недешево, правда, но серебришко имелось, слава Александру-хевдингу… Жаль, он сам не заказал такого меча! Ничего… еще будет время. Как же без хорошего меча-то? Добрый клинок, он как надежный корабль, как верный друг. Как же без него-то? Меч Ингульфа звался Хродберг – это было славное имя удачливого хевдинга, жившего когда-то давно, а верный клинок Эрлоина носил не грозное имя – «Ненасытный». И впрямь он был ненасытен – все время требовал крови, вот как сейчас… вообще-то не стоило бы убивать девчонку, но… Такое уж у меча Эрлоина имя, и ничего с этим не сделаешь! Меч, славный меч…

Юноша осторожно погладил левой рукою клинок… гладкий, удивительно теплый, родной… Такой не стыдно будет подарить славному хевдингу Александру на свадьбу! Вот именно! Вот это будет подарок – все обзавидуются! Хродберг, меч – друг. И Александр-хевдинг – друг, да еще какой! Друга можно подарить другу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.